

№1 2020

Экономический рост и интеграция:
компаративный анализ

Сибирь как макрорегион:
экономические параметры
и стратегии развития

Экономическое неравенство:
обзор современных дискуссий

Евразийская интеграция:
единый рынок услуг

В каком обществе живут
и с какой экономикой
имеют дело в передовых
странах мира

Председатель редакционного совета

Султанов Руслан

Председатель правления АО «Институт экономических исследований», Executive MBA, Казахстан

Главный редактор

Байзаков Сайлау

Научный руководитель АО «Институт экономических исследований», доктор экономических наук, профессор, Казахстан

Научный редактор

Хусаинов Булат

Советник по науке АО «Институт экономических исследований», Академик Казахской Национальной Академии естественных наук, доктор экономических наук, ассоциированный профессор, Казахстан, Алматы

Редакционный совет

Альжанова Фарид

Зав. отделом Института экономики КН МОН РК, доктор экономических наук, ассоциированный профессор, Казахстан, Алматы

Аханов Серик

Член Совета Ассоциации финансистов Казахстана, доктор экономических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Ахметжанова Салтанат

Директор Центра АО «Институт экономических исследований», доктор экономических наук, ассоциированный профессор
Казахстан, Нур-Султан

Мұқан Бауыржан

Зам. председателя правления АО «Институт экономических исследований», кандидат экономических наук, Казахстан, Нур-Султан

Беккер Чарльз

PhD (Economics), профессор кафедры экономики Дьюкского Университета, США, Дарем

Оппенгеймер Питер

Профессор экономики Оксфордского университета, Великобритания, Оксфорд

Жакупова Шахарбану

Зам. председателя правления АО «Институт экономических исследований», доктор экономических наук, профессор, Казахстан, Нур-Султан

Нусупов Асет

PhD (Economics) Казахстан, Нур-Султан

Суслов Виктор

Зав. лабораторией Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, член-корр. РАН, доктор экономических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Широв Александр

Заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корр. РАН, доктор экономических наук, профессор, Россия, Москва

Унгвари Ласло

доктор экономических наук, профессор, Германия, Вильдау

Editorial Chair the council

Ruslan Sultanov

Chairman of the Board of JSC «Economic Research Institute», Executive MBA, Kazakhstan

Chief Editor

Sailau Baizakov

Scientific Leader of JSC «Economic Research Institute», Doctor of Science (Economy), Professor, Kazakhstan, Nur-Sultan

Science Editor

Bulat Khusainov

Science Advisor of JSC «Economic Research Institute», Academician of the Kazakhstan National Academy of Natural Science, Doctor of Science (Economics), Associate Professor Kazakhstan, Almaty

Editorial Council

Farida Alzhanova

Head Department of the Institute of Economy of the Ministry of Education and Science of the RK, Doctor of Science (Economics), Associate Professor, Kazakhstan, Almaty

Serik Akhanov

Member of the Council of the Association of Financiers of Kazakhstan, Doctor of Science (Economics), Professor, Kazakhstan, Almaty

Saltanat Akhmetzhanova

Director of the Center of JSC «Economic Research Institute», Academician of the Kazakhstan National Academy of Natural Science, Doctor of Science (Economy), Associate Professor Kazakhstan

Bauyrzhan Mykan

Deputy Chairman of the Board JSC «Economic Research Institute», PhD (Economy), Kazakhstan, Nur-Sultan

Charles Becker

Professor of Economics, University of Oxford England, Oxford

Peter Oppenheimer

PhD (Economics), Professor, Department of Economics, Dukes University, USA, Durham

Shaharbanu Zhakupova

Deputy Chairman of the Board JSC «Economic Research Institute», Doctor of Science (Economy), Professor, Kazakhstan, Nur-Sultan

Asset Nussupov

PhD (Economics), Kazakhstan, Nur-Sultan

Victor Suslov

Head Laboratory of the Institute of Economics and Industrial Engineering, SB of the Russian Academy of Science, Corresponding Member RAS, Doctor of Science (Economy), Professor, Russia, Novosibirsk

Aleksandr Shirov

Deputy Director of the Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Corresponding Member RAS, Doctor of Science (Economy), Professor, Russia, Moscow

Laslo Ungvary

Doctor of Science (Economics), Professor Germany, Wildau

Содержание**ИССЛЕДОВАНИЯ**

Буллат Хусаинов, Руслан Султанов 5
**Экономический рост и интеграция:
компаративный анализ**

Виктор Суслов 21
**Сибирь как макрорегион: экономические
параметры и стратегии развития**

Ирина Родионова 28
**Цифровая трансформация
и индустриализация: сравнительный
анализ постсоветских экономик**

Шолпан Ибраимова, Айдана Терликбаева 39
**Экономическое неравенство:
обзор современных дискуссий**

АНАЛИТИКА

Баян Абдрахманова, Кымбат Ахметжанова 49
**Гармонизация стратегического
и бюджетного планирования**

Дина Бектлеева, Дулат Отегали 56
**Средний класс в Казахстане: функции,
идентификация, масштабы**

Дмитрий Иванов 68
**Энергетическое партнерство:
Казахстан – Евросоюз – Россия**

Куаныш Еликбаев 77
**Формирование единого рынка услуг
Евразийского экономического союза:
проблемы и перспективы**

Ерлан Каримов 88
**Кредитные ресурсы
и предпринимательство
в Казахстане и странах ОЭСР**

ДИСКУССИИ

Нурлан Акимов 100
**В каком обществе живут и с какой
экономикой имеют дело в передовых
странах мира**

Contents**RESEARCH**

Bulat Khusainov, Ruslan Sultanov 5
**Economic Growth and Integration:
Comparative Analysis**

Victor Suslov 21
**Siberia as a Macroeconomy: Economic
Parameters and Development Strategies**

Irina Rodionova 28
**Digital Transformation
and Industrialization: Comparative
Analysis of Post-Soviet Economies**

Sholpan Ibraimova, Aidana Terlikbayeva 39
**Economic Inequality:
Review of Current Discussions**

ANALYTICS

Bayan Abdrakhmanova, 49
Kymbat Akhmetzhanova
**Harmonization of strategic
and budget planning**

Dina Bektleeva, Dulat Otegali 56
**Middle Class in Kazakhstan:
Functions, Identification, Scales**

Dmitry Ivanov 68
**Energy Partnership:
Kazakhstan - European Union - Russia**

Kuanysh Yelikbayev 77
**Eurasian Integration:
Single Market for Services**

Erlan Karimov 88
**Credit resources and entrepreneurship
in Kazakhstan and OECD countries**

DISCUSSIONS

Nurlan Akimov 100
**What kind of society and economy
advanced countries have**

Құрылтайшы: Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігінің «Экономикалық зерттеулер институты» АҚ

Бұқаралық ақпарат құралдарын 05.04.2004 жылғы № 4859-Ж тіркеу туралы куәлік, 2016 жылғы 24 сәуірдегі № 15975-Ж қайта тіркеу туралы куәлігі. Журнал жазылым бойынша таралады. Жазылым индексі – 75224.

Редакция мекенжайы: Қазақстан Республикасы 010001, Астана қ., сол жағалау, Шұбар шағын ауданы, Темірқазық к-сі, 65-ші үй, ҚР ҰЭМ «Экономикалық зерттеулер институты» АҚ

Тел.: +7(7172)70-18-10

Факс: +7(7172)70-18-35

E-mail: eri@economy.kz

ЕРІ ЭЗИ

ISSN 1813-3983

Журналдың онлайн нұсқасы келесі веб-сайт бойынша жарияланады: www.economy.kz

Жарияланған күні 9.04.2020

PDF пішімі

Учредитель: АО «Институт экономических исследований» Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Журнал издается ежеквартально.

Мнение редакции и членов редсовета может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

Письменное согласие редакции при перепечатке, а также ссылки при цитировании на журнал «Journal of Economy and Finance» обязательны.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право использовать опубликованные статьи в других изданиях, в том числе и в электронных базах данных.

Свидетельство о постановке на учет средства массовой информации №4859-Ж от 05.04.2004 г., свидетельство о перерегистрации № 15975-Ж от 28.04.2016 г.

Журнал распространяется по подписке.

Подписной индекс – 75224.

Адрес редакции: Республика Казахстан 010001, г. Астана, левый берег мкр-н Чубары, ул. Темірқазық, д. 65 АО «Институт экономических исследований» МНЭ РК. Тел.: +7(7172)70-18-10 Факс: +7(7172)70-18-35 E-mail: eri@economy.kz

ЕРІ ЭФИ

ISSN 1813-3983

Журнал публикуется в онлайн версии на веб-сайте www.economy.kz.

Дата выхода издания 9.04.2020

Формат PDF

Founder: Economic Research Institute JSC of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan

Certificate of registration of mass media No.4859-Ж as of 05.04.2004, certificate of Incorporation on Re-Registration No.15975-Zh dated April 28, 2016 Distributed by subscription.

Subscription index: 75224.

Editorial address: Economic Research Institute JSC of MNE of RK, 65 Temyrkazyk str., left bank of Chubary micro-district, Astana, 010001 Republic of Kazakhstan Phone number: +7(7172)70-18-10 Fax: +7(7172)70-18-35 E-mail: eri@economy.kz

ISSN 1813-3983

The journal is published online on the website www.economy.kz

Release date of publication 9.04.2020

PDF format

Уважаемые читатели и коллеги! Перед вами обновленный ежеквартальный научный журнал «Journal of Economy and Finance», учредителем которого является акционерное общество «Институт экономических исследований».

Обновление связано, во-первых, с повышением требований к качеству научных статей, во-вторых, с новым составом редакционного совета. В него любезно согласились войти авторитетные ученые-экономисты дальнего и ближнего зарубежья. Это профессор Оксфордского университета Питер Оппенгеймер, заведующий Лабораторией Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор Виктор Сулов, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор Александр Шилов, PhD (economics), профессор кафедры экономики Дюкского университета Чарльз Бэккер, доктор экономических наук, профессор из Германии Ласло Унгвари, член Совета Ассоциации финансистов Казахстана, доктор экономических наук, профессор Серик Аханов, зав. отделом Института экономики Министерства образования и науки РК, доктор экономических наук, профессор Фарида Альжанова.

Подготовка и выход первого номера этого года совпали с новым глобальным кризисом, который был вызван последствиями пандемии COVID-2019 и беспрецедентной турбулентностью на мировом углеводородном рынке.

Тематика публикаций обновленного «Journal of Economy and Finance» будет охватывать широкий круг проблем, обусловленных сегодняшними реалиями. На его страницах будут представлены оригинальные статьи и аналитические материалы по результатам фундаментальных и прикладных исследований, проводимых казахстанскими и зарубежными учеными.

Надеемся, что ученые-экономисты разных школ и направлений будут предлагать «Journal of Economy and Finance» конкретные научно обоснованные предложения по улучшению экономического и социального развития нашей страны, выработке принципиально новых подходов в решении проблем национальной и мировой экономики.

Приглашаем авторитетных ученых-экономистов, молодых исследователей к конструктивному сотрудничеству и очень надеемся, что вы станете нашими постоянными читателями и авторами.

Руслан Султанов

Председатель Правления
АО «Институт экономических исследований»

УДК: 332.135, 332.055.2
JEL CODE: F02, F10, F15, F42

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ИНТЕГРАЦИЯ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ¹

Булат Хусаинов*
Руслан Султанов**

Аннотация

Цель – исследование асимметричного влияния внешнего и внутреннего спроса на динамику роста интеграционных объединений и национальных экономик, их образующих.

Новизна – внешний спрос, как фактор экономического роста, дезагрегирован на две составляющие: первая – чистый экспорт взаимной торговли товарами внутри интеграционного объединения; вторая – чистый экспорт внешней торговли товарами за пределы интеграционного объединения.

Результаты – количественная оценка и содержательный анализ влияния факторов роста интеграционных объединений и национальных экономик, входящих в их состав.

Выводы – во-первых, интеграция развивается успешно и эффективно только в условиях подъема национальных экономик стран-участников региональных объединений; во-вторых, статистически значимой взаимосвязи между уровнем внутрирегиональной торговли и его вкладом в динамику роста интеграционных блоков не наблюдается.

Ключевые слова:

глобализация, интеграционные объединения, экономический рост, внешний и внутренний спрос, чистый экспорт, взаимная и внешняя торговля.

Abstract

Aim – to research the asymmetric impact of internal and external demand on growth dynamics of integrations and national economies forming those integrations.

Novelty – external demand, as a factor of economic growth, disaggregated into two components: first – net export of mutual trade within the integration; second – net export of external trade outside of integration.

Results – quantitative assessment and informative analysis of growth factors influence of integrations and national economies forming those integration.

Conclusions – firstly, integration is developing successfully and efficiently only in case of an upsurge of national economies of countries, members of regional integrations; Secondly, there is no statistically significant interrelation between level of mutual trade and its contribution to integration's growth dynamics.

Key words:

globalization, integration associations, economic growth, external and domestic demand, net exports, mutual trade.

¹ Статья написана в развитие идей авторов, представленных в работах /1, 2/.

* Советник по науке АО «Институт экономических исследований», академик Казахстанской Национальной Академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор.

** Председатель Правления АО «Институт экономических исследований», Executive MBA.

Введение

В современном мире соотношение глобализации и региональной интеграции становится весьма актуальной проблемой. Глобализация, представляющая многообразный и противоречивый процесс развития мировой экономики, порождает все новые интеграционные блоки и союзы. Региональная интеграция – это сложный процесс, в значительной мере зависящий от конкретных особенностей каждого отдельно взятого случая, где не существует правил, которые были бы одновременно и универсальными, и практичными для проведения политики в отношении интеграционных соглашений.

Диалектика взаимодействия процессов глобализации и интеграции свидетельствует, что, с одной стороны, создание интеграционных объединений является естественной реакцией на негативные последствия глобализации, особенно усиливающихся в условиях неустойчивости и нестабильности мировой экономической системы, с другой – конкретным проявлением объективной тенденции к созданию целостной системы глобального партнерства (между интеграционными объединениями).

Неоспоримым является тот факт, что экономическая интеграция является своеобразным средством разрешения противоречий глобализации. Значение интеграции определяется создаваемой ею возможностью усиливать конкурентные позиции объединяющихся стран в бескомпромиссной борьбе за мировые рынки, источники сырьевых и энергетических ресурсов, новые технологии, инвестиции и т.д. Наряду с этим, богатый опыт государств Западной Европы наглядно свидетельствует, что интеграция обеспечивает повышение конкурентоспособности национальных экономик. Создание интеграционных объединений способствует их противостоянию крупнейшим транснациональным и национальным экономическим структурам, из которых могут исходить реальные угрозы суверенитету развивающихся стран и формирующихся рынков (более подробно см. /3, с. 12-19; с. 80-109/).

Общеизвестно, что на рубеже 80–90-х годов XX в. процесс глобализации вызвал два взаимосвязанных между собой явления: упадок роли государства-нации и одновременно возникновение региональных объединений (блоков). При этом в течение нескольких десятилетий региональная интеграция является доминирующей тенденцией мирового развития. Фактически весь мир сегодня – это совокупность региональных блоков. В Западной Европе, Северной и Южной Америке, Юго-Восточной Азии, постсоветском пространстве и Африке действуют крупные региональные объединения, связанные общими экономическими и геополитическими интересами. Цели и причины создания их были разные. Но на фоне глобализации мировой экономики все они направлены на отстаивание национальных интересов группы объединяемых ими государств. И в этом

их сила, несопоставимая с возможностями отдельно взятой страны.

В таких условиях процветание государства, его роль и место в современной мировой экономике все больше зависит от способности эффективно функционировать в интеграционных объединениях, отстаивая национальные интересы, что является весьма нетривиальной проблемой.

В последние годы многими международными организациями, включая Всемирный банк, Евразийский банк развития, научными институтами стран-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), включая участников данного интеграционного объединения, осуществляются разработки, направленные на оценку эффекта от их участия в составе. Однако, имеется незначительное число работ, направленных на оценку вклада различных факторов в экономический рост интеграционных объединений и национальных экономик стран-членов, их образующих. В контексте сказанного важное значение имеет количественная оценка и качественный анализ вклада классических факторов роста (внешняя и взаимная торговля, основные компоненты внутреннего спроса) интеграционных образований в целом и образующих их национальных экономик в частности. В этом состоит актуальность и новизна настоящего исследования.

Обзор литературы

Экономический рост – актуальнейшая проблема экономической теории и практики. В мировой науке ей уделяется постоянное внимание.

Об этом свидетельствуют многочисленные зарубежные исследования, в том числе знаменитая кембриджская дискуссия по теории капитала, в действительности охватившая более широкий круг вопросов. Значение этой дискуссии имеет исключительное значение как в методологическом плане, так и в прикладном – экономико-математическом аспекте.

«Начавшись в 50-е годы и продолжаясь в течение четверти века, она вовлекла в свою орбиту множество ученых-экономистов, включая «звезд» первой величины, и далеко вышла за пределы обсуждения одной, хотя и центральной проблемы капитала» /4, с. 29/.

Не вдаваясь в подробности дискуссии (это выходит за рамки настоящего исследования), отметим следующее: она велась двумя группами ученых – английским Кембриджем, представленным работами Дж. Робинсона, Д. Чампернауна, П. Сраффы, Н. Калдора, Дж. Харкорта, Л. Пазинетти и ряда других авторитетных теоретиков; а также американским Кембриджем, в числе ученых которого нобелевские лауреаты П. Самуэльсон, Р. Солоу, Ф. Модильяни и другие выдающиеся ученые-экономисты (более подробно см. /5/).

Не менее важная задача – объяснить причины повышения реального выпуска в долгосрочном периоде, проанализировать различные его сценарии,

определить показатели, влияющие на рост. Решение этой задачи помогает выявить причины межстрановых различий в уровне жизни и наметить пути их ликвидации. С хронологической точки зрения отсчет современных теорий роста идет от работы Ф. Рамсея /6/. По словам Р. Барро, его работа «на несколько десятилетий опередила время» /7, с.10/. Рассмотрение Ф. Рамсеем проблемы интертемпоральной оптимизации домохозяйств с течением времени дало импульс не только теории экономического роста, но и теории деловых циклов, потребления, цен, активов. Вместе с тем наиболее законченный вид неоклассическая модель экономического роста обрела в работах Р. Солоу /8–10/ и Т. Свана /11/. Значительная часть современных теорий роста, направленных на эндогенизацию экзогенно задаваемых в модели Солоу детерминант экономического роста, посвящена рассмотрению данных аспектов проблемы. Они представляют одно из самых перспективных направлений экономической науки, начиная с момента появления модели Солоу-Свана. В частности, российские исследователи основной упор делают на определении значения фактора технического прогресса для экономического роста. В этой связи необходимо упомянуть о целой плеяде концепций долгосрочного экономического развития и прогнозирования, давно развиваемых в России. Основаны они на разных теоретических постулатах: развитая еще в 80-х годах XX столетия методология многофакторного анализа динамики научно-технического прогресса (НТП) как долгосрочного развития уровня общественной технологии (Д.С. Львов /12/); последовательные этапы в НТП (А.А. Анчишкин /13/); теория долгосрочного экономического развития на основе концепции технологических укладов (С.Ю. Глазьев /14, 15/); развитие эволюционной экономической теории /16–18/.

Методология исследования и информационная база

Традиционно оценка влияния факторов на экономический рост осуществляется при помощи двух основных составляющих – внешнего и внутреннего спроса².

Новизна нашей методологии заключается в том, что внешний спрос был дезагрегирован на две составляющие:

а) чистый экспорт (разница между экспортом и импортом) товаров внутри интеграционного образования, т.е. чистый экспорт взаимной торговли;

б) чистый экспорт внешней торговли товарами за пределы интеграционного объединения.

Внутренний спрос состоит из двух компонентов

– конечное потребление и инвестиции в основной капитал. Но ввиду отсутствия последнего в постоянных долларах 2010 г. в базах данных международных организаций он был заменен показателем «валовое накопление основного капитала»³. Основным показателем для его формирования являются инвестиции в основной капитал⁴.

С учетом изложенного была проведена оценка вклада этих факторов на экономический рост крупнейших интеграционных объединений, включая Евразийский экономический союз (ЕАЭС), а также пяти стран-членов, его образующих. Для этого был использован метод, предложенный в /19, с. 74/. Суть его состоит в следующем: вклад чистого экспорта взаимной и внешней торговли (за вычетом взаимной торговли) в реальный валовой внутренний продукт (ВВП) рассчитывается как средняя величина их изменений в реальных объемах за определенный период времени, деленная на величину реального ВВП в начальный год этого периода. В отличие от /19, с. 74/ вклад остальных рассчитывается аналогичным образом.

Для корректности оценки и компаративного анализа, которые проводились за период 2001–2018 гг., значения всех показателей приведены в постоянных долларах 2010 г. Чистый экспорт товаров взаимной и внешней торговли интеграционных объединений переведен в сопоставимый вид с учетом индексов покупательной способности по экспорту в ценах 2010 г. (purchasing power indices of exports). Данный индекс взят из UNCTAD statistics database (www.unctad.org). Показатели внешней торговли в текущих ценах взяты из базы данных Trademap (www.trademap.org), показатели ВВП и конечного потребления – из базы данных Всемирного банка (www.databank.worldbank.org).

Общие замечания о взаимосвязи экономического роста и торговли

Анализу проведенных расчетов предположим ремарку относительно влияния внешней торговли на экономический рост.

Торговля, как правило, стимулирует рост, способствуя повышению общественного благосостояния, и как следствие, приводит к сокращению бедности. В экономических исследованиях (см., например, /20/) доказано, что теоретически влияние торговли на рост благосостояния всегда положительно при условии отсутствия провалов рынка и искажений, вызванных экономической политикой. Если же про-

²Примечание: внешний спрос – спрос со стороны внешних рынков, т.е. внешняя торговля; внутренний спрос включает в себя потребление частного и общественного сектора и валовые капиталовложения.

³Валовое накопление основного капитала – вложение средств резидентами в инвестиционные объекты длительного пользования для создания нового дохода в будущем путем использования их в производстве. Базовым показателем для формирования данного показателя являются инвестиции в основной капитал.

⁴Их значения различаются на величину стоимости затрат на: создание и приобретение программного обеспечения и баз данных, геологоразведочные работы, производимые за счет средств помимо капитальных вложений, капитальный ремонт, а также включают стоимость основных фондов в скоте.

валы и искажения имеют место, то влияние торговли на динамику роста может быть как позитивным, так и негативным. Несмотря на то что в многочисленных исследованиях накоплен эмпирический опыт построения моделей, содержательный обзор которых представлен в /21, 22/, существуют определенные концептуальные и технические сложности, препятствующие установлению связи между торговлей и экономическим ростом. В известной мере это обусловлено тем, что существуют определенные оговорки в общих правилах /23/.

Во-первых, участие во внешней торговле связано с определенными издержками. В частности, оно делает страну уязвимой от конъюнктуры мировых рынков и от воздействия протекционистских мер, предпринимаемых торговыми партнерами. Причем такая уязвимость проявляется особенно остро, когда экспорт и/или импорт страны носит преимущественно сырьевой характер, так как цены на сырьевые товары более изменчивы, чем на продукцию обрабатывающей промышленности. Яркий пример – экономика Казахстана, России, а также ряда латиноамериканских государств, в том числе входящих в интеграционные блоки.

Во-вторых, в случае провалов рынка или искажений, вызванных экономической политикой, торговля может оказать отрицательное влияние на динамику роста. К примеру, если торговля между двумя экономиками порождена искусственной специализацией и ведется без надлежащего учета их сравнительных преимуществ, то это может привести к замедлению темпов роста в обеих странах. Нежелательным также является наращивание объемов экспорта за счет снижения экспортных цен. Это может привести к «обедняющему росту», при котором расширение производства сопровождается снижением общественного благосостояния. Показательным примером является экспорт из союзных республик СССР. Например, экспорт меди из Казахстана, торговля которой осуществлялась из так называемого Центра, т.е. общесоюзным министерством цветной металлургии. В частности, медь, на которую в 1990 г. приходилась четверть экспортного потенциала республики (3,2 млрд долл.), вывозилась по внутренним очень низким ценам, а продавалась за рубежом по мировым ценам, которые были существенно выше внутренних. В результате экспорт казахстанской меди не оказывал положительного влияния на экономический рост Казахстана и рост общественного благосостояния в республике. Другой пример – экспорт узбекского хлопка. И таких «опытов» внешней торговли можно привести множество.

В-третьих, чтобы участвовать во внешней торгов-

ле и извлекать из нее выгоды, государство должно иметь ясную и разумную экономическую политику, соответствующие институты и инфраструктуру, направленную на ее развитие и поддержку. Однако создание институтов и инфраструктуры внешней торговли требует достаточно длительного времени. При этом экономическая политика должна органически включать в себя торговую и промышленную политики, политику в области конкуренции, инвестиционную политику, благоприятный валютный и налоговый режим, транспортную и коммуникационную инфраструктуру, логистические услуги, а также ряд других важных составляющих.

Анализ развития интеграционных объединений

В настоящее время в мире существует более 200 интеграционных объединений. Во всех из них сила экономических связей разная, отличается и фактический уровень интеграции рынков капитала, товаров и услуг, а также трудовых ресурсов. При этом многие страны одновременно являются членами нескольких региональных блоков. По общему признанию, наиболее известными интеграционными образованиями являются Европейский союз (ЕС), Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА⁵), Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР). К их числу следует отнести и ЕАЭС. Эти региональные интеграционные образования возникали в разное время и находятся на различных стадиях своего развития.

Совершенно очевидно, что ЕС на сегодня является наивысшей формой регионализма. В целом европейская модель до последнего времени⁶ считалась наиболее успешной и продвинутой, что выражается в углублении связей не только в сфере экономики, но и институтов и политики. Однако в последние годы в развитии ЕС существует ряд серьезных проблем, и не все инициативы были успешными. Достаточно отметить неудачу с Лиссабонской стратегией развития ЕС на 2000–2010 гг., которая помимо других целей «предусматривала технологический прорыв стран Евросоюза на мировой арене, стремление превратить его в самое конкурентоспособное и динамичное, «основанное на знаниях, экономическое пространство в мире». Однако этого не произошло. В то же время современные сложные проблемы, в частности долгового кризиса, общеизвестны и их перечисление будет излишним.

Примечательно, что на азиатском, евразийском

⁵ В 2019 г., спустя почти четверть века, Соглашение о создании НАФТА пересмотрено, а между странами-участниками заключен новый договор. Зона свободной торговли между ними сохраняется на основе уже нового соглашения, которое будет иметь уже не только новое содержание, но и новое название «USMCA» (по заглавным буквам стран-участниц в английской транскрипции).

⁶ По словам бывшего премьер-министра Бельгии Ги Верхофстадта в интервью газете «Стампа», «кризис с коронавирусом свидетельствует о крахе Европы ... При пандемии необходим единый центр принятия решений и единая линия управления... А мы в последние восемь недель в Европе наблюдали иную картину: 28 центров принятия решений, 28 линий управления». Цитируется по [ССЫЛКЕ](#) (актуальное обращение от 31 марта 2020 г.).

Таблица 1. Региональные интеграционные объединения в цифрах, 2018 г.

Показатель	Региональные интеграционные объединения				
	ЕС (27)*	МЕРКОСУР (5)	НАФТА (3)	АСЕАН (10)	СНГ (10)
Население, млн чел.	509 697	293 123	493 506	654 030	244 191
ВВП, в постоянных долл. 2010, млрд	19121,8	3070,9	21164,8	2915,7	2201,9
ВВП на душу населения, в постоянных долл. 2010 г.	37516	10476	42887	4458	9017
Открытость внешней торговли по экспорту товаров, в % к ВВП	32,9	13,2	11,0	47,9	28,9
Открытость внешней торговли по импорту товаров, в % к ВВП	31,9	10,6	14,9	44,1	18,1

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD statistics database (www.unctad.org).

Примечание: * - в скобках указано количество стран, входящих в региональное объединение по состоянию на 2018 г.

и европейском пространстве возникновению интеграционных объединений предшествуют кризисные или шоковые явления в системе международных экономических отношений. Так, воплощение идеи о создании единой Европы началось после Второй мировой войны. Окончание холодной войны в конце 80-х годов XX столетия способствовало появлению Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества и Регионального Форума АСЕАН. Распад Советского Союза в 1991 г. привел к образованию Содружества Независимых Государств (СНГ). После азиатского и российского финансовых кризисов 1998 г. было создано Евразийское экономическое сообщество. Грузино-южноосетинский вооруженный конфликт в августе 2008 г. ускорил создание Таможенного Союза (ТС) Беларуси, Казахстана и России. Формирование на его основе Единого экономического пространства также шло ускоренными темпами после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Приведенные исторические факты в их хронологической последовательности отнюдь не означают, что эти объединения возникли случайно. Напротив, практически во всех случаях, начиная от создания основ единой Европы до образования ТС трех стран, их формирования возникали гораздо раньше, о чем свидетельствуют соответствующие подготовительные процессы. Кроме того, причины образования этих региональных интеграционных объединений отнюдь не имеют прямой зависимости с отмеченными кризисами и шоковыми явлениями, но существование причинноследственной связи нам представляется несомненным.

Безусловно, сравнивать интеграционные объединения сложно из-за сильно отличающихся масштабов их экономик, значительных различий и асимметрий в уровнях развития стран, входящих в них.

Проведение компаративного анализа ключевых макроэкономических параметров упомянутых выше интеграционных образований позволяет выявить основные тенденции их развития в глобальной экономике, а также понять, насколько интеграция способствует наращиванию торговли и экономическому росту, в особенности национальных экономик, их образующих.

Среди пяти выбранных региональных объединений (табл. 1) самым представительным по численности населения является АСЕАН, где проживает 8,6% от всего населения планеты. Здесь формируется порядка 3,5% мирового валового продукта (в постоянных долларах 2010 г.).

В ЕС-27, где проживает 6,7% всего населения планеты, в 2018 г. произведено 21,8% мирового валового продукта (МВП). Примечательно, что в 1990 г. 27 стран, ныне входящих в состав ЕС, производили треть (32,8%) МВП. ЕС юридически был закреплен Маастрихтским договором в 1992 г., но и тогда доля ЕС, куда входило 15 стран, в МВП (в постоянных долл. 2010 г.) была не намного меньше уровня 1990 г. (32,1%). На первый взгляд это выглядит парадоксально: количество членов ЕС за почти три десятилетия увеличилось без малого вдвое, а доля в мировой экономике сократилась. В действительности все легко объяснимо: за последние три десятилетия значительная часть формирования МВП переместилась в развивающиеся страны, доля которых за этот период возросла в 2,3 раза – с 17,5 до 39,7%.

По масштабам экономики лидирующие позиции среди пяти региональных объединений, естественно, принадлежат НАФТА, где формируется 27,5% МВП и проживает 6,5% населения планеты. За последние 30 лет МЕРКОСУР, который в его нынешнем составе из шести стран (Аргентина, Боливия, Брази-

лия, Венесуэла, Парагвай и Уругвай) было сформировано в 1990 г., увеличил свою долю в мировом ВВП с 2,7 до 3,2%. При этом по численности населения среди пяти рассматриваемых региональных образований он является самым малочисленным (3,8% населения планеты). Добавим, что наибольшее среднее значение ВВП на душу населения приходится на страны, входящие в НАФТА. За ними следует ЕС-27, МЕРКОСУР, СНГ и АСЕАН.

Оценка и анализ вклада факторов роста региональных объединений

Анализ результатов проведенных нами расчетов свидетельствует, что практически во всех рассматриваемых интеграционных объединениях чистый экспорт взаимной торговли товарами оказывает позитивное влияние на динамику их экономического роста (табл. 2). Исключение составляет СНГ, где в 2001–2005 гг. и в 2012–2018 гг. вклад данного фактора имел отрицательное значение. Иными словами, оказывал сдерживающее влияние на динамику роста.

Существует широко распространенное мнение, что высокая доля взаимной торговли в интеграционных формированиях способствует его положительному вкладу в динамику роста. Действительно, среди рассматриваемых региональных объединений самый высокий уровень взаимной торговли характерен для ЕС-27 (по экспорту – 65%, по импорту – 60%)⁷. Как следствие, высокий уровень взаимной торговли наблюдается в еврозоне (по экспорту – 48%, по импорту – 46%). За ними следует НАФТА – 52 и 35% соответственно, затем МЕРКОСУР – 13 и 17% соответственно. Замыкает интеграционную пятерку СНГ – 12 и 20% соответственно. Приведенные данные подтверждают распространенный тезис о тесной взаимосвязи уровня взаимной торговли и его положительном влиянии на динамику роста интеграционных объединений.

Считаем это утверждение весьма спорным. Приведем контрдоводы. Во-первых, проведенный авторами элементарный статистический анализ показал, что теснота связи, измеряемая коэффициентом корреляции, между указанными параметрами интеграционных процессов сравнительно невысокая: для ЕС-27 составляет 0,77, для СНГ – 0,59. Во-вторых, и это главное: если сальдо взаимной торговли имеет знак минус, то его вклад в экономический рост будет отрицательным, и наоборот, в случае плюса – положительным.

То же самое относится к влиянию взаимной тор-

говли на рост национальных экономик. Наглядным примером является перманентное отрицательное сальдо, которое на протяжении многих лет сохраняла Великобритания во взаимной торговле в ЕС⁸.

Примечательно, что чистый экспорт товаров за пределы Евросоюза, СНГ и АСЕАН имеет положительное значение, оказывая стимулирующее воздействие в динамику их экономического роста. В еврозоне сальдо внешней торговли товарами имеет отрицательное значение, которое оказывает деструктивное влияние на рост ее реального ВВП. Добавим, что в отдельные периоды вклад чистого экспорта внешней торговли в экономический рост АСЕАН и МЕРКОСУР является отрицательным, т.е. сдерживает его.

Парадоксальная ситуация с негативным влиянием внутреннего спроса чистого экспорта товаров за пределы еврозоны, по нашему мнению, связана со следующим обстоятельством. Страны, входящие в единую валютную зону, характеризуются разным уровнем развития. Например, в ЕС-27 в целом и еврозоне в частности ведущими экономиками являются Германия и Франция, тогда как, например, Греция является балластом (и это следует признать откровенно) и интеграционного образования, и единой валютной зоны.

Вклад внутреннего спроса в динамику экономического роста АСЕАН, ЕС-27 и НАФТА в течение всего анализируемого периода имеет положительное значение. Для Еврозоны и МЕРКОСУР – это воздействие неоднозначно и характеризуется стимулирующим и контрпродуктивным эффектом. В СНГ влияние внутреннего спроса, начиная с 2004 г. и до 2018 г., является негативным. Наиболее рельефно это проявилось в кризисные 2008–2009 гг. и посткризисные 2011–2015 гг. Понятно, что чем больше отрицательное воздействие внутреннего спроса, тем ниже показатель роста реального ВВП СНГ. Так, в годы пика глобального финансового экономического кризиса (2008–2009 гг.) отрицательный вклад внутреннего спроса усугубил падение темпов роста реального ВВП до минус 6,1%. В последующие годы динамика экономического роста хотя и находилась в положительном диапазоне, имела весьма невысокое позитивное влияние, а в 2015 г. даже отмечается падение экономики – до минус 1,6%⁹.

Однако, такая оценка вклада внутреннего спроса рассчитанного на основе предложенного в /19, с. 74/ метода, думается, неадекватно характеризует реальную картину. Во-первых, численные значения свидетельствуют о незначительном вкладе внутреннего спроса в экономический рост интеграционных объе-

⁷ Среднеарифметическое значение за период 2001–2018 гг.

⁸ Не следует думать, что это обстоятельство явилось причиной Brexit. Мы убеждены, что его истинные причины иные, в первую очередь, по мнению авторитетных британских экспертов, необоснованная передача многих полномочий наднациональному органу.

⁹ Источник: подсчитано и составлено авторами по данным UNCTAD statistics database (www.unctad.org).

Таблица 2. Вклад чистого экспорта взаимной и внешней торговли и внутреннего спроса в среднегодовые темпы экономического роста ВВП интеграционных объединений и еврозоны, 2001–2017 гг. (в %)

	2001-2002	2002-2003	2003-2004	2004-2005	2005-2006	2006-2007	2007-2008	2008-2009	2009-2010	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018
Вклад чистого экспорта взаимной торговли																	
АСЕАН	0,73	0,80	0,80	0,55	0,49	0,64	0,83	0,95	1,10	1,36	1,54	1,65	1,68	1,27	0,84	0,74	0,68
СНГ	-0,40	-0,29	-0,15	-0,04	0,07	0,14	0,13	0,10	0,17	0,23	0,01	-0,16	-0,11	-0,18	-0,14	-0,10	-0,08
ЕС-27	0,89	0,87	1,03	1,22	1,34	1,34	1,46	1,63	1,65	1,62	1,70	1,74	1,70	1,54	1,40	1,41	1,49
Еврозона	0,80	0,83	1,03	1,22	1,26	1,26	1,41	1,55	1,63	1,65	1,67	1,67	1,63	1,45	1,28	1,28	1,35
МЕРКОСУР	0,07	0,07	0,04	0,02	0,04	0,03	0,01	0,04	0,04	0,03	0,06	0,07	0,06	0,06	0,05	0,05	-0,07
НАФТА	0,11	0,12	0,19	0,26	0,28	0,28	0,30	0,36	0,40	0,41	0,43	0,45	0,49	0,48	0,45	0,44	0,40
Вклад чистого экспорта внешней торговли																	
АСЕАН	-0,39	-0,51	-0,57	-0,61	-0,49	-0,14	-0,04	0,07	0,24	-0,11	-0,55	-0,74	-0,60	0,01	0,23	0,13	0,01
СНГ	2,46	3,04	3,72	3,33	3,92	4,47	2,93	2,65	3,88	3,41	1,39	-0,48	-0,20	1,02	1,45	1,20	0,40
ЕС-27	4,22	4,52	5,69	7,65	9,35	10,00	11,63	10,19	9,47	12,47	13,98	13,09	12,31	10,22	6,79	6,08	8,86
Еврозона	-0,74	-0,78	-1,11	-1,50	-2,08	-2,53	-3,05	-2,80	-2,37	-2,56	-2,24	-1,30	-0,85	-0,82	-0,73	-0,93	-1,26
МЕРКОСУР	0,10	0,15	-0,03	-0,40	-0,95	-1,08	-1,39	-1,31	-1,04	-1,33	-0,89	-0,01	0,49	0,74	0,95	0,85	0,41
НАФТА	1,33	2,27	2,85	3,31	3,52	3,08	2,75	2,28	1,88	2,04	2,13	1,59	0,97	0,64	1,14	2,15	2,48
Вклад внутреннего спроса (потребление + инвестиции в основной капитал)																	
АСЕАН	1,84	1,66	1,88	1,79	1,56	1,55	0,62	-1,61	2,84	0,13	3,01	3,92	3,08	2,29	2,32	3,22	3,91
СНГ	1,31	3,18	1,94	-0,54	-0,60	-1,20	-6,21	-16,38	-4,71	-7,98	-10,14	-10,40	-10,74	-11,67	-6,53	-3,95	-6,11
ЕС-27	1,21	1,20	2,65	2,39	4,11	4,31	2,10	-3,17	2,83	2,70	0,14	-0,17	0,93	1,64	1,30	1,96	1,74
Еврозона	0,12	-0,26	1,33	0,89	2,95	2,89	0,43	-4,75	1,49	1,31	-1,64	-1,91	-0,72	-0,05	-0,37	0,25	0,11
МЕРКОСУР	-2,17	-1,37	4,60	1,54	1,74	3,74	2,25	-3,66	4,75	2,23	-0,21	1,14	-1,44	-3,80	-5,87	-2,48	-3,30
НАФТА	4,58	6,00	7,59	7,83	7,73	6,69	4,70	1,15	6,35	6,00	6,68	6,11	6,65	6,99	5,89	6,59	7,30

Источник: подсчитано и составлено авторами по данным UNCTAD statistics database (www.unctad.org).
Примечание: жирным курсивом выделен отрицательный вклад фактора в экономический рост.

динений, что, как будет показано далее, противоречит реальной действительности. Во-вторых, использование показателя внутреннего спроса в целом не позволяет определить характер и уровень влияния его основных компонентов на скорость роста. В силу этих причин полагаем логичным дезагрегировать внутренний спрос на его составляющие: расходы на конечное потребление, в том числе расходы домашних хозяйств и валовое накопление основного капитала (табл. 3).

Результаты полученных расчетов по модифицированной авторами методике¹⁰ подтверждает высказанное выше утверждение, что вклад компонентов внутреннего спроса значительно выше (табл. 2), чем при калькировании метода, изложенного в /19/. Вклад конечного потребления в рост экономик интеграционных объединений и еврозоны на всем протяжении анализируемого периода находится в положительном интервале и весьма значителен. Наибольший вклад наблюдается в НАФТА, значение которого варьируется в интервале 82–85%: в среднем за период 2000–2017 гг. он составил 83%. На втором месте МЕРКОСУР, на третьем – ЕС-27, на четвертом – еврозона, на пятом – СНГ. Замыкает шестерку – АСЕАН, со средним значением 67,4%.

Разумеется, главной составляющей конечного потребления являются домашние хозяйства. Так, их доля в совокупном вкладе конечного потребления в экономику НАФТА в среднем за период составляет 80,6%, в МЕРКОСУР – 77,1%, ЕС-27 – 73,2%, АСЕАН – 84,2%, еврозоне – 74,2% и СНГ – 72,6%. Как видим, в двух совершенно разных по уровню развития интеграционных образованиях – АСЕАН и НАФТА – существенный вклад в динамику их экономического роста вносят домашние хозяйства. Остальная доля из конечного потребления приходится на государственные расходы, вклад которых во всех региональных объединениях и еврозоне варьируется в диапазоне 16–28%.

Анализ показывает, что значительно ниже влияние на скорость экономического роста интеграционных блоков инвестиционного фактора – валового накопления основного капитала. В частности, его среднее значение в течение 2000–2017 гг. варьируется в пределах 18–27%. Максимальный его вклад в динамику роста наблюдается в АСЕАН (27%), минимальный – в МЕРКОСУР – 18%.

Таким образом, во всех рассмотренных интеграционных объединениях и еврозоне основным фактором роста является конечное потребление, в первую очередь в домашних хозяйствах. Чистый экспорт внешней торговли выступает положительным фак-

тором в ЕС-27, СНГ и НАФТА, а в еврозоне характеризуется деструктивным воздействием на протяжении всего восемнадцатилетнего периода. В АСЕАН и МЕРКОСУР такой характер его влияния проявляется в отдельные, но достаточно продолжительные периоды времени. Но главное – в ходе исследования не выявлена статистически значимая связь между уровнем внутрирегиональной торговли и его воздействием на скорость роста их экономик.

ЕАЭС: оценка и анализ результатов

Анализ полученных результатов свидетельствует о следующем. Во-первых, основной вклад в рост реального совокупного ВВП ЕАЭС вносит чистый экспорт внешней торговли (за вычетом взаимной торговли) за пределы интеграционного объединения. В то же время с началом глобального финансово-экономического кризиса его влияние на экономический рост заметно снизилось и продолжает иметь понижающую динамику (табл. 4).

Очевидно, что это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, фактор чистого экспорта внешней торговли за пределы интеграционного объединения играет ключевую роль в двух ведущих экономиках ЕАЭС (Казахстан и Россия). Общеизвестно, что основные объемы казахстанского и российского сырьевого экспорта направляются в дальнее зарубежье. Во-вторых, для Беларуси экспорт на мировые рынки также играет важную роль, особенно на европейские рынки, в первую очередь в страны-члены ЕС. В отдельные периоды (2005–2009 гг.) доля поставок белорусской продукции на рынок ЕС-27 превышала 40%. Однако, начиная с 2010 по 2018 г. эта доля заметно сократилась, составив в среднем 30,5%¹¹.

Вклад взаимной торговли в интеграционный рост ЕАЭС в период 2002–2009 гг. стабильно находился в отрицательном диапазоне. Это связано с тем, что баланс взаимной торговли до образования ТС имел отрицательное значение. После создания ТС, а затем ЕАЭС, его влияние стало положительным, хотя и весьма незначительным. Исключение составляет 2014–2016 гг., когда вклад взаимной торговли в динамику роста был отрицательным.

Характерно, что наибольший нарастающий в течение последних семнадцати лет положительный вклад в динамику экономического роста ЕАЭС вносит потребление, прежде всего в домашние хозяйства. Причем доля вклада последних в конечном потреблении заметно увеличилась: в 2001–2009 гг. этот показатель составлял в среднем 69,3%, в 2010–2018 гг. – 75,8%.

Влияние валового накопления в основной капитал на скорость роста совокупного реального ВВП ЕАЭС также находится в положительном диапазоне,

¹⁰ Примечание: вклад трех составляющих внутреннего спроса в реальный (ВВП) рассчитывается как средняя величина их изменений в стоимостных объемах за определенный период времени, деленная на величину ВВП в начальный год этого периода.

¹¹ Подсчитано авторами по данным www.trademap.org (актуальное обращение в марте 2020 г.)

Таблица 3. Вклад компонентов внутреннего спроса в среднегодовые темпы экономического роста ВВП интеграционных объединений и еврозоны, 2001–2017 гг. (в %)

	2001-2002	2002-2003	2003-2004	2004-2005	2005-2006	2006-2007	2007-2008	2008-2009	2009-2010	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017
Вклад конечного потребления																
АСЕАН	68,83	68,95	69,03	68,45	67,88	67,26	66,48	66,59	68,22	66,44	66,79	66,56	66,35	66,47	66,61	66,67
СНГ	69,97	70,41	70,36	71,03	72,19	72,98	73,50	70,99	75,37	75,48	76,97	78,70	79,06	75,67	73,95	74,58
ЕС-27	78,01	78,40	78,93	78,59	78,63	77,71	76,54	76,36	79,97	78,63	77,11	77,26	77,53	77,34	77,06	77,02
Еврозона	76,81	77,01	77,59	77,14	77,31	76,38	75,15	75,10	78,89	77,57	75,94	76,09	76,45	76,32	76,00	75,86
МЕРКОСУР	75,13	75,67	77,22	75,77	76,54	77,76	77,52	76,67	80,72	79,62	79,47	80,54	79,90	79,94	80,34	82,55
НАФТА	82,67	83,53	83,86	83,39	83,03	82,74	82,31	82,32	85,17	84,06	83,48	82,46	82,24	82,40	82,52	83,12
Вклад потребления домашних хозяйств																
АСЕАН	58,57	58,62	58,77	58,30	57,62	56,94	56,22	55,91	56,95	55,45	55,70	55,41	55,23	55,42	55,66	55,91
СНГ	44,63	45,76	46,81	48,66	50,87	52,88	54,50	52,74	56,04	56,98	58,87	60,91	61,70	58,78	56,81	57,29
ЕС-27	57,47	57,65	58,05	57,87	57,93	57,30	56,33	55,79	58,14	57,19	56,05	56,10	56,27	56,21	56,12	56,19
Еврозона	56,61	56,62	57,03	56,74	56,88	56,17	55,09	54,65	57,14	56,18	54,94	54,92	55,13	55,10	54,93	54,86
МЕРКОСУР	57,07	57,05	58,13	57,27	58,25	59,59	59,86	59,39	62,58	62,01	62,12	63,12	62,70	62,60	62,91	64,79
НАФТА	65,78	66,49	66,98	66,93	66,92	66,83	66,37	65,87	67,89	67,40	67,39	66,92	67,15	67,60	67,87	68,58
Вклад валового накопления основного капитала																
АСЕАН	24,76	24,34	24,79	25,70	25,98	26,28	26,77	26,68	27,57	27,65	28,55	29,02	28,78	28,77	29,06	29,24
СНГ	19,20	19,92	21,24	22,25	23,99	26,42	27,87	25,69	25,92	26,61	27,19	27,15	26,64	24,95	24,30	24,93
ЕС-27	21,25	21,08	21,28	21,42	21,97	22,49	22,36	20,89	20,50	20,30	19,90	19,58	19,69	20,06	20,38	20,64
Еврозона	22,05	21,88	22,17	22,27	22,82	23,24	22,99	21,54	21,20	20,91	20,38	19,93	19,93	20,24	20,70	21,05
МЕРКОСУР	16,62	15,44	15,89	16,31	16,95	18,18	19,14	18,57	19,64	20,48	20,64	20,84	19,99	18,25	16,69	16,48
НАФТА	21,00	20,91	21,43	21,95	22,25	22,00	21,28	19,66	19,19	19,45	20,19	20,64	21,01	21,20	21,01	21,16

Источник: подсчитано и составлено авторами по данным UNCTAD statistics database (www.unctad.org).
Примечание: по приведенным компонентам ВВП данные за 2018 г. отсутствуют.

Таблица 4. Вклад компонентов внешнего и внутреннего спроса в динамику экономического роста ЕАЭС, 2002–2018 гг. (в %)

Факторы / годы	2002-2003	2003-2004	2004-2005	2005-2006	2006-2007	2007-2008	2008-2009	2009-2010
Рост ВВП	7,47	7,50	6,75	8,45	8,56	5,22	-6,88	4,81
Взаимная торговля ¹	-0,04	0,02	-0,01	-0,06	-0,04	-0,04	0,03	0,07
Внешняя торговля	14,38	14,32	14,53	13,85	11,49	10,39	10,18	10,87
Конечное потребление	62,90	63,24	64,37	66,02	67,25	68,03	66,14	71,16
Домашние хозяйства	41,46	42,43	44,11	46,22	48,15	49,68	48,40	52,27
Госпотребление	23,60	22,50	21,37	20,44	19,37	18,41	17,74	18,89
Основной капитал ²	12,10	12,53	12,81	13,11	13,36	13,92	15,27	19,33
Факторы / годы	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018
Рост ВВП	4,61	3,74	2,18	1,08	-1,98	0,32	1,95	2,49
Взаимная торговля	0,12	0,25	0,18	0,08	-0,03	-0,07	0,03	0,04
Внешняя торговля	11,20	10,85	10,17	10,21	9,93	8,24	7,08	8,46
Конечное потребление	71,18	72,31	73,68	74,15	71,24	69,79	70,31	70,69
Домашние хозяйства	53,09	54,57	56,24	57,15	54,79	53,11	53,35	53,93
Госпотребление	18,08	17,71	17,42	17,01	16,45	16,65	16,91	16,71
Основной капитал	21,43	21,43	20,82	20,45	21,53	23,04	23,35	22,25

Источник: подсчитано и составлено авторами по данным World Development Indicators (www.worldbank.org).

Примечание: ¹ - жирным курсивом выделен отрицательный вклад фактора в экономический рост;

² - вклад рассчитан с учетом инвестиционного лага в три года.

причем с нарастающим значением. Анализ соотношения вклада конечного потребления и валового накопления в основной капитал показывает, что в течение 2001-2018 гг. оно изменилось в пользу второго фактора. Если в 2002-2009 гг. это соотношение в среднем составляло пять к одному, то в 2010-2018 гг. уже 3 к 1.

Более ранние исследования авторов /1, 2/ и неоднократно проведенные расчеты делают необходимым сделать как минимум две ремарки.

Во-первых, вклад составляющих внешнего и внутреннего спроса в сумме должен показывать значение темпа роста ВВП. Но применение методики Европейского банка реконструкции и развития /19, с. 74/, как отмечалось ранее, не позволяет выявить вклад составляющих внутреннего спроса. Деагрегирование последнего на основные компоненты, осуществленное нами, приводит к следующему. Суммирование численных значений вклада внешнего и внутреннего спроса показывает, что остаются неучтенные разнонаправленные факторы¹², т.е. они

могут иметь как положительное, так и отрицательное значение.

В контексте поставленной в настоящем исследовании цели его применение, считаем, вполне обосновано и оправдано. Во-вторых, на основании полученных результатов нельзя делать однозначного вывода о положительных эффектах, связанных с созданием евразийского интеграционного объединения. Для этого было проведено дополнительное исследование для оценки влияния факторов роста пяти экономик, образующих евразийскую интеграцию.

Анализ результатов оценки по Казахстану

Содержательный анализ полученных оценок вклада факторов роста казахстанской экономики позволяет утверждать следующее. Во-первых, основными факторами экономического роста Казахстана являются чистый экспорт внешней торговли, конеч-

¹² Это обуславливает необходимость применения наряду с используемым методом более сложного экономикоматематического инструментария для оценки вклада факторов роста интеграционных объединений и национальных экономик, их образующих.

ное потребление и валовое накопление основного капитала. Причем такая ситуация характерна для всего анализируемого периода как до, так и после образования интеграционного союза. Понятно, что внешняя торговля с абсолютным превалированием сырьевых ресурсов за пределы ЕАЭС, в первую очередь в дальнее зарубежье, не зависит от евразийских интеграционных процессов.

Во-вторых, конечное потребление, в первую очередь в домашних хозяйствах, демонстрирует нарастающий вклад в рост экономики нашей страны. Идентичная тенденция прослеживается и в динамике вклада валового накопления основного капитала в экономический рост нашей экономики (табл. 5).

В-третьих, взаимная торговля в странах евразийской интеграции складывается не в пользу Казахстана. Причем создание ЕАЭС практически не способствовало увеличению его вклада в динамику роста национальной экономики. Но особенно рельефно это проявилось в 2012–2013 гг. Это связано с тем, что отрицательное значение чистого экспорта казахстанской продукции на единую таможенную территорию в 2013 г. достигло максимального значения – минус 12,7 млрд долл. в текущих ценах, который по сравнению с 2011 г. возрос на 44,4%. Анализ статистических дан-

ных по взаимной торговле убедительно доказывает, что это происходит за счет возрастающих стоимостных и физических объемов российского и белорусского экспорта на казахстанский рынок. Учитывая современную ситуацию, связанную с COVID-19, резким падением цен на углеводородное сырье, а также сохраняющимися санкциями Запада против России и ее ответные действия (эмбарго) по отношению к импорту продовольственных и иных товаров можно предположить следующее. Предстоящие годы могут усугубить ситуацию с негативной динамикой взаимной торговли Казахстана со странами-членами ЕАЭС.

Анализ результатов оценки по Армении, Беларуси, Кыргызстану и России

Практически во всех четырех странах евразийской интеграции основным фактором роста является конечное потребление, в первую очередь в домашних хозяйствах (табл. 6). Так, в Армении в течение 2002–2018 гг. вклад расходов на конечное потребление в рост национальной экономики в среднем за период составил 92,9%, в Беларуси – 72,8%, Кыргызстане – 107,7%, России – 69,0%. Для сравнения: в Казахстане за этот же период среднегодовое значение вклада этого показателя составило 58,6%. Интерес-

Таблица 5. Вклад компонентов внешнего и внутреннего спроса в динамику экономического роста Казахстана, 2002–2018 гг. (в %)

Факторы / годы	2002-2003	2003-2004	2004-2005	2005-2006	2006-2007	2007-2008	2008-2009	2009-2010
Рост ВВП	14,0	10,5	13,9	13,2	13,7	6,9	-14,1	2,2
Взаимная торговля ¹	-4,8	-4,6	-5,4	-6,2	-6,3	-5,5	-5,0	-5,1
Внешняя торговля	20,6	21,2	22,6	23,4	21,4	22,8	22,8	24,4
Конечное потребление	51,8	53,3	54,4	55,1	55,5	55,5	55,5	57,6
Домашние хозяйства	40,4	41,7	42,7	43,5	43,9	43,9	44,1	46,2
Госпотребление	11,6	11,6	11,7	11,6	11,6	11,5	11,4	11,4
Основной капитал ²	10,6	11,1	11,8	12,2	12,6	13,9	17,1	21,0
Факторы / годы	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018
Рост ВВП	4,7	7,2	3,3	3,6	3,2	0,2	7,5	5,2
Взаимная торговля	-4,7	-4,9	-5,5	-4,6	-3,9	-4,6	-4,8	-4,1
Внешняя торговля	29,2	28,7	24,6	21,1	17,6	14,7	15,7	17,3
Конечное потребление	59,5	61,7	64,7	64,5	63,3	63,6	63,8	62,3
Домашние хозяйства	48,1	49,7	52,3	52,2	50,9	51,0	51,1	50,7
Госпотребление	11,5	12,0	12,3	12,3	12,5	12,6	12,7	11,5
Основной капитал	22,3	21,9	21,1	20,4	20,7	21,7	22,9	23,0

Источник: подсчитано и составлено авторами по данным World Development Indicators (www.worldbank.org).

Примечание: ¹ – жирным курсивом выделен отрицательный вклад фактора в экономический рост;

² – вклад рассчитан с учетом инвестиционного лага в три года.

но, что после присоединения Армении к ЕАЭС (2015 г.) данный показатель снизился до 83,6%. Однако делать на этой основе вывод о положительном влиянии интеграции на экономику Армении полагаем некорректным. Действительно, во всех остальных странах-членах евразийской интеграции этот показатель, напротив, возрос. Добавим, что в Армении и Кыргызстане доля вклада потребления домашних хозяйств в конечном потреблении составляет 86 и 83% соответственно, в Беларуси и России – 77 и 72% соответственно.

Другим важным фактором, который демонстрирует положительное влияние на скорость роста экономик этих стран, является валовое накопление основного капитала. Его соотношение к расходам на конечное потребление в среднем за период 2002–2018 гг. составляет: в Армении и России – 1:4, Беларуси – 1:3, Кыргызстане – 1:5. Это означает, что Беларусь – единственная страна ЕАЭС, где валовое накопление основного капитала, а значит, и инвестиции в основной капитал оказывают чуть более трети вклада внутреннего спроса в динамику роста национальной экономики.

В Армении и Кыргызстане взаимная и внешняя торговля являются сдерживающими факторами их экономического роста. Более того, участие Кыргызстана в евразийских интеграционных процессах только усугубило эту ситуацию, что подтверждается его отрицательным влиянием на рост экономики страны.

В Беларуси чистый экспорт внешней торговли является фактором роста национальной экономики. Но вклад чистого экспорта взаимной торговли в экономический рост является отрицательным. Это обусловлено хроническим дефицитом двусторонней торговли с Россией. В Беларуси, так же как в Казахстане и России, заметный вклад в рост реального ВВП вносит чистый экспорт внешней торговли. Однако после создания ЕАЭС влияние этого фактора на динамику роста их национальной экономики стало сдерживающим.

В России вклад чистого экспорта внешней торговли является положительным. Но начиная с 2011 г. динамика его вклада демонстрирует понижательную тенденцию. В отличие от четырех стран-участников евразийской интеграции чистый экспорт взаимной торговли оказывает положительное воздействие на динамику роста экономики России. Причем в кризисные годы (табл. 6), а также сразу после создания ЕАЭС вклад этого фактора в экономический рост был наибольшим на протяжении последних почти двух десятилетий.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, основным фактором роста всех без исключения интеграционных объединений и национальных экономик, их образующих, является конечное потребление, в первую очередь потребление домашних хозяйств. В меньшей степени положительное воздействие на динамику экономического

роста оказывает инвестиционный фактор (валовое накопление основного капитала).

Во-вторых, в интеграционных образованиях, еврозоне и трех странах (Беларусь, Казахстан и Россия) евразийской интеграции чистый экспорт внешней торговли оказывает стимулирующее воздействие на рост их экономик. Исключения составляют экономики Армении и Кыргызстана, в которых он является сдерживающим фактором их роста. Более того, присоединение Кыргызстана к Евразийскому союзу усугубило ситуацию, заметно увеличив отрицательное значение сальдо внешней торговли и, как следствие, усилив его тормозящий характер на скорость роста экономики этой страны.

В-третьих, во всех интеграционных объединениях, за исключением СНГ, вклад взаимной торговли демонстрирует положительный характер. Однако статистически значимой тесноты связи между уровнем внутрирегиональной торговли в интеграционных объединениях и вкладом взаимной торговли не выявлено. Это требует проведения дополнительных исследований с применением более сложного экономико-математического инструментария. В то же время между этими параметрами интеграционных процессов установлена очевидная связь: если сальдо взаимной торговли имеет знак минус, то его вклад в экономический рост будет отрицательным, и наоборот, в случае плюса – положительным.

В-четвертых, важным условием эффективности интеграционных процессов является близость уровней экономического развития стран-участников регионального объединения. Это условие является желательным, хотя в существующих региональных интеграционных структурах различают разный уровень экономического развития стран, входящих в них. Как свидетельствует мировой опыт, для того, чтобы страны с более низкими показателями экономического развития смогли на равных участвовать в интеграционных процессах, требуется достаточно длительное время. Но главное: стране-участнице необходимо самой стремиться к собственному развитию, не надеясь только на интеграцию. Интеграция развивается успешно только тогда, когда национальные экономики, участвующие в региональных объединениях, находятся на подъеме. Экономикам, испытывающим кризисные явления, приходится в большей степени заниматься сложными внутренними проблемами (разработка и принятие антикризисных программ, иных мер регулятивного характера и т.д.), нежели интеграционными проблемами.

В-пятых, региональная интеграция как комплекс мер по созданию зоны свободной торговли, затем таможенного союза, единого экономического пространства и т.д. – процесс последовательный (от более низкого к более высоким формам). Здесь на каждом этапе должны согласовываться интересы всех участников интеграционного процесса. ■

Таблица 6. Вклад компонентов внешнего и внутреннего спроса в динамику экономического роста Армении, Беларуси, Кыргызстана и России, 2002–2018 гг. (в %)

	2002-2003	2003-2004	2004-2005	2005-2006	2006-2007	2007-2008	2008-2009	2009-2010	2010-2011	2011-2012	2012-2013	2013-2014	2014-2015	2015-2016	2016-2017	2017-2018
Армения																
Рост ВВП	14,0	10,5	13,9	13,2	13,7	6,9	-14,1	2,2	4,7	7,2	3,3	3,6	3,2	0,2	7,5	5,2
Взаимная торговля ¹	-2,4	-1,7	-1,6	-1,8	-3,4	-5,4	-7,6	-9,1	-7,1	-6,6	-6,1	-5,4	-4,7	-3,5	-2,8	-2,5
Внешняя торговля	-7,7	-7,9	-7,5	-8,8	-11,3	-17,4	-22,5	-24,7	-20,8	-17,9	-15,3	-13,3	-9,1	-4,5	-3,5	-4,5
Конечное потребление	103,8	98,7	98,0	94,2	92,1	87,6	82,0	95,4	96,4	97,0	94,7	92,7	87,0	81,1	84,7	84,8
Домашние хозяйства	89,9	85,2	84,1	80,3	78,6	75,4	70,7	82,0	82,7	83,6	81,7	79,9	74,5	68,9	72,8	73,4
Госпотребление	13,7	13,3	13,9	14,1	13,6	12,2	11,3	13,3	13,7	13,4	12,9	12,9	12,6	12,4	12,1	11,5
Основной капитал ²	13,3	12,5	13,4	14,5	16,1	17,7	21,3	31,2	36,5	34,8	30,4	25,1	23,0	20,7	19,9	18,1
Беларусь																
Рост ВВП	7,0	11,4	9,4	10,0	8,6	10,2	0,2	7,8	5,4	1,7	1,0	1,7	-3,8	-2,5	2,5	3,0
Взаимная торговля	-9,6	-12,0	-12,3	-12,4	-14,5	-18,2	-19,0	-14,7	-7,9	-3,5	-2,1	-2,5	-5,0	-6,7	-6,5	-8,5
Внешняя торговля	4,0	5,0	7,7	8,4	7,3	8,4	6,8	-1,1	-2,9	0,9	-1,4	-3,2	0,4	1,6	0,6	2,9
Конечное потребление	69,1	68,9	67,8	69,0	69,6	72,3	69,9	72,6	70,3	69,9	74,5	77,9	77,0	78,4	80,8	82,6
Домашние хозяйства	47,7	48,3	48,6	50,5	51,9	54,9	53,6	56,0	54,9	55,5	60,4	64,1	63,6	64,3	66,4	69,0
Госпотребление	28,2	26,3	23,6	21,6	19,6	18,0	16,4	16,6	15,4	14,3	13,9	13,5	13,1	13,6	13,9	13,4
Основной капитал	16,6	15,3	14,0	13,9	14,7	16,2	18,3	22,3	25,5	27,7	31,3	34,8	36,1	38,7	38,4	35,9

Источник: подсчитано и составлено авторами по данным World Development Indicators (www.worldbank.org).
Примечание: 1 – жирным курсивом выделен отрицательный вклад фактора в экономический рост; 2 – вклад рассчитан с учетом инвестиционного лага в три года.

Продолжение таблицы 6. Вклад компонентов внешнего и внутреннего спроса в динамику экономического роста Армении, Беларуси, Кыргызстана и России, 2002–2018 гг. (в %)

Кыргызстан																
Рост ВВП	7,0	7,0	-0,2	3,1	8,5	8,4	2,9	-0,5	6,0	-0,2	10,9	4,0	3,9	4,3	4,7	3,5
Взаимная торговля	-8,4	-10,3	-12,8	-18,6	-23,1	-26,5	-25,6	-22,6	-25,9	-33,0	-39,4	-36,6	-34,4	-26,1	-19,6	-18,7
Внешняя торговля	1,6	2,5	-1,9	-10,3	-13,0	-16,5	-17,2	-13,5	-16,6	-28,8	-39,5	-34,9	-26,0	-20,0	-20,5	-24,5
Конечное потребление	99,5	104,6	104,2	116,2	122,7	120,6	110,1	101,2	106,9	109,8	118,8	111,8	108,4	103,9	102,1	101,7
Домашние хозяйства	75,5	81,6	82,6	94,6	101,1	100,6	91,4	83,0	88,6	92,3	101,4	96,4	93,5	89,3	88,1	88,5
Госпотребление	23,7	22,9	21,7	21,6	21,3	19,9	18,6	18,1	18,3	17,6	17,8	16,0	15,4	15,0	14,6	14,1
Основной капитал	16,6	17,9	17,4	16,5	15,6	15,0	17,1	20,2	24,6	25,7	26,8	23,9	24,8	26,2	29,3	30,0
Россия																
Рост ВВП	7,3	7,2	6,4	8,2	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,7	1,8	0,7	-2,3	0,3	1,6	2,3
Взаимная торговля	0,7	0,8	0,9	0,9	1,1	1,1	1,2	1,3	1,0	1,1	1,0	0,8	0,7	0,8	0,9	0,9
Внешняя торговля	14,4	14,2	14,3	13,4	11,0	9,6	9,5	10,3	10,3	9,8	9,5	9,9	9,7	8,0	6,5	7,9
Конечное потребление	63,3	63,6	64,8	66,5	67,9	68,7	66,7	72,1	72,1	73,2	74,3	74,8	71,6	70,0	70,4	71,0
Домашние хозяйства	41,0	42,0	43,7	46,0	48,1	49,7	48,3	52,4	53,2	54,7	56,2	57,1	54,6	52,7	52,9	53,5
Госпотребление	24,5	23,3	22,1	21,2	20,1	19,1	18,4	19,7	18,9	18,4	18,1	17,7	17,0	17,2	17,5	17,5
Основной капитал	12,1	12,5	12,8	13,1	13,4	13,8	15,0	19,0	21,1	21,0	20,3	19,9	21,0	22,6	22,9	21,7

Источник: подсчитано и составлено авторами по данным World Development Indicators (www.worldbank.org).

Примечание: 1 – жирным курсивом выделен отрицательный вклад фактора в экономический рост; 2 – вклад рассчитан с учетом инвестиционного лага в три года.

Литература

1. Хусаинов Б.Д., Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В. Современные интеграционные образования: компаративный анализ факторов экономического роста // «Экономика региона». – УрО РАН. – 2015. – №1. – С. 156-169.
2. Khusainov B.D., Sultanov R.S. Eurasian Economic Union: Asymmetries of Growth Factors // Journal of Asian Finance, Economics and Business. – USA, Boston University, CODISA. – 2017. – Vol, 4, No1. – P. 51-58.
3. Хусаинов Б.Д. Глобализация, Транснационализация, Интеграция. – Алматы, 2012. – 312 с.
4. Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С. Дзарасова. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 400 с.
5. Cohen A. J., Harcourt G. C. Whatever Happened to the Cambridge Capital Theory Controversies? // Journal of Economic Perspectives. 2003. – Vol. 17, No 1. – P. 199-214.
6. Ramsey F.P. A Mathematical Theory of Saving // The Economic Journal. – 1928. – #38. – P. 549-559.
7. Barro R.J. Economic Growth and Convergence. – San Francisco, California: ICS Press, International Center for Economic Growth Publication. – 1994.
8. Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth //The Quarterly Journal of Economics. – 1956. – №70. – P. 65-94.
9. Solow R.M. Growth Theory: an exposition // New York Oxford. Oxford University Press, 2000.
10. Солоу Р. Перспективы теории роста // Мировая экономика и международные отношения. – 1996. – №8.
11. Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation // Economic Record. – 1956. – №55. – P. 334-361.
12. Львов Д.С. Экономическая теория научно-технического прогресса. – М., 1982.
13. Анчишкин А.И. Наука. Техника. Экономика. – М., 1989. – С. 167–216.
14. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. – М., 1993.
15. Глазьев С.Ю., Львов Д.С., Фетисов Г.Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. – М., 1992.
16. Эволюционный подход и проблемы переходной экономики / Под ред. Л.И. Абалкина, В.Л. Макарова. – М., 1995.
17. Маевский В. О взаимоотношении эволюционной теории и ортодоксии // Вопросы экономики. – 2003.– № 11.
18. Иншаков О.В. Потенциал эволюционного подхода в экономической науке современной России //Экономическая наука современной России. – 2004. – №4.
19. Transition Report 2010: Recovery and Reform. – European Bank for Re-construction and Development. – Paris, 2010. – 152 p.
20. Стиглиц Дж., Чарлтон Э. Справедливая торговля для всех. Как торговля может содействовать развитию. – М.: Изд-во «Весь мир», 2007. – 280 с.
21. Berg A., Krueger A. Trade, Growth and Poverty: a Selective Survey. – IMF Working Paper WP/03/30. – Washington D.C., IMF, 2003.
22. Winters A. Trade Liberalization and Economic Performance: an Overview // The Economic Journal. – Vol. 114 (493), 2004. – P. F4–F21.
23. Central Asia: Increasing Gains from Trade Through Regional Cooperation in Trade Policy, Transport and Customs Transit // Manila, Philippines, Asia Development Bank, 2006.

References

1. Khusainov B.D., Shelomentsev A.G., Doroshenko S.V. Modern integration formations: comparative analysis of economic growth factors. *Ekonomika regiona [Regional Economy]*, 2015, No. 1, pp.169].
2. Khusainov B.D., Sultanov R.S. Eurasian Economic Union: Asymmetries of Growth Factors // *Asian Finance. Economics and Business*. USA, Boston University. 2017, No1, pp. 51-58.
3. Khusainov B.D. Globalizatsiya. Transnatsionalizatsiya. Integratsiya. [Globalization. Transnationalization. Integration]. Almaty, 2012. 312 p.
4. Ed. by Dzarasova S.S. *Teoriya kapitala i ekonomicheskogo rosta [The theory of capital and economic growth]*. Moscow, State University Publ., 2004. 400 p.
5. Cohen A. J., Harcourt G. C. Whatever Happened to the Cambridge Capital Theory Controversies? *Economic Perspectives*. 2003. No 1. pp. 199-214.
6. Ramsey F.P. *Mathematical Theory of Saving*. The *Economic Journal*. 1928. No 38. pp.549-559.
7. Barro R.J. *Economic Growth and Convergence*. International Center for Economic Growth. ICS Press, San Francisco, California, 1994.
8. Solow R.M. Contribution to the Theory of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*. 1956. №70. pp. 65-94.
9. Solow R.M. *Growth Theory: an exposition*. New York Oxford. Oxford University Press, 2000.
10. Solow R. Prospects for the theory of growth. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]*. 1996. No. 8.
11. Swan T.W. Economic Growth and Capital Accumulation. *Economic Record*. 1956. № 55. pp. 334-361.
12. Lvov D.S. *Ekonomicheskaya teoriya nauchnotekhnicheskogo progressa [The economic theory of scientific and technological progress]*. Moscow, 1982.
13. Anchishkin A.I. *Nauka. Tekhnika. Ekonomika. [The science. Equipment. Economy]*. Moscow, 1989. pp. 167-216.
14. Glazyev S.Yu. *Teoriya dolgosrochnogo tekhnikoekonomicheskogo razvitiya. [The theory of long-term technical and economic development]*. Moscow, 1993.
15. Glazyev S.Yu., Lvov D.S., Fetisov G.G. *Evolyutsiya tekhniko-ekonomicheskikh sistem: vozmozhnosti i granitsy tsentralizovannogo regulirovaniya. [The evolution of technical and economic systems: the possibilities and boundaries of centralized regulation]*. Moscow, 1992.
16. Ed. by. Abalkina L.I., Makarova V.L. *Evolyutsionnyy podkhod i problemy perekhodnoy ekonomiki. [The evolutionary approach and the problems of transition economies]*. Moscow, 1995.
17. Mayevsky V. On the relationship of evolutionary theory and orthodoxy. *Voprosy ekonomiki [Economic issues]*. 2003. No.11.
18. Inshakov O.V. The potential of the evolutionary approach in the economic science of modern Russia. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [The economic science of modern Russia]*. 2004. No4.
19. *Transition Report 2010: Recovery and Reform*. European Bank for Reconstruction and Development. Paris, 2010. 152 p.
20. Stiglitz J., Charlton E. *Spravedlivaya trgovlya dlya vsekh. Kak trgovlya mozhet sodeystvovat' razvitiyu. [Fair Trade for All. How trade can foster development]*. Moscow. Ves' mir Publ., 2007. 280 p.
21. Berg A., Krueger A. *Trade, Growth and Poverty: a Selective Survey*. IMF Working Paper WP/03/30. Washington D.C., IMF, 2003.
22. Winters A. Trade Liberalization and Economic Performance: an Overview. *The Economic Journal*. Vol. 114 (493), 2004. pp. F4-F21.
23. *Central Asia: Increasing Gains from Trade through Regional Cooperation in Trade Policy, Transport and Customs Transit*. Manila, Philippines, Asia Development Bank, 2006.

Андатпа

Мақсат – интеграциялық бірлестіктер мен оларды құрайтын ұлттық экономикалардың өсу динамикасына сыртқы және ішкі сұраныстың асимметриялық әсерін зерттеу. Интеграцияның және ұлттық субъектілердің экономикалық өсу факторларының әсерін сандық бағалау және негізделген талдау жүргізілді.

УДК 332.15, 332.15

JEL CODE: F29, F42, H10, O20, R10

СИБИРЬ КАК МАКРОРЕГИОН: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ¹

Виктор СУСЛОВ*

Россия – уникальная страна. Она единственная из мировых колониальных империй, которая сохранилась (хотя более крупное государственное образование – СССР – распалось). Благодаря, вероятно, двум обстоятельствам: сравнительно короткому транспортному плечу (по сравнению с «заокеанскими» территориями западноевропейских и североамериканских колониальных держав) и отсутствию серьезных барьеров процессу «превращения в Россию» ее основных колоний – восточных территорий. Этот процесс идет, но еще далеко не завершен. Более того, некоторые события постсоветской истории и общемировой политики ставят его под угрозу.

Территориальная экспансия России в восточном направлении (впрочем, как и в западном), достигнув пика на рубеже XVIII и XIX веков, пошла на спад. Более того, на востоке начался процесс «отката». Русская Америка была Россией потеряна к началу второй половины XIX века: Сначала – отменой планов освоения Гавайев, потом сдачей Калифорнии в лице форта Росса и наконец – «продажей» Аляски с Алеутскими островами. В течение следующего века процесс приобрел маятниковый характер: возвращение юга Дальнего Востока к современным границам (до этого почти два века граница с Китаем от верховьев Амура уходила к Шантарским островам – на 400 км северо-западнее устья Амура), потеря Маньчжурии с КВЖД (Китайской восточной железной дорогой) и Харбином, Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Дальним, потеря и последующий возврат (по результатам Второй мировой войны) части Сахалина и Курильских островов, включение в состав России Тувинской Республики. Стратегическая российская задача – исключить возможность этому «маятнику» качнуться в сторону наших «друзей» – соседей (включая США).

Вплоть до конца XIX века под Сибирью в России понимали всю территорию от Уральского хребта до Тихого океана, т.е. все «восточные территории» страны (именно такое понимание – его можно назвать геостратегическим – Сибири зафиксировано в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона, выпущенном в 1890-1907 гг.). Впрочем, именно так Сибирь понимают в большинстве западных стран и

в настоящее время.

В самой России понимание Сибири (как территории) у многих россиян и, прежде всего, у представителей федеральной власти сужено до Сибирского федерального округа. Это сужение происходило на протяжении последних 100 лет. Сначала был обособлен Дальний Восток, затем в этот новый макро-регион была «переведена» Якутия, далее, вместе с образованием федеральных округов, от Сибири «оторвали» Тюмень с нефтегазодобывающими регионами – в пользу Уральского федерального округа и, наконец, совсем недавно, из Сибирского в Дальневосточный федеральный округ «переведены» Бурятия и Забайкальский край (впрочем, эти два субъекта федерации уже давно входили в Программы социально-экономического развития Дальнего Востока).

Конечно, система властной вертикали должна опираться на более компактные территориальные образования, чем Сибирь как таковая. Но следует отметить, что присоединение к Уралу нефтегазоносных провинций Западной Сибири – полная чушь, эти территории не имеют ничего общего по природно-геологическим или социально-экономическим критериям (кроме принадлежности к одному военному округу). Кроме того, процесс «административного наступления» на Сибирь может, по нашему мнению, иметь и военно-политическую интерпретацию: Как «эскизный набросок» процесса «отката» российской государственности, продолжающий сценарий потери Русской Америки и Маньчжурии. Линия потенциального разлома России, отторжения от нее части Сибири в пользу США, Японии и Китая, постоянно сдвигается на запад и достигла к настоящему времени середины (географической) страны – Байкальского меридиана. Этот сюжет будет продолжен ниже.

В данной работе мегарегион Сибирь будет пониматься в геостратегическом смысле – от Урала до Океана. Хотя, возможно, было бы правильнее пользоваться для обозначения этого мегарегиона термином «Большая Сибирь». В ряде случаев в качестве более традиционного (эквивалентного) термина используется «Сибирь и Дальний Восток». Обращаясь к официальным статистическим данным, приходится

¹ Статья публикуется в изложении автора и с его разрешения. Впервые она была опубликована в кн.: Сибирь как мегарегион: параметры и цели / под науч. ред. В.И. Супруна. - Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2018. - С. 70-86.

* Заведующий лабораторией моделирования и анализа экономических процессов Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор.

«сужать» объект анализа до «Сибирского федерального округа».

Понятие мегарегиона применительно к Сибири достаточно подробно раскрыто в книге /1/, в частности, в ее разделе /2/. Особенности нашего понимания этого понятия представлены в /3/. Мегарегион среди прочих территориальных структур должен выделяться по четырем характеристикам: размеру, степени однородности, сложности структуры и масштабу значимости. «Проходные баллы» в категорию «мегарегион» по этим характеристикам однозначно не установлены, но вряд ли можно сомневаться в том, что Сибирь в геостратегическом понимании «набирает» нужное количество баллов.

Сибирь огромна по размерам. Ее территория, около 13 млн кв. км, составляет 8,5% площади земной суши. В рейтинге стран по размеру своей площади она заняла бы 2-е место после России, заметно опередив Канаду, Китай и США (следующие «по рангу») с их 10-ю и чуть меньше млн кв. км. Со своим ВВП по ППС, по версии ВБ на 2017 год (/4/) (скорректированным на результаты действия механизмов «стягивания» финансовых ресурсов в федеральный центр – об этом механизме см. ниже), – около \$1.1 млрд, т.е. чуть меньше 0,9% мирового ВВП – в аналогичном рейтинге она заняла бы место в районе 20-го вместе с Австралией, Египтом, Нигерией и Польшей (Канада в нем имеет 17-й ранг). При этом ее население, всего 25 млн чел, составляет только 0,3% мирового, и в рейтинге стран по этому показателю Сибирь заняла бы примерно 50-е место рядом с Северной Кореей и Йеменом, немного превосходя Австралию и заметно уступая Канаде (37 место).

Сибирь имеет сложную структуру. Включает три макрорегиона: Западную, Восточную Сибирь и Дальний Восток (учитывая сделанные выше замечания), – широтные природно-климатические мезозоны: Арктику, Север, зону Транссиба, Юг, – разные города, поселки, сельские поселения (микроуровень). Особо следует сказать об относительной однородности, т.е. о том, что объединяет эту территорию и отличает ее от других. Отдельные части Сибири родственны геологически, природно-климатически, они схожи теми процессами, которые происходят в связи с гло-

бальными изменениями климата. Но еще более их роднит общность социально-экономического положения и возможных стратегий дальнейшего развития. Об этом будет сказано ниже, также как и о 4-й характеристике «мегарегиональности» – масштабе значимости.

Из приведенных чуть выше показателей масштаба Сибири следует, по крайней мере, две важные особенности этого мегарегиона. Во-первых, душевое производство ВВП в нем примерно в 3 раза превышает среднемировой уровень. Это следствие относительно высоких мировых цен на углеводороды и некоторые металлы. По этому показателю Сибирь более чем в 2 раза превышает европейскую часть России. Так получается после отмеченной выше корректировки итоговых показателей. Но и по официальной статистике преимущество восточной части страны по данному показателю в полтора раза выше.

Во-вторых, плотность населения здесь чрезвычайно низкая – почти в 30 раз меньше среднемировой и почти в 15 раз меньше, чем в европейской России (см. табл. 1 – /5/). Чтобы мысленно сопоставить численность населения с площадью проживания, можно попытаться посчитать, на какой территории вполне комфортно могло бы разместиться, например, все население России. Ответ: в «коттеджном» варианте (по 10 соток на 5 человек – с учетом инфраструктурных, производственных, социально-культурных и других объектов) хватило бы четверти площади Новосибирской области или примерно территории такой страны, как Эстония. А для всего населения мира было бы достаточно территории таких стран, как Монголия или Иран, или Ливия, каждая из которых занимает чуть более 1% мировой суши.

Для более зрительного восприятия «плотности населения» полезен еще один мысленный эксперимент: посчитать, как далеко окажутся люди друг от друга, если их равномерно «расставить» по территории их проживания. В Западной Европе между ближайшими соседями будет 70-80 м, и они смогут видеть друг друга и перекрикиваться, в европейской части России – почти 200 м, и голосовое общение окажется невозможным, в восточной России – 700-800 м, т.е. сохранится в лучшем случае лишь визу-

Таблица 1. Плотность населения (чел. на кв. км) в некоторых странах и регионах

Страна		Регион	
Монако	18,7 тыс.	Европейская часть России	27
Великобритания	255	Москва	4,9 тыс.
КНР	139	Липецкая область	48
Западная Европа	176	Азиатская часть России	1,9
Украина	74	Новосибирская область	16
Белоруссия	46	Красноярский край	1,2
США	32	Республика Саха (Якутия)	0,3
Россия	9	Чукотский автономный округ	0,07
Канада	3,5		
Монголия	2		

альный контакт, а в Якутии, например, – почти 2 км, что исключает всякую возможность общения. Что же говорить о Чукотке и многих других сибирских территориях. Так что населению мира, особенно России, и, несомненно, Сибири есть куда расти.

Чрезвычайно неблагоприятны природно-климатические условия в большей части Сибири. Нулевая среднегодовая изотерма может, по нашему мнению, отграничить с севера зону более или менее комфортного проживания людей (см. /6/). Ее можно назвать «линией жизни». Она в северном полушарии проходит следующим образом (с запада на восток). В России она начинается от Белого моря у основания мыса Канина, далее проходит через средний Урал к озеру Байкал, оставляя его в зоне положительных температур, затем с определенным «изгибом» на юг (не достигая Амура, с некоторой «натяжкой» – по БАМу) проходит посередине Сахалина на юг Аляски через южную оконечность Камчатки, севернее Курильских и Алеутских островов. В Северной Америке она от Аляски круто уходит на юг к Верхнему из системы Великих североамериканских озер, оставляя Канаде зону положительных среднегодовых температур в ее юго-восточном «углу» и узкой полосе (порядка 100-150 км) вдоль границы с США. Далее она уходит на север, севернее острова Ньюфаундленд и чуть южнее южной оконечности Гренландии, через Исландию к Скандинавии, огибает ее и уходит в Россию. В северном полушарии есть еще две зоны низких температур, расположенные южнее этой линии: Монголия (с частичным «захватом» южного Забайкалья) и Тибет.

Конечно, люди живут и в зоне «некомфортного» проживания. Но это – особые люди – малочисленные коренные народности. «Обычным» людям там жить нежелательно, о чем говорит, в частности, советский опыт освоения «северов» (стремление заработавших на севере вернуться на покой в теплые края оборачивается, как правило, быстрым «вечным» покоем). Об этом же говорит опыт Канады: там почти все население сосредоточено в узкой полосе (положительных среднегодовых температур) вдоль границы с США.

Южная Сибирь, отграниченная «линией жизни», составляет около одной пятой всей территории Сибири. Сейчас в ней проживает немногим более 20 млн человек. При плотности населения, сопоставимой с европейской частью России, здесь проживало бы около 70 млн человек, а если бы плотность населения достигла западноевропейского уровня – почти полмиллиарда. Кстати, не лишне вспомнить, что великий русский ученый Дмитрий Менделеев в конце XIX века назвал численность населения России, необходимую, с его точки зрения, для сохранения и освоения ее территорий, – 500 млн (см. /7/).

Имеется и внешняя причина необходимости интенсивного заселения юга Сибири: Нарастает демографическое давление приграничных районов Китая. Плотность населения китайского Хэйлундзяна (правый берег Амура и левый берег Уссури) – 90 чел. на кв.км, а Амурской области – 2.2, Хабаровского края – 1.7, Приморского края – 11.6. Плотность населения СУАР (Синцзян-Уйгурского автономного района Китая) составляет 13.1 чел. на кв.км, в соседней же российской Республике Алтай – 2.3. Напряжение

растет, долго так продолжаться не может.

Непременным атрибутом мегарегиона является его значимость, которая должна далеко выходить за его «физические» границы. Он должен хотя бы в некоторых аспектах иметь планетарное значение: во взаимодействии с ним должны быть заинтересованы крупные игроки мировой экономики и/или решения, принимаемые его субъектами, были бы способны корректировать мировые тренды. Планетарное значение Сибирь имеет благодаря, прежде всего, своему природно-ресурсному и транспортно-логистическому потенциалу.

Понимание масштабности природно-ресурсного потенциала Сибири стало складываться, по-видимому, еще в XVII веке, и было подытожено веком спустя знаменитым высказыванием Михайлы Ломоносова: «Могущество России Сибирью прирастать будет». А еще через четверть века 28-й президент США Вудро Вильсон назвал Сибирь главным призом человечества после открытия Америки (см. /7/). При этом он выражал сожаление о том, что этот приз достался России (и даже предпринял в годы Гражданской войны в России не увенчавшиеся успехом военные действия по «исправлению» этой несправедливости).

Доля Сибири (азиатской России) в мировых ресурсах (%): 100 – алмазы импактные, до 50 – редкоземельные металлы, 27 – природный газ, 7 – металлы платиновой группы, 25 – без учета ЮАР (70% мировых запасов), 20 – алмазы кимберлитовые, 20 – никель, 20 – пресная вода, 10 – древесина, 9 – цинк, 9 – уголь, 8 – нефть.

При этом Сибирь, как уже отмечалось, занимает только 8,5% земной суши, и в ней проживает всего 0,3% населения мира.

Современный социально-экономический облик Сибирь обрела благодаря реализации в XX веке ряда мегапроектов (приставка «мега» имеет тот же смысл, что и для мегарегиона) по освоению природных ресурсов: Урало-Кузнецкий комбинат (Кузбасс), золото Колымы, Норильский никель, алмазы Якутии, гиганты гидроэнергетики Ангаро-Енисейского бассейна, Западносибирский нефтегазовый комплекс. Эти проекты достаточно подробно представлены в нашей работе /8/. Новая генерация мегапроектов, реализация которых частично уже начата, генетически продолжает эти мегапроекты прошлого века. Среди них можно отметить следующие:

а) Освоение крупнейших в России месторождений высококачественных, включая коксующие, каменных углей – Элегестского и Эльгинского. Первое из них (являясь сравнительно небольшим участком Улуг-Хемского бассейна) находится в центре Тувы вдоль левого притока Енисея – реки Элегест, в 50 км на юго-запад от Кызыла. Обладает запасами около 1 млрд т коксующегося угля; 80% запасов находится в одном пласте толщиной 8,4 м (лучшие шахты Кузбасса работают в пластах толщиной 2-3 м, в Воркуте уголь добывают из пластов тоньше 1 м).

Второе – как обособленный участок южно-якутского бассейна, расположено на юго-востоке Якутии: в 400 км восточнее Нерюнгри, 300 км севернее БАМа и 300 км западнее побережья Охотского моря (по широте – км на 100 севернее северной оконечности

Сахалина). Запасы – более 2 млрд т высококачественного коксующегося угля. Пласты до 15 м толщиной находятся близко от поверхности. Добыча ведется открытым способом начиная с 2011 года.

Реализация этих обоих проектов тесно связана с обеспечением транспортных подходов к месторождениям. Но если 320-километровая железная дорога Улак-Эльга, связывающая Эльгинское месторождение с БАМом, построена и уже несколько лет функционирует, то железнодорожная магистраль Курагино-Кызыл, необходимая для массивного освоения Элегестского месторождения, все еще находится в стадии поиска денег и заинтересованных исполнителей (предпринятое начало строительства в 2011 году было прервано финансовым кризисом). Хотя социально-экономическое значение этой магистрали намного выше Эльгинского. Столица Тувы – субъекта федерации – получила бы выход на общероссийскую железнодорожную сеть, а Россия – в перспективе – еще один выход на Монголию и Китай.

б) Разработка крупнейшего в мире Томторского месторождения редкоземельных металлов, важнейшего компонента материальной базы современной высокотехнологической промышленности. Месторождение расположено на северо-западе Якутии на берегах одноименной реки правобережной части бассейна Анабара – на 300 км южнее побережья моря Лаптевых, 200 км восточнее границы с Красноярским краем, 1100 км северо-западнее Якутска. Комплексная руда с высоким содержанием ниобия, редких и редкоземельных металлов не требует обогащения и может вывозиться существующими транспортными средствами (маршруты ее доставки в Красноярск для выделения ценных компонент обсуждаются). Разработка первого участка – Буранного – началась в 2019-2020 годах. По своему потенциалу один этот участок превосходит суммарные возможности крупнейших (пока) в мире месторождений Араша в Бразилии и Баюнь Обо в Китае (державших до 90% мирового рынка). Даже при возрастании потребностей в этих металлах в десятки раз запасов Томтора хватит на сотни лет.

Весьма перспективны горно-металлургические проекты Забайкальского края, о реализации которых речь идет уже много лет: медь Удокана, Чинейское железо-титан-ванадиевое месторождение, полиметаллы Газимур-Аргуньского междуречья и т.д. Нельзя забывать об уникальном (в мировом масштабе) Бакчарском железорудном месторождении в Томской области.

в) Освоение импактных (образованных в результате удара) алмазов Попигайского месторождения. Попигайская котловина находится на юго-западе Якутии (частично – в Красноярском крае) немного западнее (150 км) Томторского месторождения, на реке Попигай, правом притоке Хатанги. Образовалась почти 40 млн лет назад в результате падения (откуда – импакт, удар) на землю крупного астероида (диаметром около 5 км). По своему диаметру (около 100 км) котловина находится на 4-м месте в мире. Оценки запасов превосходят все разведанные в мире запасы кимберлитовых алмазов. В рудной массе содержится до 100 карат на тонну, тогда как, например, в якутских кимберлитовых трубках – не более 2-3 (до 10 в исключительных случаях).

Эти алмазы обладают уникальными абразивными свойствами, превосходящими природные технические и синтетические алмазы в два раза. Благодаря этому могут произвести революцию в инструментальной промышленности. Для России этот вопрос чрезвычайно актуален, так как многие современные высокотехнологичные станки и инструменты оказались под санкциями. Однако разработка Попигайского месторождения сдерживается отсутствием всякой инфраструктуры и неготовностью промышленных технологий получения конечных продуктов.

Разработка томторских редкоземельных металлов и попигайских импактных алмазов может дать России решающие преимущества в конкурентной борьбе с Китаем. Китай стремится – и небезуспешно – монополизировать многие мировые рынки. Так случилось с редкоземельными металлами: сначала Китай резко снизил цены на редкоземельные материалы и, уничтожив основных конкурентов, монополизировал рынок, также резко поднял цены. Похожий маневр наши китайские коллеги совершают на рынке синтетических алмазов. Их демпинг уже серьезно «подкосил» мировое производство синтетических алмазов и фактически уничтожил его в России.

г) Реализация пока совершенно фантастического проекта Пенжинской приливной электростанции (ПЭС). Пенжинская губа, длиной более 300 км и шириной в среднем более 60 км, расположена в северо-восточной части залива Шелихова Охотского моря. Приливная волна в ней достигает в высоту почти 13 м. Это рекорд для Тихоокеанского бассейна. По площади водной поверхности губа примерно равна озеру Балхаш или Ладожскому озеру (занимающим среди озер по своей площади 14-е и 15-е места в мире). Трудно представить себе, что эти огромные озера каждый день то поднимались бы на 11-13 м, то опускались. В Пенжинской губе такое происходит. Проектируемая здесь ПЭС может достигать мощности 90 Гвт, что более чем в 4 раза превосходит суммарную мощность Ангаро-Енисейских ГЭС.

В связи с возможным строительством железнодорожного перехода через Берингов пролив реализация этого проекта может оказаться вполне реалистичной.

д) Освоение углеводородов Арктики и континентального шельфа. Эти проекты уже реализуются («Приразломное», Ямал и Гыдан, Ванкор, Сахалин и т.д.), но настоящие масштабы их ждут в будущем. Достаточно сказать, что до четверти мировых запасов углеводородов сосредоточено на шельфе Северного Ледовитого океана, который в своей значительной части принадлежит России. Необходимым условием успешной реализации этих проектов является развитие транспортной инфраструктуры. Речь идет о Северном широтном ходе, восстанавливающим «Мертвую» дорогу «Лабытнанги (Салехард) – Надым-Новый Уренгой – Норильск». И конечно, о рождении и дальнейшем развитии Северного морского пути (СМП), что предполагает второе рождение Диксона, Тикси, Певека, Анадыря, завершение строительства порта Сабетта на выходе из Обской губы, возвращение к идее возведения глубоководного, слабозамерзающего порта Индига на Белом море, создание современной системы метеорологических

служб, аэродромов и военно-морских баз, энергетических объектов.

Важнейшей компонентой природно-ресурсного потенциала Сибири, имеющей планетарное значение, являются экологические ресурсы. Таблица 2 показывает, что годовая выработка (в атмосферу) углерода на земле (главным образом антропогенная) составляет 8.8 Гт (гигатонн), из которой поглощается чуть более половины, т.е. 4.7 Гт. В России ситуация обратная: на ее территории вырабатывается углерода 650 Мт (мегатонн), а поглощается на 40% больше – в основном, благодаря сибирским тайге, болотам, тундрам и вечной мерзлоте.

В среднестатистическом выражении ситуация еще более выразительная: в мире за год в среднем на человека увеличивается содержание углерода в атмосфере на 600 кг, а в России это содержание на одного человека, наоборот, снижается на 2800 кг. В международных соглашениях по экологической тематике этот факт следует учитывать. Ни в Киотском протоколе, ни в Парижском соглашении он во внимание не принимался.

И наконец, еще об одной составляющей природно-ресурсного потенциала глобального значения – туристско-рекреационной. Об этом достаточно подробно говорилось в нашей работе /8/. Сейчас лишь напомним природно-культурные объекты Сибири, вошедшие в список всемирного наследия ЮНЕСКО: плато Путорана, Горный Алтай, бассейн озера Убсу-Нур, Байкал, остров Врангеля, вулканы Камчатки и Сихотэалинский хребет, Ленские столбы, ландшафты Даурии (последние два объекта добавлены недавно).

Географическое положение Сибири обуславливает планетарное значение ее транспортно-логистического потенциала, основу которого заложила реализация на рубеже XIX и XX веков транспортного мегапроекта – строительства Транссибирской железнодорожной магистрали (Транссиба), самой длинной в мире.

Через Сибирь проходят (или могут пройти) трансконтинентальные транспортные магистрали, связывающие Азию, Европу и Северную Америку, и не имеющие экономически оправданных альтернатив. Среди них можно особо отметить следующие:

1) Прямой путь из восточного Китая в центральные области США (по геодезической линии) проходит между Якутском и Магаданом через Берингов

пролив. На этом пути железная дорога построена пока только до Якутска.

2) Прямой путь из Японии, Кореи, северо-восточного Китая в Европу лежит (также почти по геодезической линии) через Сибирь по трассе Транссиба (с КВЖД, соединяющей Владивосток с Читой напрямую через Харбин). С этой позиции, возможно, имеет смысл рассмотреть проекты железнодорожных переходов с Хоккайдо на Сахалин и далее через Татарский пролив на материк (в таком случае необходимость КВЖД отпадает).

Следует заметить, что возрождаемый «Великий шелковый путь» Сибирь, скорее всего, минует. Лишь некоторые его ветки смогут пройти через европейскую Россию.

3) Трансполярные авиамаршруты «Азия – Северная Америка» проходят через Сибирь с опорой на Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Хабаровск, а также на метеорологические и другие службы СМП.

4) Морской путь из Японии, Кореи, северо-восточного Китая в Европу по СМП в два раза короче, чем через Суэцкий канал. Наблюдаемое потепление климата может обеспечить высокую экономическую целесообразность такого маршрута.

Наряду с природно-ресурсным и транспортно-логистическим следует отметить высокий научно-образовательный и инновационно-промышленный потенциал Сибири. Пока он слабо раскрыт (впрочем, как и во всей России), но фундамент заложен основательный – реализацией в прошлом веке двух мегапроектов: созданием высокотехнологичного военно-промышленного комплекса (в результате эвакуации в Сибирь и «укоренения» здесь заводов из западной части СССР в начале Великой Отечественной войны) и Сибирского отделения Российской академии наук, по-видимому, самого продуктивного в нынешней России.

Ресурсный и транзитный потенциал Сибири будет обязательно реализован в достаточно близкой перспективе. Желательно (для нас), чтобы это произошло под российской юрисдикцией. Между тем, тема «несправедливости» факта принадлежности Сибири России является едва ли не мейнстримом западной глобалистики, мировой геостратегической и американской политической мысли (см. [10]).

Американский геополитик адмирал Мэхен еще в 1895 году заявил: «Большая часть мира все еще принадлежит дикарям или же государствам, которые в

Таблица 2. Выбросы и поглощения углерода в 2010 г. /9/

Показатель	Мир		Россия	
	Всего ГтС (10 ⁹)	На одного жителя тС	Всего МтС (10 ⁶)	На одного жителя тС
Население	6.8 млрд		142.9 млн	
Выбросы от энергетики и дефорестаций	8.8	1.3	650	4.6
в т.ч. промышленные (энергетика и цемент)	7.7	1.1	420	3.0
Поглощение углерода	4.7	0.7	1050	7.4
в т.ч. суша	2.4	0.4	830	5.8

экономическом или политическом отношении недоразвиты, и из-за этого не в состоянии использовать полный потенциал территорий, которыми они владеют. С другой стороны, у высоко цивилизованных государств накапливаются излишки энергии. Эта энергия в очень близком будущем должна быть направлена на завоевание новых пространств».

Это – идеологическая платформа колониализма, «Американского мира» или «Третьего рейха». В данном случае – обоснование желательности отторгнуть Сибирь от России.

В 1918 году некий американский полковник Гауз предложил разделить Россию на три части с передачей Сибири в США (план Гауза). В то же время уже упомянутый выше Вудро Вильсон озвучил план более детального дробления страны с выделением в самостоятельные государства Финляндии, Прибалтики, Белоруссии и Украины, Кавказа, Средней Азии. Сибирь, конечно же, доставалась США. Это далеко не первые и не последние планы расчленения России.

На международном геополитическом форуме, прошедшем в Сиэтле в январе 2016 года, тема отторжения Сибири из состава Российской Федерации была чуть ли не одной из основных. «Героями» обсуждения выступили Збигнев Бжезинский и Мадлен Олбрайт. Стоит процитировать эмоциональное высказывание госпожи Олбрайт: «Как стыдно и обидно, что Сибирь принадлежит одной стране». «Мягкая форма» общей позиции на этом международном форуме: с точки зрения «интересов всего человечества» Сибирь должна рассматриваться как «планетарная ресурсная кладовая» и иметь статус, схожий с современным статусом Антарктиды.

План Гауза-Вильсона, к сожалению, реализуется. Наполовину он уже выполнен: СССР распался. Сейчас происходит «экономическое» отторжение Сибири, и реальная экономическая политика федерального центра этому не препятствует. «Освоение» Арктики, Дальнего Востока происходит на зарубежные деньги, по зарубежным технологиям, с использованием зарубежных кадров, без всякой синергии с отечественной экономикой. Единственная цель такого «освоения» – вывести природные ресурсы с выгодой для крупных российских, как правило, государственных и, конечно, мировых транснациональных компаний.

За четверть века «капиталистического» возрождения население России сократилось почти на 4%, Сибири – почти на 10%, Дальнего Востока – на 25%. Население Магаданской области уменьшилось в 2 раза, Чукотки – в 3 раза.

Наметилась негативная для Сибири тенденция: потеря позиций в общенациональных показателях. Доля СФО в произведенном ВРП России с 2000 по 2015 г. снизилась на 1,5 п.п., доля занятых в экономике – на 0,4 п.п., доля в основных фондах – на 4,3 п.п., сокращается также доля Сибири в ВРП, использованном на потребление и накопление. Фиксируются значительные трудности в бюджетной сфере регионов, входящих в СФО. Если за период с конца 2013 г. по начало 2017 г. государственный долг субъектов РФ вырос на 35%, то государственный долг регионов, входящих в СФО, – на 82% [11].

Одна из важнейших российских стратегических задач заключается в преодолении этих негативных тенденций, продолжение которых неизбежно приведет к

потере Сибири. Для этого, наверное, ей нужны определенные преференции, но только во вторую очередь. В первую очередь необходимо обеспечить получение Сибири справедливой цены за ее продукт. Для этого нужны общенациональные (а не «сибирские») реформы федеративных отношений и механизмов, определяющих межрегиональные финансовые потоки. Эти реформы должны преследовать по крайней мере две цели.

1) Добиться желательного распределения бюджетных доходов в системе «центр-регионы-муниципалитеты», которое должно, по-видимому, стремиться к пропорции (в процентах) 30-40-30 (может быть 40-30-30, но не 60-35-5 как сейчас). Иначе слово «федерация» в названии нашей страны оказывается неуместным.

2) Провести коренное преобразование существующих механизмов финансовых отношений «центр – провинция». Их «порочность», обескровливающая Россию, стягивая генерируемые на ее территории финансовые ресурсы в Москву, заключается в следующем:

- уплата налогов по месту регистрации головной фирмы (а не по месту производственной деятельности, как это предусматривает Налоговый кодекс),

- заметное занижение итогов экономической деятельности (и соответственно, местной налоговой базы) «в регионах», благодаря использованию внутрикорпоративных «трансфертных» цен (не рекомендуемое действующими Налоговым и Бюджетным кодексами),

- концентрация налогов на добычу природных ископаемых и экспортных пошлин в федеральном бюджете.

«Деколонизация» этих механизмов обеспечила бы требуемое развитие Сибири, Арктики и Дальнего Востока.

Более основательно следует относиться к подготовке таких основополагающих документов государственной политики, как «Стратегия пространственного развития России». В предложенном в начале 2018 года МЭР варианте этого документа основным «двигателем» пространственного развития «назначались» городские агломерации. Мало того, что такая позиция не имеет серьезного теоретического и эмпирического обоснования, ее практическая реализация в условиях низкой плотности экономической деятельности в России и особенно Сибири привела бы к разрушению экономического пространства.

Преференции регионам Сибири тоже нужны (определенные налоговые «послабления» эти регионы уже имеют). Хотя, конечно, «дальневосточный гектар» – это жалкая пародия на политику царского правительства, проводимую Столыпиным и Витте по заселению восточных территорий, которая предусматривала выделение до 20 гектар и возмещение расходов на проезд и обустройство на новом месте.

Давно назрели и другие реформы, «лечащие родовые травмы» российской государственности (коррупция, монополизация, «карманная» судебная система, произвол силовых структур и т.д.). «Фиговым листком» майских указов не прикроешься. ■

Литература

1. Сибирь: имидж мегарегиона / под науч. ред. В.И. Супруна. - Новосибирск : ФСПИ «Тренды», 2012. – С. 368.
2. Супрун В.И. Сибирь: имидж мегарегиона. // Сибирь: имидж мегарегиона / под науч. ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012. – С. 24-57.
3. Суслов В.И. Имидж Сибири: экономика с историческим уклоном // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 1. – С. 86-103.
4. Материалы с веб-сайта www.nonews.co
5. Материалы с веб-сайта www.ru.wikipedia.org
6. Материалы с веб-сайта www.studopedia.info
7. Умеркаев Ф. Связь времен. Чем же сейчас страна прирастать будет? - www.km.ru
8. Суслов В.И., Лавровский Б.Л. Имидж Сибири в зеркале экономической истории и стратегии // Сибирь: имидж мегарегиона / под науч. ред. В.И. Супруна. – Новосибирск: ФСПИ «Тренды», 2012. – С. 143-169.
9. Федоров Б.Г. Российский углеродный баланс. Институт народнохозяйственного прогнозирования. – М., «Научный консультант», 2017.
10. Кто и почему хочет отобрать у России Сибирь - news.rambler.ru
11. Басарева В.Г., Михеева Н.Н. Сибирский федеральный округ: что мешает экономическому росту // Регион: экономика и социология. – 2017. – № 2. – С. 104-125.

References

1. By ed. of Suprun V.I. Sibir': imidzh megaregiona [Siberia: the image of the megaregion]. Novosibirsk. FSPI Trends, 2012. 368 p.
2. By ed. of Suprun V.I. Sibir': imidzh megaregiona [Siberia: the image of the megaregion]. Novosibirsk: FSPI Trends, 2012. pp. 24-57.
3. Suslov V.I. Image of Siberia: an economy with a historical bias. Region: ekonomika i sotsiologiya. [Region: economics and sociology]. 2014. No. 1. pp. 86-103.
4. Materials of the website www.nonews.co
5. Materials of the website www.ru.wikipedia.org
6. Materials of the website www.studopedia.info
7. Umerkaev F. Svyaz' vremen. Chem zhe seychas strana prirastat' budet? [Connection of times. What will the country grow with now?] www.km.ru
8. Suslov V.I., Lavrovsky B.L. Image of Siberia in the mirror of economic history and strategy. Sibir': imidzh megaregiona [Siberia: the image of the megaregion]. Novosibirsk. FSPI Trends, 2012. p. 143-169.
9. Fedorov B.G. Rossiyskiy uglerodnyy balans. [Russian carbon balance]. Institute of Economic Forecasting. Moscow. Nauchnyy konsul'tant Publ., 2017.
10. Kto i pochemu khochet otobrat' u Rossii Sibir'? [Who and why wants to take Siberia from Russia?] news.rambler.ru
11. Basareva V.G., Mikheeva N.N. Siberian Federal District: what impedes economic growth. Region: ekonomika i sotsiologiya. Region: economics and sociology. 2017. No. 2, pp. 104-125.

Андатпа

Ресейдің макроөңірі ретінде Сібірдің даму әлеуетіне жүйелі талдау жасалады. Табиғи ресурстық, көліктік және логикалық мүмкіндіктермен қатар Сібір аймағының ғылыми, білім беру, инновациялық және өндірістік әлеуеттері көрсетілген.

УДК: 338.012, 338.001.36
JEL CODE: F15, O14, O57, P20

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСТСОВЕТСКИХ ЭКОНОМИК¹

Ирина Родионова*

Аннотация

Цель – выявление позиций в инновационной экономике государств постсоветского пространства и оценка их готовности к развитию индустрии в условиях цифровой трансформации. Методология – сравнительный анализ уровней индустриального развития и степени отставания постсоветских государств от мировых тенденций при переходе к постиндустриальной экономике. Новизна – исследование готовности индустриального сектора экономик стран Содружества Независимых Государств (СНГ) воспринимать и внедрять новейшие технологии. Результаты – выявлено, что ключевой тенденцией развития мировой обрабатывающей промышленности является стремительный рост объемов производства высокотехнологичной продукции. Определено, что в постиндустриальную эпоху странам СНГ необходимо быть готовыми к развитию в условиях цифровизации экономики уже в ближайшем будущем. Показано, что лидерами индустриального и инновационного развития на постсоветском пространстве по-прежнему являются лишь три страны: Россия, Казахстан и Беларусь.

Ключевые слова: цифровая экономика, индустриализация, обрабатывающая промышленность, инновационное развитие, рейтинги.

Abstract

The goal of the research is to identify the positions of post-Soviet states in innovative economy and assess their readiness for the development of industry in the context of digital transformation. The methodology is to perform a comparative analysis of the levels of industrial development and the degree of a lag between post-Soviet states and the world trends in the conditions of transition to a post-industrial economy. The novelty of the research is a study of the readiness of the industry of Commonwealth of Independent States (CIS) countries to accept and implement the latest technologies. The results - it was shown that a key trend in the development of the global manufacturing industry is the rapid growth of high-tech products. It has been determined that in the post-industrial era, the CIS countries must be ready for innovative development in the context of the digitalization of the economy in the near future. It is shown that the leaders of industrial and innovative development in the post-Soviet space are still only three countries: Russia, Kazakhstan and Belarus.

Key words: digital economy, industrialization, manufacturing industry, innovative development, rankings.

¹ Инициативная статья.

* Доктор географических наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания (РАЕ), ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов (Москва, Россия). Irina Rodionova, Doctor of Science (Geografic), Professor, The Russian Academy of Natural History (RANH), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow

Введение

В современных условиях уровень развития сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является важнейшим показателем экономического благополучия и конкурентоспособности любого государства. В условиях цифровизации экономики особое внимание в научном мире уделяется анализу инновационного развития государств. Именно за счет производства и экспорта высокотехнологичных товаров и услуг, в том числе на предприятиях крупнейших транснациональных корпораций (ТНК) с их филиалами происходит рост валового внутреннего продукта (ВВП) стран мира /1-8/. Ученые и эксперты доказывают, что цифровизация экономики открывает уникальные возможности для производителей товаров в разных странах мира, включая развивающиеся. Но чтобы приблизиться к лидерам мировой экономики, требуется наличие хотя бы минимального базового уровня инновационного и промышленного развития или наличие потенциала для формирования этого процесса /8-11/. В /1, 12-16/ анализируются особенности и перспективы развития инновационной сферы в развитых и развивающихся государствах, в том числе в странах СНГ. Авторы убеждены, что переход к постиндустриализму происходит одновременно с перманентным процессом индустриализации на глобальном уровне, и особенно в некоторых развивающихся странах, в первую очередь азиатских /5, 17, 18/.

Как известно, термины «развитые», «промышленно развитые» и «развивающиеся» страны являются типологическими характеристиками стран, в значительной степени отражающими состояние их экономики, достигнутое в процессе развития. Отдельные страны СНГ отнесены в международной статистике к развитым странам (в том числе Россия), но значительную часть стран СНГ часто относят к группе развивающихся экономик. В этой группе стран отмечается различная степень структурных изменений в экономике в целом и индустриальном секторе в частности. Добавим, что некоторые из них (в силу разных причин) фактически все еще не имеют возможности развивать эффективно свою индустрию.

Понятно, что в современном мире именно технологическое превосходство будет определять положение государств в международной таблице о рангах, в том числе положение среди экономически высоко развитых стран /1, 8/.

Методология исследования и информационная база

В группу лидеров глобальной экономики и мировой индустрии, безусловно, входят США. Однако, начиная с 2013 г. Китай занимает первую позицию и по

показателю ВВП, исчисленному по паритету покупательной способности (ППС), и по производству продукции обрабатывающей промышленности. Хотя по показателю реального ВВП США все еще лидируют и опережают Китай (19,49 и 12,01 трлн долл., 2017 г.) /19/. Примечательно, что практически все остальные страны-лидеры мировой экономики – это государства Евразии (лишь в отдельные периоды в ТОП-20 стран входят Мексика и Канада).

Для выявления уровня индустриального развития стран, образовавшихся на постсоветском пространстве (стран СНГ), было выбрано несколько показателей. В первую очередь, это показатель ВВП по паритету покупательной способности в расчете на душу населения, как один из важнейших при сопоставлении уровня развития национальных экономик. Затем были выбраны критерии, отражающие непосредственно уровень индустриального развития: а) объем продукции обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения (manufacturing value added – MVA); б) «относительный уровень индустриализации» (или «коэффициент индустриализации»²). Последний показатель также характеризует уровень развития обрабатывающей промышленности страны, в том числе государств СНГ. Он определяется через соотношение доли страны в мировом выпуске продукции обрабатывающей промышленности к доле той же страны в численности населения в мире. Понятно, что у более развитых в промышленном отношении стран СНГ данный показатель значительно выше, чем у менее развитых. Поэтому были проанализированы данные по объему производства продукции обрабатывающей промышленности и удельному весу стран СНГ в мировой индустрии и другие.

Также анализировались данные по странам СНГ, отраженные в Индексе конкурентоспособности промышленности – Competitive Industrial Performance (CIP) Index, который рассчитывается по 138 странам мира. В частности, он определяется по показателям производства и экспорта промышленной продукции в расчете на душу населения, удельному весу выпуска и экспорта средне- и высокотехнологичной продукции и другим параметрам /1, 20/.

Кроме того, анализировались позиции стран СНГ в рейтинге конкурентоспособности в сфере использования цифровых технологий – «IDM World Digital Competitiveness Rankings». Данный рейтинг оценивает готовность 63 стран мира принять цифровые технологии как ключевой фактор экономических преобразований в бизнесе, правительстве и обществе в целом. При этом предполагается, что правительства стран-лидеров вкладывают значительные средства в развитие цифровой экономики для повышения конкурентоспособности /21/.

Для выявления позиций стран СНГ в таблице о рангах по уровню инновационного развития были проанализированы рейтинги стран мира по следую-

² Этот показатель рассчитан автором.

щим индексам: The Global Innovation Index (GII), The Networked Readiness Index (NRI), The ICT Development Index (IDI). На их основе оценивается дифференциация между странами в уровне внедрения инноваций и ИКТ в практику. Были просчитаны коэффициенты корреляции между показателями стран мира в рейтинговых таблицах указанных индексов инновационного развития. Так как корреляция была очень высокой (от 0,86 до 0,91), то для дальнейших сопоставлений и расчетов был выбран «The ICT Development Index» /22/.

Были просчитаны корреляционные связи между показателями инновационного и индустриального развития по 63 странам большой Евразии (включая страны СНГ) по отобранному для анализа показателю. Корреляция рассчитывалась в программе Excel. Также рассчитаны коэффициенты детерминации, отражающие тесноту взаимосвязи показателей (с учетом доли необъясненной дисперсии – дисперсии случайной ошибки модели). Результаты этих расчетов отображены на графиках, иллюстрирующих корреляционные связи между показателями (рис. 1–3).

Добавим, что для выявления уровня готовности стран СНГ к цифровой трансформации национальных экономик анализировались все полученные данные инновационного и индустриального развития.

Результаты исследования

Представим краткую характеристику основных параметров анализируемых инновационных индексов и позиций, занимаемых в них странами СНГ. В рейтинге GII оценивается ситуация по 80 показателям, отражающим условия, уровень развития и эффективность инновационной активности в 126 странах мира. В рейтинге по этому индексу лучшую позицию из стран СНГ занимает Украина, но среди указанного числа стран мира – 43-ю (между Грецией и Таиландом). Россия занимает 46 позицию (между Вьетнамом и Чили), Казахстан – 74 (между Филиппинами и Маврикием с Марокко, уступив Молдове и Армении), Беларусь – 86, а Таджикистан – 101-ю (между Сенегалом и Гватемалой, отставая от Эквадора, Камбоджи, Руанды и Сенегала). Лидирующие позиции в рейтинге по GII занимают Швейцария, Нидерланды, Швеция, Великобритания и Сингапур (табл. 1) /23/.

Еще одним параметром является индекс готовности стран к сетевой экономике (The Networked Readiness Index – NRI)³, который рассчитывается для 139 стран мира по 53 критериям, которые сгруппированы по блокам: условия для развития ИКТ, готовность всего общества к использованию ИКТ, степень внедрения информационных технологий во всех секторах экономики страны. По этому индексу лидирующие позиции среди стран СНГ занимает Казахстан: 39-е место среди указанного числа стран. Но его опережают не только развитые страны, а также

ОАЭ, Катар, Бахрейн, Малайзия и Саудовская Аравия. Россия занимала лишь 41-е место (между Кипром и Польшей), Азербайджан – 53 (между Оманом и Хорватией), Армения – 56, Украина – 64, Молдова – 71, Кыргызстан – 95 (между Гондурасом и Египтом), Таджикистан – 104-е место (между африканскими странами Гамбия и Лесото). В лидерах рейтинга находятся Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, США (табл. 1) /24/.

Индекс развития и внедрения ИКТ (ICT Development Index - IDI), разрабатываемый на основе 11 показателей, оценивающих доступ и использование ИКТ, а также уровень практического знания этих технологий населением стран мира, характеризует уровень инновационного развития их экономики. В таблице о рангах по этому Индексу у России 45-я позиция (среди 176 стран мира) между Португалией и Словакией. Казахстан разместился на 52-м месте (между Аргентиной и Саудовской Аравией). Далее следуют Молдова (59), Азербайджан (65), Армения (75), Украина (79), Узбекистан (95). Кыргызстан находится на 109-й позиции (между Вьетнамом и Индонезией, при этом Кыргызстан опережают в рейтинговой таблице Филиппины, Алжир, Доминиканская Республика, Ботсвана и Фиджи). Лидеры рейтинга IDI: Исландия, Республика Корея, Швейцария, Дания, Великобритания /22/.

В рейтинге стран по уровню конкурентоспособности в цифровой экономике /21/ среди 63 анализируемых государств представлены только 3 страны СНГ. Так, Казахстан разместился на 35 позиции. Россия занимает 38 позицию из 63. И Украина находится в рейтинге на 60 месте из 63. Лидирующие позиции занимают США, Сингапур, Швеция, Дания, Швейцария /21/.

Отметим, что существующие не слишком высокие позиции России и других стран СНГ в анализируемых рейтингах указывают на наличие серьезных проблем в развитии их национальных инновационных систем и довольно низкой эффективности стратегий развития в этой сфере. Аутсайдерами в рейтингах инновационного развития (наряду со многими слабо развитыми африканскими и азиатскими странами) являются зачастую даже отдельные республики СНГ (Таджикистан и Кыргызстан, иногда – Молдова и Армения). При этом часто данные по Туркменистану и Узбекистану просто отсутствуют, что свидетельствует о закрытости их национальных экономик.

Можно лишь соглашаться или не соглашаться с позициями отдельных стран в рейтинговых таблицах, так как нам известна общая ситуация в странах СНГ, и возможно, далеко не такая плачевная. Так, например, очень странно выглядит тот факт, что позиция Беларуси (86) в рейтинге по Глобальному индексу инновационного развития GII по состоянию на 2018 г. ниже позиций Украины и Молдовы. А место в рейтинге у Казахстана (74) много ниже, чем у Украины, России, Молдовы, Грузии и Армении. Тем не менее, мы анализируем Индексы инновационно-

³ Последние официальные данные имеются только за 2016 г.

Таблица 1.

Страны-лидеры инновационного развития и позиции стран СНГ, 2016, 2017, 2018 гг.

The Global Innovation Index (GII), 2018 г.		The Networked Readiness Index (NRI), 2016г.		The ICT Development Index (IDI), 2017 г.		Human Development Indicators (HDI), 2018г.	
1	Швейцария	1	Сингапур	1	Исландия	1	Норвегия
2	Нидерланды	2	Финляндия	2	Республика Корея	2	Швейцария
3	Швеция	3	Швеция	3	Швейцария	3	Ирландия
4	Великобритания	4	Норвегия	4	Дания	4	Германия
5	Сингапур	5	США	5	Великобритания	5	Гонконг
...							
43	Украина	39	Казахстан	32	Беларусь	49	Россия
46	Россия	41	Россия	45	Россия	50	Беларусь
48	Молдова	53	Азербайджан	52	Казахстан	51	Казахстан
68	Армения	56	Армения	59	Молдова	81	Армения
74	Казахстан	64	Украина	65	Азербайджан	87	Азербайджан
82	Азербайджан	71	Молдова	75	Армения	88	Украина
86	Беларусь	95	Кыргызстан	79	Украина	107	Молдова
94	Кыргызстан	104	Таджикистан	95	Узбекистан	108	Туркменистан
101	Таджикистан	-	Беларусь	109	Кыргызстан	109	Узбекистан
-	Узбекистан	-	Узбекистан	-	Туркменистан	122	Кыргызстан
-	Туркменистан	-	Туркменистан	-	Таджикистан	125	Таджикистан

Источник: составлено автором по данным /22-25/.

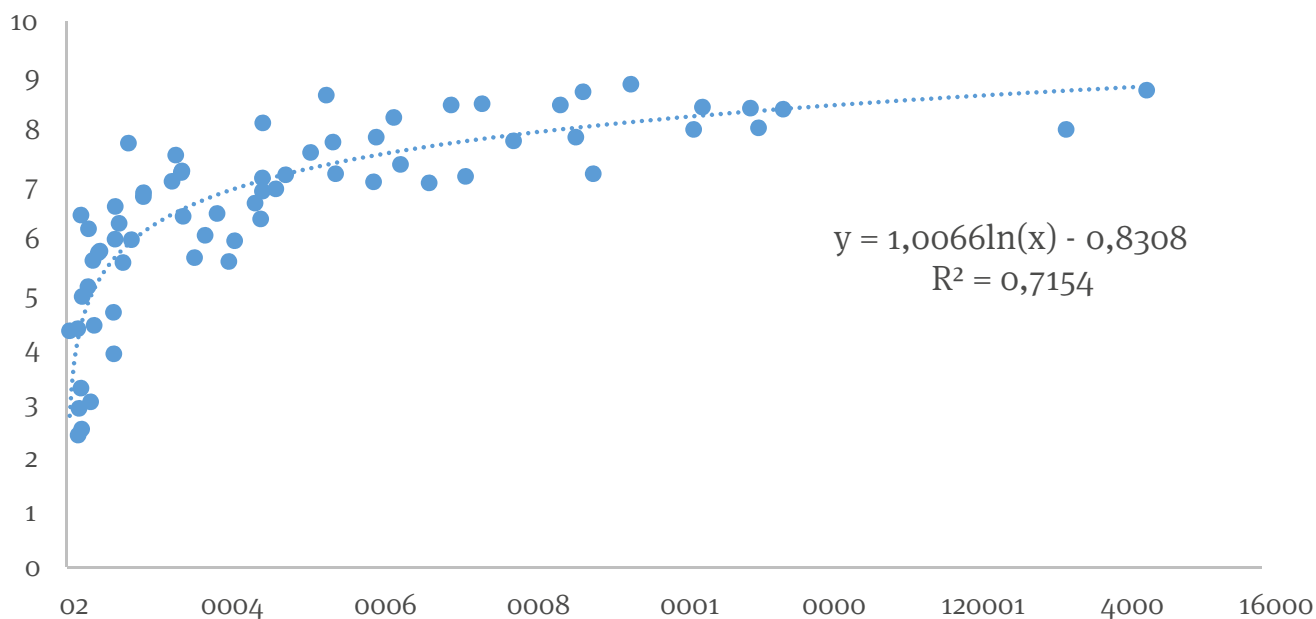
го развития, представляемые известными международными организациями (табл. 1).

Анализ рейтинговых таблиц Индексов инновационного развития GII, отражающих степень готовности стран мира к цифровой трансформации экономики, показал, что Россия не является лидером среди стран СНГ (ее опережают поочередно то Украина, то Казахстан, то Беларусь). На наш взгляд, это можно объяснить значительной дифференциацией российских регионов в уровне развития ИКТ (Москва и Санкт-Петербург и еще несколько крупных городов являются лидерами данного процесса, но это еще не вся Россия).

Государства-члены СНГ отличаются и по уровню образования (более того, по уровню человеческого развития). При этом в некоторых из них снизился уровень образования населения и уровень человеческого потенциала. Так, например, показатель HDI у стран СНГ существенно ниже, чем у стран-лидеров по этому рейтингу. А ведь ранее во всех республиках СССР были очень высокие показатели уровня образования. В рейтинговой таблице (по данным на 2018 г.) из стран СНГ только Россия, Беларусь и Казахстан находятся в группе «с очень высоким уровнем человеческого развития» – 49, 50 и 51 позиции соответственно из 189 стран мира (табл. 1). Остальные государства СНГ находятся значительно ниже – от 81 (Армения) и до 125 (Таджикистан) места. Эксперты подчеркива-

ют, что отличительной особенностью современной ситуации в мире является то, что многие технологии, влекущие за собой экономические преобразования, доступны фактически повсеместно. Тем не менее, разрыв в способности стран использовать новые возможности очень велик, что и отражается в плане неравенства и человеческого развития /25/.

Основные позиции стран СНГ в мировом производстве и экспорте продукции обрабатывающей промышленности характеризуются следующим образом. По-прежнему 56% мирового производства продукции обрабатывающей промышленности производят в промышленно развитых странах, в которых проживает всего 15% населения мира. /1, 20/. В то же время доля выпуска развивающимися странами продукции обрабатывающей промышленности выросла до 40% мирового объема, то есть по сравнению с 1990 г. долевой показатель более чем удвоился. Это произошло, в первую очередь, за счет роста промышленного потенциала Китая и еще нескольких государств, в том числе азиатских новых индустриальных стран (НИС). Именно в азиатских НИС доля добавленной стоимости обрабатывающего сектора в ВВП этих государств, а также занятость населения в промышленности в последние годы быстро росла /1, 5/. Согласно оценкам экспертов ЮНИДО⁴, мировыми лидерами в обрабатывающей промышленности на данный момент являются Китай (около 25% глобаль-

Рисунок 1. Взаимосвязь между добавленной стоимостью в обрабатывающей промышленности на душу населения (ось OX) и показателем Индекса развития информационно-коммуникационных технологий в странах Евразии (ось OY)

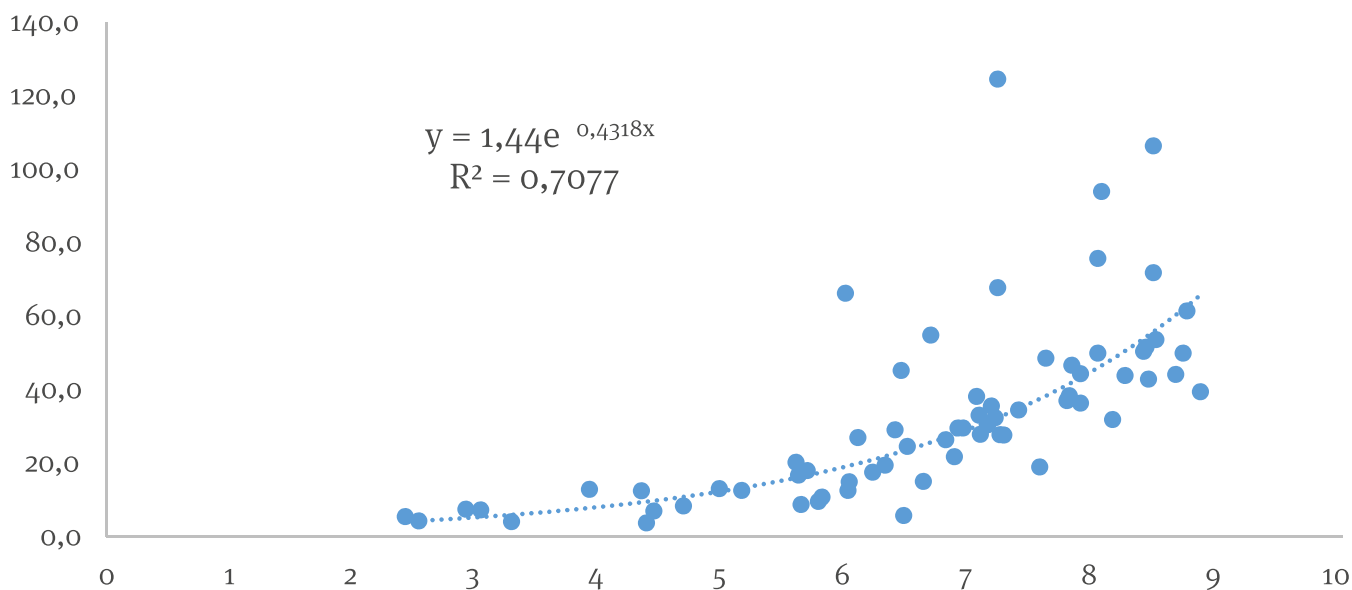
Источник: собственные расчеты автора.

ного промышленного производства), США (около 15%), Япония, Германия, Индия, Республика Корея. На 12-й позиции находится Россия /1, 26/.

Сравнительный анализ 63 стран Евразии по показателям инновационного и индустриального развития свидетельствует о следующем. Самая высокая корреляция (0.7-0.8) обнаружена между данными Индекса развития информационно-коммуникационных технологий (IDI) и тремя отобранными для анализа показателями: объем продукции обрабатывающей промышленности на душу населения, ВВП

на душу населения и рассчитанными данными об «относительном уровне индустриализации» (или «коэффициенте индустриализации») стран мира (рис. 1–3).

Анализируя данные о добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения, невозможно не отметить связи развития индустриального сектора экономики и внедрения инноваций, в том числе ИКТ в производственном процессе. Так, сопоставление рейтингов по Индексу IDI показало, что в группе лидеров находят-

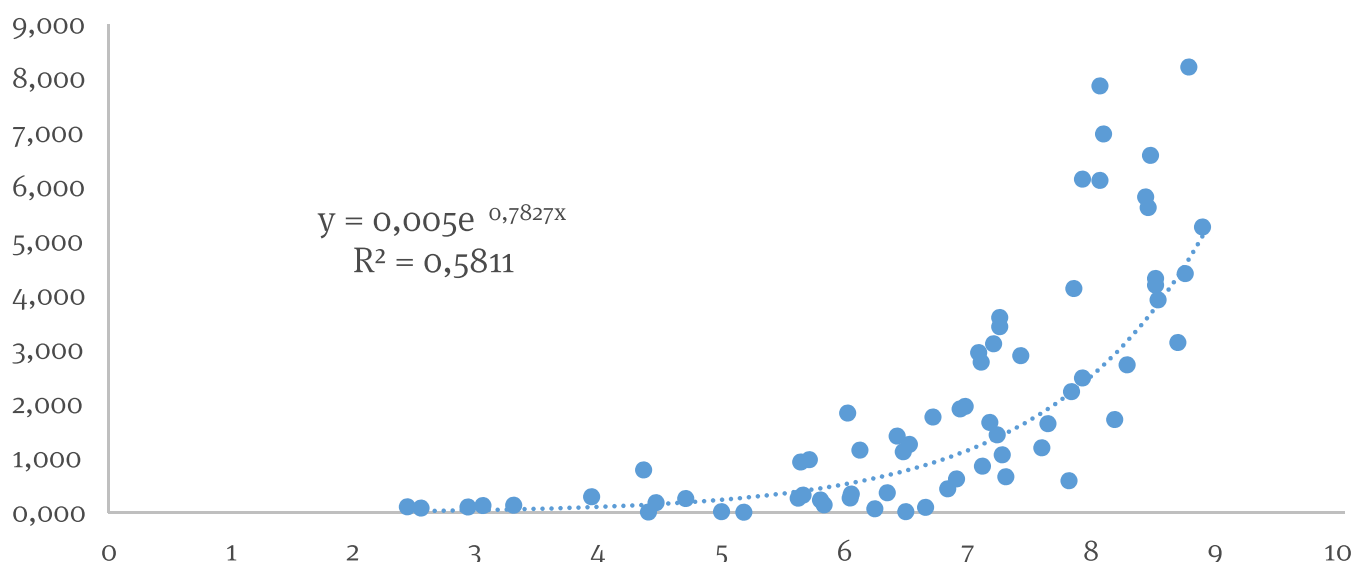

Рисунок 2. Взаимосвязь между показателем Индекса развития информационно-коммуникационных технологий (ось OX) и показателем ВВП на душу населения стран Евразии (ось OY)

Источник: собственные расчеты автора.

⁴ ЮНИДО - Организация ООН по промышленному развитию.

Рисунок 3. Взаимосвязь между показателем Индекса развития информационно-коммуникационных технологий (ось ОХ) и показателем «коэффициент индустриализации» в странах Евразии (ось ОУ)

Источник: собственные расчеты автора.

ся Республика Корея, Швейцария, Дания, Великобритания, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Япония, Швеция, Германия. Среди лидеров в таблице о рангах мировой обрабатывающей промышленности также находятся практически все эти государства. Так, в числе лидеров по данному показателю отметим Швейцарию, Ирландию, Германию, Сингапур, Швецию, Японию, Австрию, Республику Корея, Данию, Норвегию и т.д.

Продолжая рассуждать о перспективах широкого использования новейших технологий в экономике и современной индустрии, стоит отметить, что значительные шансы имеют, безусловно, страны

с высокими показателями ВВП на душу населения (то есть высокоразвитые страны). Именно эти государства, развивая «экономику знаний», привлекая огромные средства в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), разрабатывая и внедряя инновации во все сектора экономики, являются лидерами глобальной экономики и индустрии. Именно это иллюстрирует график высокой корреляционной зависимости показателей Индекса IDI и ВВП на душу населения (рис. 2).

При этом можно выделить государства, несколько выбивающиеся из выявленной закономерности. Так, например, Кувейт, Катар, ОАЭ имеют самые высокие

Таблица 2. Показатели уровня экономического развития стран СНГ, 2017-2018 гг.

Страна	ВВП/ ППС на душу насел. (долл.)	Население (млн чел.)	Доля в СНГ (%)	ВВП/ ППС (млрд долл.)	Доля в СНГ (%)	Производство обр. пром. (млрд долл.)	Доля в СНГ (%)	Производство обр. пром. на душу* (долл.)	Ранг в Индексе СІР, 2018 г.
Россия	27 900	142,12	50,6	4 016,0	71,1	228,1	72,9	1585	31
Казахстан	26 300	18,74	6,7	478,6	8,5	20,4	6,5	1110	66
Беларусь	18 900	9,53	3,4	179,4	3,2	14,8	4,7	1563	46
Туркмения	18 200	5,41	1,9	103,7	1,8	17,0	5,4	2904	-
Азербайджан	17 500	10,05	3,6	172,2	3,0	3,1	1,0	316	115
Армения	9 500	3,04	1,1	28,34	0,5	1,3	0,4	459	99
Украина	8 800	43,95	15,7	369,6	6,5	14,0	4,5	319	67
Узбекистан	6 900	30,02	10,7	223,0	3,9	11,3	3,6	350	-
Молдова	6 700	3,44	1,2	23,72	0,4	0,9	0,3	225	106
Кыргызстан	3 700	58,5	2,1	23,15	0,4	0,9	0,3	146	118
Таджикистан	3 200	8,60	3,1	28,43	0,5	1,1	0,4	121	131

Источник: составлено автором по данным /19, 26/.

Примечание: * - в постоянных долларах 2010 г.

Таблица 3. Государства-лидеры мировой индустрии и позиции стран СНГ, 2017 и 2018 гг.

Competitive Industrial Performance Index, 2018 г.		Продукция обрабатывающей промышленности на душу населения (долл.), 2018 г.	Доля обрабатывающей промышленности в ВВП(%), 2017 г.	ВВП/ППС на душу населения (долл.), 2017 г.
1	Германия	10268	21	50 800
2	Япония	10366	19	42 900
3	Китай	2383	32	16 700
4	США	6200	11	59 800
5	Южная Корея	7769	29	39 500
...				
31	Россия	1585	13	27 900
46	Беларусь	1563	24	18 900
66	Казахстан	1110	10	26 300
67	Украина	319	12	8 800
99	Армения	459	10	9 500
106	Молдова	225	12	2 700
115	Азербайджан	316	5	17 500
118	Кыргызстан	146	13	3 700
131	Таджикистан	121	8	3 200
-	Узбекистан	350	17	6 900
-	Туркменистан	2904	38	18 200

Источник: составлено автором по данным /19, 26/.

показатели ВВП на душу населения, но не отличаются высокими значениями индекса развития ИКТ (какими обладают Швейцария, Люксембург, Сингапур или Норвегия). Однако инновационное развитие стран Персидского залива развивается в последние годы очень быстрыми темпами, учитывая их уход от сырьевой моноспециализации экономики в сторону ее диверсификации.

При сопоставлении данных рассчитанного автором «коэффициента индустриализации» и показателей Индекса IDI также выявляются некоторые отклонения от общего тренда. Но высокая взаимозависимость между этими двумя критериями развития, безусловно, отмечается (рис. 3).

Корреляционный анализ Индекса конкурентоспособности промышленности (индекс СІР) по странам Евразии и индекса IDI, отражающего уровень их инновационного развития, свидетельствует об отсутствии статистически значимой взаимосвязи между ними (коэффициент корреляции -0,554). Но при этом нельзя утверждать, что она отсутствует.

Корреляционный анализ показателей Индекса глобальной конкурентоспособности промышленности (индекс СІР), «коэффициента относительной индустриализации» и ВВП на душу населения стран Евразии подтвердил высокую положительную взаимосвязь (коэффициенты корреляции находятся в диапазоне 0,7-0,8).

Тем не менее, мы убеждены, что каждый из приведенных выше рейтингов требует проведения более глубокого анализа, в том числе для выявления наиболее проблемных мест в инновационном развитии государств постсоветского пространства. Отметим при этом, что страны СНГ очень сильно отличаются друг от друга по различным параметрам: например, по численности населения, по уровню социально-экономиче-

ского и индустриального развития (табл. 2).

Как видно из данных, представленных в таблице 2, самая большая доля в СНГ приходится на экономику России. Самые высокие подушевые показатели ВВП и производства продукции обрабатывающей промышленности отмечаются у России, Казахстана и Беларуси.

Как известно, членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) являются Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россия. На долю пяти стран-членов ЕАЭС приходится 64% населения СНГ, почти 85% ВВП/ППС и объема производства промышленной продукции. Сравнительный анализ позиций государств-лидеров региона Евразия, которые наряду с США также являются лидерами мировой экономики, и стран СНГ в рейтингах инновационного и индустриального развития показал, что отдельные страны постсоветского пространства занимают позиции в середине списка, а некоторые зачастую находятся в списке аутсайдеров.

Так, например, индекс СІР оценивает позиции государств с точки зрения возможностей промышленного производства, технологической модернизации и общего влияния той или страны на мировое производство и торговлю. Уровень конкурентоспособности промышленности стран мира отражает подушевые показатели выпуска и экспорта промышленной продукции. Качественные показатели производства и экспорта оцениваются через долю средне- и высокотехнологической продукции в общем объеме промышленного производства, удельному весу добавленной стоимости в промышленности в ВВП стран, долю высокотехнологического экспорта в общем промышленном экспорте и долю промышленного экспорта в общем экспорте страны. Оцениваются и доля страны в мировом производстве промышленной продукции, и доля в мировой торговле промышленной продукцией. В 2018 г. рейтинги по индексу

CIP возглавили Германия, Япония, Китай, США, Республика Корея, Швейцария, Бельгия, Нидерланды, Сингапур, Италия /26/. Позиции лидеров мировой индустрии и стран СНГ по некоторым показателям индустриального развития приведены в табл. 3.

Как уже отмечалось, один из важнейших критериев уровня индустриализации государств – показатель добавленной стоимости, создаваемой в обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения. Мировыми лидерами по данному показателю в 2018 г. (в постоянных долларах 2010 г.) являлись Ирландия, Швейцария, Германия, Япония, Швеция, Сингапур /26/.

В странах СНГ этот показатель фактически на порядок ниже, чем у промышленно развитых государств, и ниже, чем среднемировой показатель, составивший в 2018 г. порядка 1700 долл. США. Среди стран СНГ в индустриальном отношении несколько выделяются Беларусь, Россия и Казахстан. Отметим, что в 2018 г. в рейтинге Competitive Industrial Performance Index (индекс CIP) Россия разместилась лишь на 31 позиции среди 150 стран мира, а остальные страны СНГ – еще ниже по списку. Не слишком велики и показатели ВВП/ППС на душу населения у стран СНГ, причем у многих из них данный показатель ниже среднемирового значения – 17 500 долл. США. Сравнительно высокие показатели по Туркменистану свидетельствуют лишь о богатстве ресурсной базы (добыча нефти и природного газа при небольшой численности населения страны) /19/.

Дискуссия

Трансформационные процессы при переходе «от плана к рынку» в постсоветских государствах после распада СССР не улучшили состояние индустриального сектора их национальных экономик. Однако невозможно судить о современном уровне развития промышленности только на основе анализа одного-двух показателей. Необходима многокомпонентная характеристика, чтобы отразить разные аспекты инновационного и промышленного развития стран СНГ.

В настоящее время в России и других странах СНГ разрабатываются законодательные документы, утверждающие необходимость движения наших стран в направлении инновационного развития. Для выполнения задач, заложенных в соответствующих стратегиях и концепциях, необходима достаточно жесткая государственная политика и существенно больший объем финансирования научной и инновационной сферы.

В целом, проведенный анализ различных рейтингов позволяет сделать следующие выводы. При составлении разных показателей инновационного и индустриального развития следует обращать внимание на отбор критериев и глубокий анализ позиций стран СНГ по каждому из них. Так, например, в рейтинге Всемирного экономического форума основным средством интегральной оценки государств является Индекс глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index, GCI) /27/. Он включает 12 сла-

гаемых конкурентоспособности по 138 странам мира по категориям, отражающим качество институтов и инфраструктуры, макроэкономической стабильности, показатели здоровья и образования, развитость и эффективность рынка товаров, услуг, рынка труда и финансового рынка, технологический уровень всех сфер экономики, конкурентоспособность компаний и инновационный потенциал. Иными словами, имеется совокупность индикаторов, характеризующих институты развития всей экономики. Лидерами по данному рейтингу в 2018 г. являлись Швейцария, США, Сингапур, Нидерланды, Германия, Гонконг, Швеция, Великобритания, Япония, Финляндия.

В рейтинге стран по уровню конкурентоспособности в цифровой экономике на 2019 г. по версии Международного института менеджмента и развития каждое из 63 государств оценивается на основе анализа более 300 критериев (2/3 критериев – статистические данные и 1/3 – экспертные оценки) /21/. Показатели отражают состояние экономики, эффективность деятельности правительства, развитость деловой среды и инфраструктуры. Среди прочих представлен и показатель доли промышленности в ВВП. В контексте нашего исследования следует обратить внимание на данный рейтинг (хотя в нем отражены данные лишь по трем странам СНГ). В нем оценивается готовность стран мира принять цифровые технологии в качестве ключевого фактора экономических преобразований в бизнесе, правительстве в частности, и обществе в целом. Лидерами данного рейтинга 2019 г. вслед за США выступают именно государства Евразии: Сингапур, Швеция, Дания, Швейцария, Нидерланды, Финляндия, Гонконг, Норвегия, Республика Корея. Китай разместился на 22-й позиции, опередив Японию, занимающую ныне 23-е место (причем Китай поднялся на 8 позиций – с 30-й в 2018 г.). Россия находится на 38-й позиции в рейтинге 2019 г. (в 2018 г. – 40-е место) и так и не смогла приблизиться к лидерам. Отметим более подробно позиции России в исследуемых в данном рейтинге категориях. По категории «Знания» у России 22-я позиция, по категории «Технологии» – 43-я, по категории «Будущая готовность» позиция Россия лишь 42-я. А самые верхние строчки в рейтинге занимают страны с высоким уровнем готовности развивать цифровую экономику.

Рейтинг сравнительной промышленной эффективности ЮНИДО (индекс CIP), о котором также было сказано выше, предоставляет более высокие позиции странам с более развитой обрабатывающей индустрией, подразумевая, что тенденции ее развития обеспечат долгосрочный рост экономики страны /20/. Именно данный рейтинг для нашего исследования оказался наиболее привлекательным (мы смогли сопоставить данные по всем 67 анализируемым странам Евразии).

Продолжая рассуждение о лучших индикаторах, отражающих качественные сдвиги в мировом процессе индустриализации, мы пришли к выводу, что ими являются показатели высокотехнологичного производства и экспорта. Они находят отображение в разных международных рейтингах. Но позиции

стран СНГ в них не всегда учитываются, так как они невысоки. Так, например, в статистике Научного фонда США представлены лишь данные по России и Украине /6/.

Безусловно, интересными для исследователей представляются также Индекс цифрового развития экономики и общества (International Digital Economy and Society Index) и Индекс цифровой эволюции или эволюции в сфере цифровой экономики (The Digital Evolution Index) /28, 29/. Но дело в том, что в рейтинговых таблицах этих индексов обычно представлены данные лишь по 50-60 странам мира (практически всегда без государств СНГ, за исключением России).

Заклучение

В последние годы активно обсуждается новая парадигма мирового развития – «Индустрия 4.0». В XXI в. государства-лидеры фактически будут контролировать мировую экономику посредством инновационных технологий. Это будут совершенно иные условия жизни для всего человечества. Цифровизация выступает одним из ключевых трендов развития глобальной экономики. Многие страны включили программу цифровизации в экономическую стратегию своего развития.

Верхние позиции во всех рейтингах инновационного развития занимают страны с высоким уровнем готовности развивать цифровую экономику. Фиксируются несколько групп стран Евразии. С одной стороны – это высокоразвитые страны Западной Европы. Далее выделяется группа быстроиндустриализующихся государств, поставивших на службу своей экономики достижения научно-технического прогресса и экономику знаний (в первую очередь, Япония, Республика Корея, Китай, Индия, азиатские НИС). На противоположном полюсе размещается большой блок стран региона Евразия, которые еще далеки от цифровизации экономики и инновационного развития (это менее развитые страны).

Проведенный анализ позиций стран СНГ (особенно азиатских) в международных рейтингах показал, что они продолжают уступать ведущим мировым лидерам современной инновационной экономики. Большинство из стран СНГ потеряли (в результате распада СССР) свои прежние позиции и в табеле о рангах мировой индустрии. В настоящее время они с разной долей успешности интегрируются в глобальную экономику. ■

Литература

1. UNIDO Industrial Development Report 2018. Demand for Manufacturing: Driving Inclusive and Sustainable Industrial Development. Overview. Vienna. UNIDO, 2018.
2. Watanabe C., Tou Y., Neittaanmäki P. (2018) A new paradox of the digital economy - Structural sources of the limitation of GDP statistics. *Technology in Society*, Volume 55: 9-23.
3. Watanabe C., Naveed K., Tou Y., Neittaanmäki P. (2018a) Measuring GDP in the digital economy: Increasing dependence on uncaptured GDP. *Technological Forecasting and Social Change*, Volume 137: 226-240.
4. Teece D. (2018) Profiting from innovation in the digital economy: Enabling technologies, standards, and licensing models in the wireless world. *Research Policy*, Volume 47, Issue 8: 1367-1387.
5. Родионова И.А., Шувалова О.В. (2018) Глобальные тенденции развития мировой промышленности. Монография. – М.: РУДН.
6. Science and Engineering Indicators (2018). Appendix (tables 6). Two volumes. Arlington, VA: National Science Foundation, USA, 2018. URL: <http://nsf.gov>
7. Global value chains and industrial development (2018). Lessons from China, South-East and South Asia. UNIDO. 2018. www.unido.org
8. Industrial Development Report 2020. Industrializing in the digital age. UNIDO. 2019. www.unido.org
9. Bharadwaj A., El Sawy O., Pavlou P. and Venkatraman N. (2013) Digital Business Strategy: Toward a Next Generation of Insights // *MIS Quarterly*, Vol. 37, No. 2: 471-482.
10. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard (2017). The digital transformation (view previous editions). Published on November 22, 2017. www.oecd.org
11. Шваб К. (2017) Четвертая промышленная революция. Серия: Top Business Awards. – М.: Изд-во Эксмо, 2017.
12. Rodionova, I., Gordeeva, A. (2010) Human development index and informatisation of society in CIS // *Bulletin of Geography. Socio-economic series*. Volume 13, 2010. Pp. 79-88. [DoA: 14.12.2019]. www.bulletinofgeography.umk.pl
13. Nyussupova G., Rodionova I. (2011) Demographic situation and the level of human development of the Republic of Kazakhstan: regional aspects // *Bulletin of Geography. Socio-economic series*. Volume 16, 2011. Pp. 75-87. [DoA: 14.12.2019]. www.bulletinofgeography.umk.pl
14. Rodionova I. (2013) Competitiveness of countries in the world innovation economy: East-Central Europe and Russia. *Quaestiones Geographicae* 32(2): 2013: 15-24. www.degruyter.com
15. Мухамеджанов А.М., Родионова И.А. (2016) Инновационное развитие и конкурентоспособность стран: Россия и Казахстан // *Метаморфозы в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века*. Монография /Под ред. проф. И.А. Родионовой. М.: Университетская книга, 2016. – С.268-273 (In Rus.)

16. Rodionova I., Kokuytseva T., Semenov A. (2016) Features of migration processes in different world industries in the second half of the XX century. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2016, Volume XI, Issue 8 (46): 1769-1780. www.cesmaa.eu
17. Rodionova I., Kokuytseva T. (2018) Commonwealth Of Independent States: Level Of Human And Information Development. *IJASOS- International E-journal of Advances in Social Sciences Archive* Volume 4, Issue 11 August 2018. 2018: 257-264. DOI: 10.18769/ijasos.455634. ijasos.ocerintjournals.org
18. Rodionova I., Kokuytseva T. (2018a) The features of Russia's involvement in the process of internationalization of innovative activity. *IJASOS-International E-Journal of Advances in Social Sciences*, Vol. IV, Issue 11, August 2018. P 274-282. DOI: 10.18769/ijasos.455636. ijasos.ocerintjournals.org
19. The World Facebook. Central Intelligence Agency. www.cia.gov
20. Competitive Industrial Performance Report (2018). Biennial CIP report, edition 2018. Vienna. UNIDO, 2019. www.unido.org
21. IDM World Digital Competitiveness Rankings 2019. World Competitiveness Center. www.imd.org
22. Measuring the Information Society Report 2017. The ICT Development Index (IDI). [Vol. 1 Vol. 2](http://Vol.1Vol.2)
23. The Global Innovation Index (2018). Energizing the World with Innovation. INSEAD (The Business School for the World) and the World Intellectual Property Organization (WIPO). www.wipo.int
24. The Global Information Technology Report (2016). The Networked Readiness Index 2016. World Economic Forum. Режим доступа: www.wsj.com
25. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. Published for the United Nations Development Programmer (UNDP). N.-Y., USA, Oxford University Press, 2019. hdr.undp.org
26. UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4 (2020). stat.unido.org
27. The Global Competitiveness Report (2018). World Economic Forum. Geneva, Switzerland 2018. www.weforum.org
28. Digital Planet (2017). How Competitiveness and Trust in Digital Economies Vary Across the World. Bhaskar Chakravorti and Ravi Shankar Chaturvedi. The Fletcher School, Tufts University. sites.tufts.edu
29. International Digital Economy and Society Index 2018. ec.europa.eu

References

1. UNIDO Industrial Development Report . Demand for Manufacturing: Driving Inclusive and Sustainable Industrial Development. Overview. Vienna. UNIDO, 2018.
2. Watanabe C., Tou Y., Neittaanmäki P. A new paradox of the digital economy. Structural sources of the limitation of GDP statistics. *Technology in Society*. 2018. pp. 9-23.
3. Watanabe C., Naveed K., Tou Y., Neittaanmäki P. Measuring GDP in the digital economy: Increasing dependence on uncaptured GDP. *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. pp. 226-240.
4. Teece D. Profiting from innovation in the digital economy: Enabling technologies, standards, and licensing models in the wireless world. *Research Policy*. 2018. Issue 8, pp.1367-1387.
5. Rodionova I.A., Shuvalova O.V. Global'nyye tendentsii razvitiya mirovoy promyshlennosti. Monografiya. [Global trends in the development of world industry]. Monograph. RUDN Moscow. 2018.
6. Science and Engineering Indicators. Appendix (tables 6). Arlington, VA: National Science Foundation. USA. 2018. URL: <http://nsf.gov>
7. Global value chains and industrial development (2018). Lessons from China, South-East and South Asia. UNIDO. 2018. www.unido.org
8. Industrial Development Report 2020. Industrializing in the digital age. UNIDO. 2019. www.unido.org
9. Bharadwaj A., El Sawy O., Pavlou P. and Venkatraman. Digital Business Strategy: Toward a Next Generation of Insights. 2013. *MIS Quarterly*, Vol. 37, No. 2 pp. 471-482.
10. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard. The digital transformation. Published on November 22, 2017. www.oecd.org
11. SwabK. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [Fourth Industrial Revolution]. Series: Top Business Awards. - Moscow Eksmo Publ., 2017.
12. Rodionova, I., Gordeeva, A. Human development index and informatisation of society in CIS. *Bulletin of Geography. Socio-economic series*. 2010. pp. 79-88. www.bulletinofgeography.umk.pl
13. Nyussupova G., Rodionova I. Demographic situation and the level of human development of the Republic of Kazakhstan: regional aspects. *Bulletin of Geography. Socio-economic series*. 2011. pp. 75-87. www.bulletinofgeography.umk.pl
14. Rodionova I. Competitiveness of countries in the world innovation economy: East-Central Europe and Russia. *Quaestiones Geographicae* 32(2), 2013 pp. 15-24. www.degruyter.com
15. Mukhamedzhanov A.M., Rodionova I.A. Innovative development and competitiveness of countries: Russia and Kazakhstan. *Metamorfozy v prostranstvennoy organizatsii mirovoy ekonomiki v nachale XXI veka*. [Metamorphoses in the spatial organization of the world economy at the beginning of the XXI century. Monograph]. Moscow. 2016. pp.268-273
16. Rodionova I., Kokuytseva T., Semenov A. Features of migration processes in different world industries in the second half of the XX century. *Journal of Applied Economic Sciences*. 2016 .Issue 8 (46), pp. 1769-1780. www.cesmaa.eu
17. Rodionova I., Kokuytseva T. Commonwealth Of

- Independent States: Level Of Human And Information Development. IJASOS- International E-journal of Advances in Social Sciences Archive Issue 11, 2018. pp. 257-264. DOI: 10.18769/ijasos.455634. ijasos.ocerintjournals.org
18. Rodionova I., Kokuytseva T. The features of Russia's involvement in the process of internationalization of innovative activity. IJASOS-International E-Journal of Advances in Social Sciences, Vol. IV, Issue 11, 2018. pp. 274-282. DOI: 10.18769/ijasos.455636. ijasos.ocerintjournals.org
19. The World Facebook. Central Intelligence Agency. www.cia.gov
20. Competitive Industrial Performance Report . Biennial CIP report, edition 2018. Vienna. UNIDO, 2019. www.unido.org
21. IDM World Digital Competitiveness Rankings 2019. World Competitiveness Center. www.imd.org
22. Measuring the Information Society Report 2017. The ICT Development Index (IDI). Vol. 1 Vol. 2
23. The Global Innovation Index 2018. Energizing the World with Innovation. INSEAD (The Business School for the World) and the World Intellectual Property Organization (WIPO). www.wipo.int
24. The Global Information Technology Report. The Networked Readiness Index 2016. World Economic Forum. www.wsj.com
25. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. Published for the United Nations Development Programmer (UNDP). N.-Y., USA, Oxford University Press, 2019. hdr.undp.org
26. Industrial Statistics Database. UNIDO. 2020. stat.unido.org
27. The Global Competitiveness Report. World Economic Forum. Geneva, Switzerland 2018. www.weforum.org
28. Bhaskar Chakravorti and Ravi Shankar Chaturvedi. How Competitiveness and Trust in Digital Economies Vary Across the World. Digital Planet. 2017. sites.tufts.edu
29. International Digital Economy and Society Index 2018. ec.europa.eu

Аңдатпа

Әлемдік өңдеуші өнеркәсіптің негізгі даму бағыты – жоғары технологиялық өнім өндірісінің қарқынды өсуі. Посткеңестік кеңістіктегі индустриалды-инновациялық дамудың көшбасшылары әлі де үш ел: Қазақстан, Ресей және Беларусь.

УДК 338.1, 338.2

JEL CODE: O15, O40, I30, F29

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ¹

Шолпан ИБРАИМОВА*
Айдана ТЕРЛИКБАЕВА**

Аннотация

Цель – обзор современной теоретической и эмпирической научной литературы по неравенству доходов и ее взаимосвязи с экономическим ростом. Методология исследования – на основе современных литературных источников проведен компаративный анализ позиций авторитетных исследователей по вопросам экономического неравенства. Новизна – феномен неравенства рассмотрен как глобальный вызов современности. Результаты – определены факторы, оказывающие воздействие на неравенство доходов, такие как индустриализация, экономическая сложность, инклюзивные институты, капитал и др. Изучены три концепции неравенства, в том числе глобального неравенства как нового подхода в эпоху глобализации. На основе статистических данных за последние 20 лет была проведена оценка уровня дифференциации доходов населения в Казахстане.

Ключевые слова: неравенство, экономический рост, глобализация, бедность, доходы населения.

Abstract

The aim of the study is a review of modern theoretical and empirical scientific literature on income inequality and its relationship with economic growth. The research methodology – on the basis of modern literary sources, a comparative analysis of the positions of authoritative researchers on issues of economic inequality is carried out. The novelty of the research – the phenomenon of inequality is considered as a global challenge of the present. Results – identified factors affecting income inequality, such as industrialization, economic complexity, inclusive institutions, capital, etc. Studied three concepts of inequality, including global inequality as a new approach in the era of globalization and based on recent statistics for twenty years, an assessment of the level of differentiation of population incomes in Kazakhstan was made.

Key words: inequality, economic growth, globalization, poverty, income of the population.

¹ Инициативная статья.

* Ведущий эксперт Центра стратегических разработок и устойчивого развития АО «Институт экономических исследований», магистр экономики.

** Старший эксперт Центра стратегических разработок и устойчивого развития АО «Институт экономических исследований», магистр экономики.

Введение

Проблема неравенства доходов, их функционального и справедливого распределения относится к числу традиционных фундаментальных проблем экономической науки. Практически каждая школа и/или направление экономической науки ставит перед собой задачу по выявлению и решению проблем неравенства доходов. Еще древнегреческий философ Платон считал, что в идеальном обществе доход самого богатого человека не может превышать доход самого бедного более чем в четыре раза /1/. Понятно, что ранние исследования и разработки в этой области не могут быть применены в условиях глобализации.

Множество современных теоретических и эмпирических исследований подтверждают противоречивое влияние неравенства на экономический рост. Доказано, что определенный уровень неравенства необходим для стимулирования экономического роста и накопления капитала. В то же время чрезмерное неравенство ослабляет стимулы к повышению производительности труда и инновациям, а при достижении критического значения представляет угрозу социальной стабильности и устойчивости экономического роста в частности и развития в целом.

По данным /2, с. 3/, начиная с 1990 г. неравенство по доходам возросло в большинстве развитых стран и в некоторых странах со средним уровнем дохода, включая Китай и Индию. В странах с возросшим уровнем неравенства проживает более двух третей всего населения мира. За последние два десятилетия коэффициент Джини, являющийся одним из измерителей неравенства, снизился в большинстве стран Латинской Америки и Карибского бассейна, а также в ряде стран Африки и Азии. Несмотря на экономический рост в некоторых странах, доходы и богатство все больше концентрируются на вершине. В период 1990–2015 гг. доля доходов, соответствующая самому богатому 1% населения мира, увеличилась в 46 из 57 стран. Вместе с тем, на 40% населения с наименьшим уровнем дохода приходится менее 25% доходов в 92 анализируемых в /2/ странах.

Однако проблема преодоления бедности и неравенства далека от решения. Более того, сегодня она приобретает новые черты и может иметь угрожающие, если не разрушительные последствия. Проблема неравенства доходов приобретает всеобщий характер. Этому можно найти подтверждение у лауреата Нобелевской премии Дж. Стиглица, утверждающего, что «... во всем мире растет беспокойство, вызванное умножением неравенства и ограничения возможностей. Эти родственные тенденции оказывают влияние на... экономику, политику и об-

щественные процессы» /3, с. 11/. В формировании неравенства, особенно в США, он видит рентоориентированное поведение американской верхушки, где произошла существенная концентрация богатства страны в результате операций с рентой, включая монопольные прибыли и чрезмерные компенсации руководителям корпораций, особенно в финансовом секторе². Дж. Стиглиц убежден, что необходимо обеспокоиться растущим неравенством и его социальными, политическими и экономическими последствиями. В этой связи он задается нетривиальными вопросами: «Возможно ли сдерживать рентоориентированное поведение людей в их погоне за удовлетворением собственных узких интересов, которые неизбежно вредят экономике как системе? Возможно ли создать контракт для XXI века, дающий гарантию, что доходы такого роста будут справедливо распределены?» /3, с. 29/.

Завершая введение, добавим, что неопределимый вклад в проблематику неравенства внесли фундаментальные работы Дж. Стиглица, Т. Пикетти, Э. Аткинсона, Б. Милановича и многих других авторитетных исследователей.

Методология исследования и информационная база

Аналитический обзор актуальных воззрений на проблему неравенства доходов и его влияния на экономический рост базируется на методологии компаративного анализа. Информационным источником являются современные литературные источники как теоретического, так и эмпирического характера.

Основная часть (аналитический обзор)

Одним из основополагающих исследований в области зависимостей между неравенством и экономическим ростом является работа лауреата Нобелевской премии С. Кузнеца, который изобразил перевернутую U-образную связь среднего уровня дохода страны и уровня неравенства в доходах /4/. Суть его гипотезы заключается в том, что в начальной фазе индустриализации неравенство растет, затем, по мере стабилизации экономического роста, неравенство будет уменьшаться. Гипотеза С. Кузнеца была подтверждена многочисленными теоретическими и эмпирическими исследованиями.

Вместе с тем, в последние два десятилетия гипотеза С. Кузнеца подвергалась серьезному критическому осмыслению. Различные и часто противоположные взгляды на его гипотезу были представлены как в теоретических, так и в эмпирических работах. Результаты исследований отдельных авторов показывают, что неравенство доходов зависит от мно-

² По данным Oxfam, 82% всех богатств мира принадлежит 1% населения всего земного шара./3/.

жества факторов, таких как экономика, география, институты, социальный капитал, исторические траектории страны, изменения в технологиях и инвестициях, иных экзогенных и эндогенных условий /5, 6/.

Ряд исследователей-экономистов ставят под сомнение эмпирическую устойчивость «кривой Кузнеца» и приходят к выводу, что валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения является недостаточным показателем с точки зрения объяснения различий в неравенстве доходов. Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон /7/ разработали институциональную теорию международных различий в доходах. По результатам исследований они пришли к выводу, что бедными оказываются те страны, где распространены экстрактивные институты, а страны с инклюзивными институтами процветают. Идея авторов основана на необходимости развития инклюзивных институтов, которые обеспечивают устойчивый экономический рост независимо от географического положения и особенностей страны, и направлены на создание благоприятной экономической среды, защиты прав собственности, развитие инноваций и человеческого капитала.

Группа исследователей /8/ выявила устойчивую и сильную корреляцию между уровнем экономической сложности страны (рассчитанной на основе Индекса экономической сложности) и уровнем неравенства доходов в период 1963–2008 гг. Корреляция представляется достаточно сильной и надежной для контроля таких факторов, как уровень образования, институты и концентрация экспорта. Исследование показало, что страны, усложняющие свою экспортную корзину, впоследствии приходят к снижению неравенства в доходах. По мнению авторов, страны, экспортирующие продукты высокой сложности, имеют низкий уровень неравенства и более инклюзивны, чем страны, экспортирующие простую продукцию. Нельзя отрицать, что некоторые страны могут достичь сравнительно высокого уровня среднего дохода, экспортируя природные ресурсы, но такой уровень доходов практически не будет сочетаться с инклюзивными институтами, если они не представлены усложненными производственными структурами.

Наиболее серьезным оппонентом работы С. Кузнеца является Т. Пикетти. Изучив эволюцию неравенства доходов и капитала в Европе и США с XVIII в. до начала второго десятилетия XXI в., он приходит к следующему выводу: на зрелой стадии экономического развития автоматический процесс снижения неравенства отсутствует /5/. В частности он утверждает, что в современном мире концентрация богатства будет возрастать, если уровень доходности капитала выше, чем уровень экономического роста. Основной составляющей исследования Т. Пикетти является капитал, который не был рассмотрен в исследовании С. Кузнеца. По мнению Т. Пикетти,

капитал занимает центральную роль в формировании неравенства доходов. Это обусловлено тем, что его распределение является более неравномерным в сравнении с трудовым доходом и оказывает заметное влияние на общий уровень доходов домохозяйств. При этом он определяет в качестве богатства самые разные активы, такие как земля, недвижимость, оборудование, финансовый капитал, интеллектуальная собственность и другие.

По утверждению Т. Пикетти, относительно более высокий доход капитала позволяет его собственникам накопить больше богатства, который в конечном итоге концентрируется в руках сравнительно небольшой группы. Он приходит к выводу, что большее состояние повышает уровень доходности от вложений в портфель активов, так как позволяет нанять профессионалов, разбирающихся в финансовых вопросах, чего нельзя сказать о домохозяйствах со средним уровнем дохода. Его фундаментальные исследования приводят к выводу о том, что значительное неравенство – это интегральное свойство капитализма, а его снижение в период с начала Первой мировой войны и до конца 70-х годов прошлого столетия является не эволюцией рыночной экономики, а результатом шоковых событий (войны), налоговой политики, социалистической идеологии и экономической конвергенции. Т. Пикетти предлагает создать глобальную систему прогрессивных налогов на капитал для обеспечения условий равенства и во избежание концентрации богатства у небольшой группы населения /5, с. 361/.

Учитывая, что мировая экономика становится все более интегрированной, актуальным является вопрос измерения глобального неравенства. В чем это проявляется? Во-первых, значительно возросла скорость перемещения факторов производства через границы. Во-вторых, все больше наблюдается влияние уровня и образа жизни людей из других стран на восприятие положения в отношении доходов и стремления к развитию. В данном контексте представляет интерес рассмотрение трех концепций неравенства, автором которого считают авторитетного исследователя в этой области Б. Милановича /9, 10/.

Первая концепция, именуемая автором межстрановым неравенством, предполагает неравенство между странами, без отношения доходов и капитала индивидов, домохозяйств или семей. В межстрановом неравенстве не учитывается численность населения, все страны имеют одинаковый вес – страна с наименьшим населением обладает таким же весом, что и наиболее населенная страна. Эта концепция предполагает возникновение процесса конвергенции (сближение стран мира по уровню экономического развития) или дивергенции (расхождение стран мира по уровню экономического развития) национального дохода богатых и бедных стран. Коэффициент межстранового неравенства Джини в данном случае рассчитывается на основе находке-

ния среднего дохода для каждой страны и в формализованном виде записывается следующим образом /10, с. 23/:

$$G_1 = \frac{1}{\mu} \frac{1}{n^2} \sum_{i=1}^n \sum_{j>i}^n (y_j - y_i), \quad (1)$$

где G_1 – коэффициент межстранового неравенства, y_j и y_i – валовой национальный доход (ВНД) стран j и i , n – число стран, μ – среднемировое значение ВНД.

Вторая концепция определения неравенства основана на том, что страны имеют различные группы населения, и национальный доход взвешивается по численности населения каждой страны. Б. Миланович использует ее при измерении международного неравенства. Это означает, например, что рост доходов на душу населения в Китае будет значительно больше, чем аналогичное увеличение в другой стране. Отметим, что обе концепции учитывают не фактические доходы индивидов, а их среднее значение по стране. Коэффициент Джини для определения международного неравенства рассчитан на основе следующей формулы /10, с. 24/:

$$G_2 = \frac{1}{\mu_1} \sum_{i=1}^n \sum_{j>i}^n (y_j - y_i) p_i p_j, \quad (2)$$

где G_2 – коэффициент международного неравенства, y_j и y_i – ВНД на душу населения в странах j и i , n – число стран, p_j и p_i – доля численности населения в странах j и i в мировом показателе, μ_1 – среднемировое значение ВНД на душу населения.

Третья концепция, по мнению Б. Милановича, является наиболее важной. Она направлена на измерение глобального неравенства. В отличие от первых двух в третьей концепции при расчете искомого индекса учитывается каждый индивид с его фактическим доходом, независимо от страны проживания. Доходы домохозяйств классифицируются на основе их обследований в наибольшем количестве стран, а затем разделяются на квинтили, децили или процентиля, что позволяет увидеть тенденции распределения. Согласно его выводам, неравенство в мире в целом больше, чем внутри любой страны. Коэффициент Джини для определения глобального неравенства рассчитывается на основе следующей формулы /10, с. 24/:

$$G_3 = \sum_{i=1}^n G_i p_i \pi_i + \frac{1}{\mu_1} \sum_{i=1}^n \sum_{j>i}^n (y_j - y_i) p_i p_j + L, \quad (3)$$

где G_3 – коэффициент глобального неравенства,

y_j и y_i – ВНД на душу населения в странах j и i , n – число стран, p_j и p_i – численность населения в странах j и i , μ_1 – среднемировое значение ВНД на душу населения, π_i – доля i -й страны в глобальном ВНД, L – так называемый компонент перекрытия³.

В работе /11/ авторы рассчитали относительный выигрыш в реальном доходе на душу населения согласно мировому распределению в период 1988–2008 гг. В результате наибольший прирост был достигнут группами вокруг глобальной медианы (50-го перцентилля) и среди богатейших (верхний 1%). Однако после уровня глобальной медианы прирост доходов резко снижается и становится практически нулевым в пределах 80-го перцентилля мирового распределения, постепенно повышаясь к верхнему 1%. Таким образом, в указанный период рост доходов самого богатого населения (топ 5%) составил 44% роста всего мирового дохода (рис. 1).

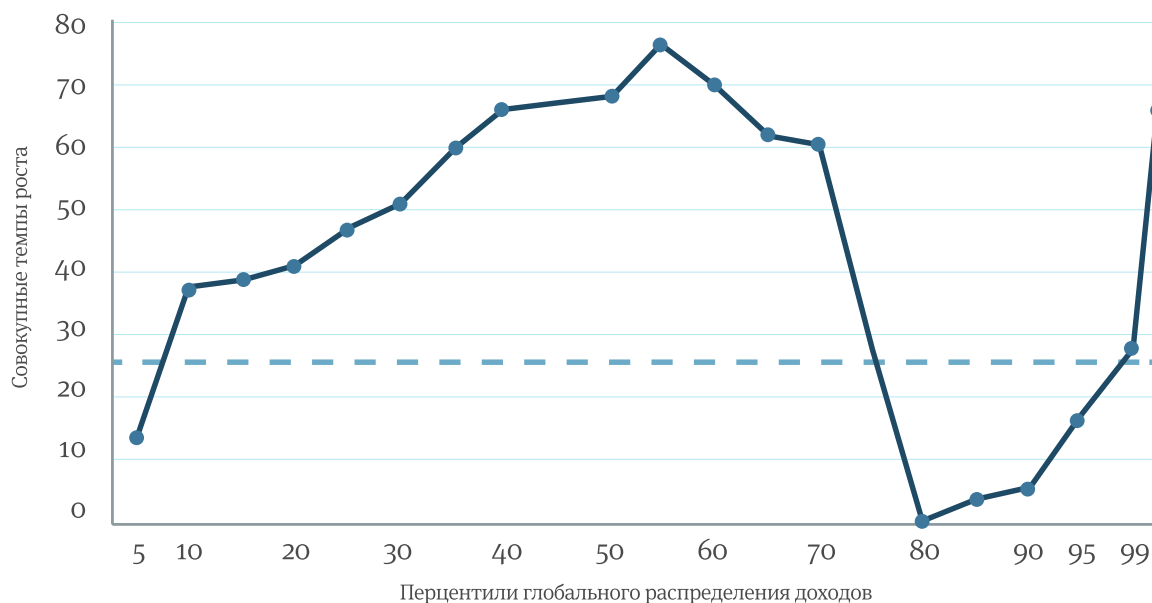
Глобальное неравенство выражается в совокупном эффекте неравенства внутри отдельных стран и неравенства, существующего между странами. Согласно исследованию А. Аткинсона /12/, если в начальный период неравенство в богатых странах сокращалось, а между странами увеличивалось, то теперь тенденция приобрела обратный характер. Соответственно, график неравенства внутри стран имеет U-образную форму, а неравенство между странами выглядит как обратная U-образная кривая. Согласно гипотезе С. Кузнеца /4/, обратная U-образная кривая распределения доходов между странами показывает, что со временем глобальное распределение доходов станет более равномерным. Однако в этом случае, если разрыв между странами в относительном выражении будет сокращаться, то абсолютная разница в их покупательной способности продолжит увеличиваться.

Казахстанские исследователи также уделяют внимание проблеме неравенства доходов /13, 14, 15/. В частности, несомненный интерес представляют работы отечественных ученых-экономистов /13, 14/, в которых получила развитие концепция межстранового и международного неравенства. Оригинальность (новизна) данных исследований заключается в том, что, во-первых, авторы рассматривают неравенство как глобальный вызов современности; во-вторых, впервые в экономических исследованиях⁴ проведена оценка влияния межстранового и международного неравенства на динамику роста регионов мира /14/ и экономики Казахстана /13/.

Не оставляют без внимания проблематику неравенства и российские исследователи. Так, в работе /16/ проведены расчеты по 150 странам мира. Они показали, что ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) в мире в период 1992–2010 гг. вырос на 45%. Одновременно суще-

³ Компонент перекрытия учитывает тот факт, что кто-то, живущий в богатой стране, может иметь доход ниже, чем кто-то из более бедной страны (и наоборот). Он рассчитывается как остаточная величина и именно поэтому индекс G^3 в отличие от других индексов точно не разложим.

⁴ Утверждение «впервые в экономических исследованиях» основано на том, что в зарубежных и отечественных литературных источниках таких разработок не обнаружено.

Рисунок 1. Динамика изменения глобального распределения доходов в различных перцентилях, 1988–2008 гг., %
Источник: /11, с. 31/.

ственно вырос и разрыв средних значений данного показателя между группами стран. В частности, Германия, Франция и ряд других стран Европейского союза не смогли поддержать темпы прироста ВВП на уровне мировой экономики и переместились из первого во второй кластер. Исследование показало, что успех в снижении неравенства между странами зависит от нескольких экономик мира. Если в 1992 г. в верхнем кластере находились 15 стран, то к 2010 г. осталось всего 9 исключительно богатых стран (Норвегия, США, Сингапур и др.). Таким образом, экономический рост в наиболее успешный период экономического развития не привел к преодолению проблемы межстранового неравенства. По мнению автора, не так критично делать упор на то, что 1% наиболее богатых людей владеют личными активами в половину мирового ВВП⁵, на чем акцентируют внимание исследования Т. Пикетти и Б. Милановича. Нам представляется, что существенно важно обратить внимание на следующее обстоятельство: идет ли речь о пассивном владении и пользовании ради сохранения и накопления капитала или же о распоряжении собственностью. Как правило, экономическая власть богатой части населения реализуется через управление активами, влияние на структуру контроля в компаниях, влияние на государственную политику и т.д. Высокая концентрация распорядительной власти финансовой элиты является критически важной стороной социального неравенства.

Сокращению экономического неравенства между странами мира может способствовать глобализация. Действительно, содержательный анализ теоретических работ (см., например, /17/) по экономическому росту показывает, что сближение стран по уровню экономического развития зависит от эффекта

масштаба в производстве, а также от постепенного выхода всех стран на устойчивую долгосрочную траекторию. При этом динамика роста ВВП на душу населения в определенной стране на такой траектории будет определяться темпами технологического развития. В частности, если какая-либо национальная экономика выходит на равновесную траекторию позже, чем другая, то разница по ВВП на душу населения между странами будет сохраняться за счет технологического превосходства первой страны. Добавим, что отстающие экономики получают возможность догнать страны-лидеры за счет трансфера технологий.

В случае возрастающего эффекта масштаба страна не будет иметь устойчивой траектории роста, поэтому возможность конвергенции не возникает. Более развитые страны будут обладать более высокой производительностью. Они смогут привлекать новые факторы производства из относительно бедных стран, что будет способствовать увеличению экономического неравенства между государствами.

Согласно исследованиям, рассматривающим воздействие неравенства на экономический рост, предполагается, что эффект может быть нелинейным (см., например /18/). Незначительный уровень неравенства не вызывает социальных волнений, создавая при этом позитивные стимулы для роста. Однако, когда неравенство достигает определенного критического уровня, оно способно подорвать существующие экономические отношения. Речь идет о том, что неравенство может усилить потенциал финансового кризиса, способствовать политической нестабильности, препятствующей инвестициям, сдерживать принятие необходимых решений для предотвращения долгового кризиса, таких как повышение нало-

Таблица 1. Распределение доходов в Казахстане по 20-процентным группам населения, 2018 г. (тенге, проценты)

Квинтили	Границы интервалов по доходу населения, тенге	Доля дохода в интервале в общем объеме доходов, в процентах	Среднемесячный доход на душу населения в интервале, тенге
1	0 – 31 559	9,32	24 529
2	31 560 – 40 992	13,02	34 276
3	40 993 – 52 659	16,53	43 520
4	52 660 – 74 971	21,98	57 876
5	74 972 – 820 027	39,15	103 146
Итого		100,00	

Источник: составлено авторами по данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики (КС МНЭ) Республики Казахстан.

гов или сокращение государственных расходов /19/. В случае если неравенство оказывает негативное воздействие на устойчивый экономический рост, то актуальным становится принятие мер, одновременно направленных как на снижение, так и на его стимулирование. Основными инструментами прямого влияния на снижение неравенства доходов являются налоги и пособия, которые одновременно могут вызывать снижение темпов роста. Это может произойти, к примеру, в условиях, когда высокий уровень налогов и трансфертов сопровождается нерациональным распределением ресурсов и генерирует неэффективность (по аналогии с «ведром» Оукена⁶) /20/.

Сотрудник Всемирного банка М. Лундберг на основе статистических наблюдений пришел к выводу, что «никаких однозначных и универсальных тенденций в динамике социального и экономического неравенства в мире не выявлено» /21, с. 18/. По его мнению, страны, которые проводят грамотную экономическую и социальную политику, способны противостоять негативным тенденциям чрезмерной либерализации и создавать благоприятные условия для вовлечения населения к активной экономической деятельности, стимулировать рост занятости и обеспечивать социальную защиту граждан /там же/.

Согласно последнему исследованию Международного валютного фонда (МВФ) /22/, сокращение глобального неравенства по доходам за последние два десятилетия обусловлено повышением темпов роста и сокращением нищеты в развивающихся экономиках. Политика и достижения в области финансовых технологий обеспечивают финансовую инклюзивность, в особенности в крупных странах, таких как Китай и Индия. Это позволило растущему числу домохозяйств с низким доходом и малым предприятиям продуктивно участвовать в экономической жизни этих стран. В то же время наблюдается рост неравенства доходов и благосостояния во многих странах между различными группами населения, что наряду с нестабильностью финансового сектора может по-

влечь риск возврата в эпоху Великой депрессии.

Неравенство в Казахстане

Во многих современных исследованиях доказано, что неравенство оказывает как позитивное, так и негативное воздействие на экономический рост. Большинство из этих исследований, включая работы С. Кузнеца и Т. Пикетти, в основном относятся к наиболее богатым странам. В Казахстане, как отмечалось, имеется незначительное число исследований по проблеме неравенства. К тому же Казахстан не относится к развитым странам, но входит в группу стран с уровнем дохода выше среднего.

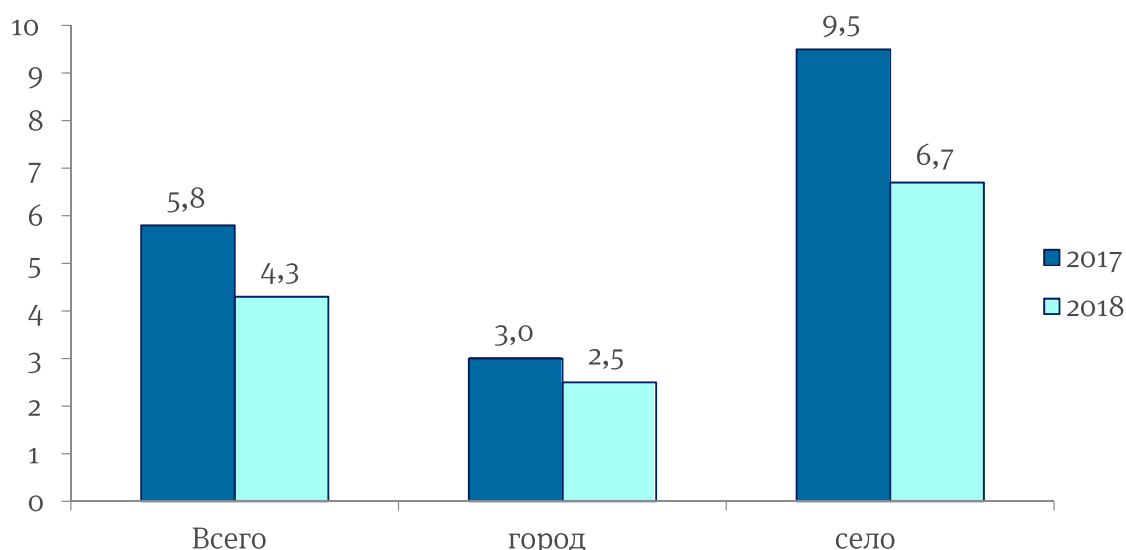
Наша страна в течение последних двух десятилетий заметно продвинулась в экономическом развитии, что способствовало росту доходов населения и сокращению неравенств.

Как известно, экономическое и социальное благополучие страны подвержено влиянию внешних шоков в силу установившейся системной зависимости экономики от богатых нефтяных ресурсов. Сложившаяся модель развития Казахстана, основанная на нефтяных доходах, отражает признаки «голландской болезни», к которым относятся усиление зависимости бюджета от волатильности нефтяного рынка, рост доли в ВВП и структуре занятости неторгуемых секторов, дисбалансы спроса и предложения на рынке труда. В нашей стране наблюдается значительная дифференциация уровней заработной платы по отраслям, формирование слоя «бедных работающих», высокий уровень самозанятого населения и неформальной занятости, несоответствие трудовых навыков требованиям работодателей.

В этом контексте для Казахстана одной из актуальных проблем остается дисбаланс в уровнях доходов населения и оплаты труда. Так, на 20% населения с наибольшим уровнем дохода приходится 39,15% общего объема доходов населения, тогда как на 20% населения с наименьшим уровнем дохода –

⁶ Эффект, сформулированный в 70-х годах XX в. американским экономистом А. Оукеном.

Рисунок 2. Динамика уровня бедности городского и сельского населения Казахстана, 2017–2018 гг. (в процентах)

Источник: составлено авторами по данным КС МНЭ РК.

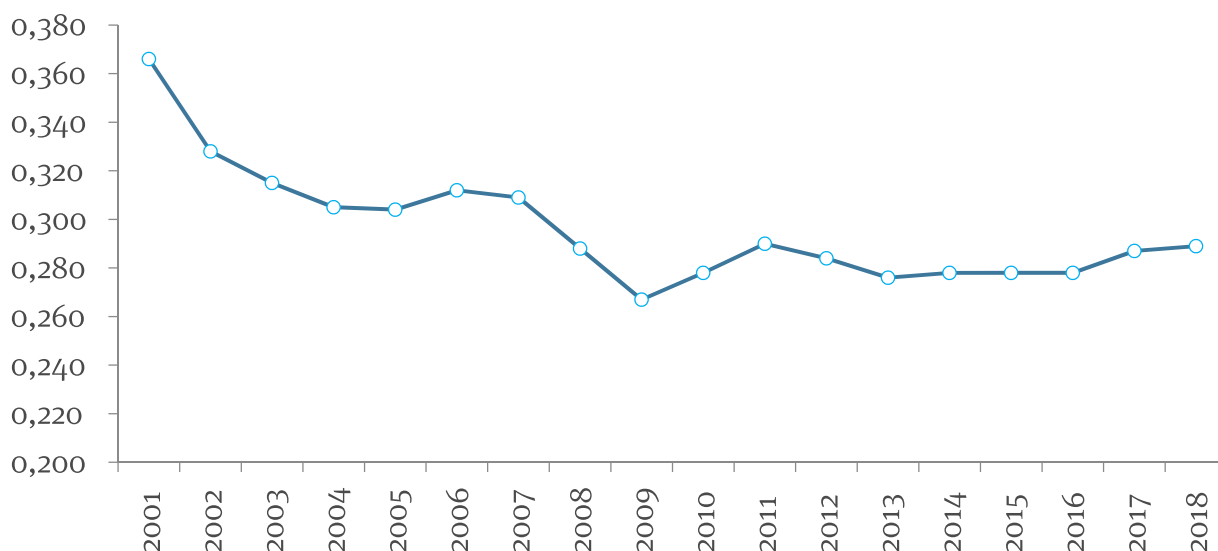
9,32% всех доходов населения (табл. 1). Несмотря на то, что отмечается ежегодное сокращение доли людей, живущих за чертой бедности, темпы прогресса в этой сфере в целом по стране замедляются. Если в предыдущие годы наблюдался более быстрый переход из категории бедных, то в настоящее время доходы населения растут медленнее.

Казахстан обладает огромной территорией, в нем проживает многонациональное население. В силу этих обстоятельств нашей стране присуще многообразие и значительная дифференциация регионов по уровню экономического и социального развития. В настоящее время демографическая ситуация в республике сложилась таким образом, что городское население составляет 58,2%, соответственно сельское – 41,8% /23/. Данная ситуация обусловлена безработицей, неразвитостью и износом сельской инфраструктуры, значительными расходами на пе-

реезд и другими факторами. В стране сохраняется дифференциация доходов в городской и сельской местности. Действительно, уровень бедности в селах в 2,7 раза выше, чем в городах (рис. 2). Многие существующие очаги бедности находятся в сельском регионе, так как отсутствует тесная интеграция с центрами урбанизации.

Экономическое развитие при нарастающем неравенстве неспособно привести к качественным изменениям. Отсюда очевидная необходимость решения проблемы бедности и повышения благосостояния всего общества. Большинство населения Казахстана имеет очень низкие доходы относительно величины прожиточного минимума, что приводит к неэффективности использования человеческого и трудового потенциала.

Одним из широко распространенных показателей, применяемых для оценки экономического не-

Рисунок 3. Динамика изменения коэффициента Джини по Казахстану, 2001–2018 гг.

Источник: составлено авторами по данным КС МНЭ РК.

равенства, выступает коэффициент Джини. Он характеризует дифференциацию денежных доходов населения в виде степени отклонения от абсолютно равномерного. Анализ статистических данных свидетельствует, что неравенство в нашей стране, измеряемое коэффициентом Джини, уменьшается на протяжении нового тысячелетия: в 2001 г. составляло 0,366, в 2018 г. – 0,289. Динамика анализируемого коэффициента в целом сохраняет стабильность. При этом в 2009 г. наблюдался самый низкий уровень неравенства. По нашему мнению, это свидетельствует о чувствительности уровня неравенства доходной части населения к экономической обстановке в стране (рис. 3).

Понятно, что 18-летний период является сравнительно коротким для выводов о неравенстве в Казахстане. И это не дает оснований о наличии убедительного тренда. Для характеристики дифференциации доходов в обществе наряду с коэффициентом Джини, децильными коэффициентами целесообразно также рассматривать неравенство по доступу к качественному образованию, медицинским услугам и другим компонентам качества экономического роста.

Выводы и заключение

Подведем некоторые итоги. Проведенный содержательный обзор актуальных теоретических и эмпи-

рических исследований показал, что не существует единой точки зрения о степени влияния неравенства доходов на рост национальных экономик. Ряд исследований свидетельствуют о том, что высокий уровень неравенства может привести к невозможности устойчивого роста и даже способствовать началу спада в экономике. В то же время широко распространено представление, что рост напрямую зависит от повышения уровня неравенства. Как показал анализ, проблема измерения доходов является общей для многих стран мира, не зависящей от их политического режима и социально-экономического развития.

Нам представляется, что в эпоху глобализации экономическая политика государства должна фокусироваться не только на характере влияния неравенства на динамику роста, но и на оценке результатов и моделей распределения доходов. Как правило, множество причин неравенства оказывают различное влияние на рост экономики. Поэтому в данном контексте представляется важным сосредоточиться на вопросе о степени влияния политики на средние доходы населения и иные индикаторы благосостояния. Таким образом, проведенный обзор имеет как теоретическую, так и практическую ценность при оценке взаимосвязи неравенства и экономического роста Казахстана, что является предметом дальнейших исследований. ■

Литература

1. Мэнкью Г., Тейлор М. Микроэкономика. 3-е изд. / СПб.: Питер, 2019. – С. 629.
2. World Social Report 2020 – Inequality In a Rapidly Changing World. UN Department of Economic and Social Affairs, December 2019. www.un.org
3. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М., 2015 г. – 508 с.
4. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // *American Economic Review* 45(1), March 1955. – p. 1-28.
5. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. (A. Goldhammer, Trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. www.dowbor.org
6. Gustafsson B., & Johansson M. In Search of Smoking Guns: What Makes Income Inequality Vary over Time in Different Countries? // *American Sociological Review* 64 (4), 1999, p. 585–605.
7. Acemoglu D., & Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty, New York: Crown, 2012.
8. Hartmann D., Guevara M., Jara-Figueroa C., Aristarán M., & Hidalgo C. The structural constraints of income inequality in Latin America // *Integration & Trade Journal* 40, June 2016 – p. 70-85
9. Milanovic B. Global Income Inequality in Numbers: In History and Now // *Global Policy*, 2, 2013. – p. 198-208.
10. Milanovic B. Worlds Apart: Measuring International and Global Inequality / Princeton University Press, 2005, p.227.
11. Lakner C., Milanovic B. Global Income Distribution: From the Fall of the Berlin Wall to the Great Recession // *World Bank Policy Research Working Paper* No. 6719, December 2013.
12. Atkinson A. Inequality: What can be Done? – Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2015.
13. Хусаинов Б.Д., Нусупов А.И., Жангалиева К.Н. Концепции неравенства и национальные экономики: оценка и анализ влияния // *Экономика и статистика* 2, 2017, С. 42-51.
14. Хусаинов Б.Д., Нусупов А.И., Жангалиева К.Н. Межстрановое и международное неравенство и экономический рост: оценка и анализ / *Уровень жизни населения регионов России*, Москва, №1, 2017. – С. 76-84.
15. Мухамедиев Б., Куница С, Кудашева Т. Прогнозирование неравенства в Казахстане по денежным доходам населения / *Казахский Экономический Вестник*, Алматы, №2-3, 2013. – С. 2-13.
16. Григорьев Л.М. Социальное неравенство в мире – интерпретация неочевидных тенденций // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2016, № 3. – С. 160-170.
17. Воробьев П.В. Влияние глобализации на экономическое неравенство стран мира // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук 08.00.14, Екатеринбург, 2009.
18. Benhabib J. The Trade-off Between Inequality and Growth // *Annals of Economics and Finance*. 2003, 4(2). – p. 491–507.
19. Берг Э., Остри Дж. Равенство и эффективность. Нужно ли выбирать между ними, или они способны идти рука об руку? // *Финансы и развитие*, Сентябрь 2011 – С. 12-15.
20. Cingano F. Trends in Income Inequality and Its Impact on Economic Growth // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers* No. 163, 2014.
21. Глобализация как фактор социальных перемен в современном мире: Сб. обзоров и реф. ИНИОН РАН. М., 2012. – 224 с.
22. Finance and Inequality – *International Monetary Fund*, January 2020. www.imf.org
23. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Демографический ежегодник Казахстана, Нур-Султан, 2019 – С. 8-9.

References

1. Mankyu G., Taylor M. Microeconomics. 3rd ed. St. Petersburg. 2019. p. 629
2. World Social Report 2020 . Inequality In a Rapidly Changing World. UN Department of Economic and Social Affairs, December 2019. www.un.org
3. Stiglitz J. Tsena neravenstva. Chem rassloeniye obshchestva grozit nashemu budushchemu. [Price inequality. What stratification of society threatens our future with]. Moscow. 2015. 508 p.
4. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review* 45(1), 1955. p. 1-28.
5. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. (A. Goldhammer, Trans.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. www.dowbor.org
6. Gustafsson B., & Johansson M. In Search of Smoking Guns: What Makes Income Inequality Vary over Time in Different Countries? *American Sociological Review* 64 (4), 1999, p. 585–605.
7. Acemoglu D., & Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty, New York: Crown, 2012.
8. Hartmann D., Guevara M., Jara-Figueroa C., Aristarán M., & Hidalgo C. The structural constraints of income inequality in Latin America. *Integration & Trade Journal* 40, June 2016. p. 70-85
9. Milanovic B. Global Income Inequality in Numbers:

In History and Now. Global Policy, 2, 2013. pp. 198-208.

10. Milanovic B. Worlds Apart: Measuring International and Global Inequality. Princeton University Press, 2005, p.227.

11. Lakner C., Milanovic B. Global Income Distribution: From the Fall of the Berlin Wall to the Great Recession. World Bank Policy Research Working Paper No. 6719, December 2013.

12. Atkinson A. Inequality: What can be Done? Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 2015.

13. Khusainov B.D., Nusupov A.I., Zhangalieva K.N. Concepts of inequality and national economies: assessment and analysis of influence. Ekonomika i statistika 2 [Economics and Statistics 2]. 2017, pp. 42-51.

14. Khusainov B.D., Nusupov A.I., Zhangalieva K.N. Cross-country and international inequality and economic growth: assessment and analysis. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living standards of the population of the regions of Russia]. Moscow, No. 1, 2017. pp. 76-84.

15. Mukhamediev B., Kunitsa S, Kudasheva T. Prediction of inequality in Kazakhstan by monetary incomes of the population. Kazakhskiy Ekonomicheskii Vestnik. [Kazakh Economic Bulletin]. Almaty, No. 2-3, 2013. pp. 2-13.

16. Grigoryev L.M. Social inequality in the world - an interpretation of non-obvious trends. Zhurnal

Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii. [Journal of the New Economic Association]. 2016. No. 3. pp. 160-170.

17. Vorobiev P.V. The impact of globalization on economic inequality of the countries of the world // Abstract of dissertation for the degree of candidate of economic sciences 08.00.14, Yekaterinburg, 2009.

18. Benhabib J. The Trade-off Between Inequality and Growth. Annals of Economics and Finance. 2003, 4(2). pp. 491-507.

19. Berg E., Ostri J. Equality and Efficiency. Do I need to choose between them, or are they able to go hand in hand? Finansy i razvitiye [Finance and development] September 2011 pp. 12-15.

20. Cingano F. Trends in Income Inequality and Its Impact on Economic Growth. OECD Social, Employment and Migration Working Papers. No. 163, 2014.

21. Globalizatsiya kak faktor sotsial'nykh peremen v sovremennom mire [Globalization as a factor of social change in the modern world] Sat. reviews and ref. INIONRAN. Moscow. 2012 . 224 p.

22. Finance and Inequality - International Monetary Fund, January 2020. www.imf.org

23. The Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. Demograficheskiy yezhegodnik Kazakhstana [Demographic Yearbook of Kazakhstan]. Nur-Sultan. 2019. pp. 8-9.

Аңдатпа

Мақалада соңғы жылдардағы кірістер мен экономикалық даму теңсіздігінің өзара байланысына қатысты теориялық және эмпирикалық әдебиетке шолу жасалған. Қазіргі заманғы зерттеушілердің экономикалық теңсіздік мәселелері бойынша пікірлері ұсынылған, олар теңсіздік экономиканың өсуіне оң ықпалын да, теріс ықпалын да анықтайды. Сондай-ақ жаһандандырылу дәуірінің жаңа тәсілі ретінде жаһандық теңсіздік мәселелері зерттелді. Соңғы жиырма жылғы статистикалық деректер негізінде Қазақстанда халық кірістерінің саралану деңгейіне бағалау жүргізілген.

УДК 338.26
JEL CODE: O21, H61

ГАРМОНИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО И БЮДЖЕТНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ¹

Баян АБДРАХМАНОВА*
Кымбат АХМЕТЖАНОВА**

Аннотация

Цель – исследование вопросов гармонизации стратегического и бюджетного планирования в Казахстане с выявлением имеющихся проблем и выработкой предложений. Методология – методы сравнительного анализа, экспертной оценки. Новизна – выявление проблем в обеспечении гармонизации стратегического и бюджетного планирования на основе анализа существующих законодательных актов страны. Результаты – изучен теоретический аспект стратегического планирования в целом и действующий механизм стратегического и бюджетного планирования в системе государственного управления в частности. Предложены рекомендации по гармонизации стратегического и бюджетного планирования в Казахстане.

Ключевые слова: планирование, бюджетный процесс, программные документы, государственный орган.

Abstract

The goal is to study the harmonization of strategic and budget planning in Kazakhstan with the identification of existing problems and the development of proposals. Methodology - the methods of comparative analysis, expert assessment. Novelty - the identification of problems in ensuring the harmonization of strategic and budget planning based on the analysis of existing legislative acts of the country. Results - the theoretical aspect of strategic planning as a whole and the current mechanism of strategic and budget planning in the public administration system in particular have been studied. Recommendations on the harmonization of strategic and budget planning in Kazakhstan are proposed.

Key words: planning, budget process, program documents, government.

¹ Инициативная статья.

* Кандидат экономических наук, заместитель директора Центра стратегических разработок и устойчивого развития АО «Институт экономических исследований».

** Магистр экономики, ведущий эксперт Центра стратегических разработок и устойчивого развития АО «Институт экономических исследований».

Введение

В современных условиях повышается роль стратегического и бюджетного планирования, которые обеспечивают основу управленческих решений. Каждая страна с учетом специфики национальной экономики определяет свои подходы к планированию социально-экономических процессов, совершенствуя их с учетом изменений во внешней и внутренней среде. Определяя стратегический курс, государство менее болезненно преодолевает кризисные явления, обеспечивая решение приоритетных задач. Успешность достижения поставленных стратегических целей зависит от механизма их реализации, который невозможен без сбалансированного бюджетного планирования. Казахстан, внедрив управление по результатам, в определенной степени создал основу для обеспечения баланса между стратегическим и бюджетным планированием через программные документы. Бюджет страны стал формироваться исходя из стратегических целей, задач и приоритетов. Однако обеспечить полную гармонизацию стратегического и бюджетного планирования сложно, так как требует систематического научного подхода, что предопределило актуальность настоящего исследования.

Обзор литературы

В научной литературе уделяется немало внимания проблематике планирования и прогнозирования в экономике. Однако исследований, посвященных вопросам гармонизации стратегического и бюджетного планирования, достаточно мало. При этом стратегическое и бюджетное планирование изучаются как отдельные категории.

Отметим, что в казахстанской нормативной практике регулирующими законодательными актами закреплена концепция «государственное планирование». Оно охватывает деятельность органов государственной власти и иных участников процесса развития страны, направленную на повышение уровня социально-экономического развития Казахстана, рост благосостояния граждан и укрепление безопасности страны /1/.

Однако понятие «стратегическое» планирование не закреплено в действующих нормативно-правовых актах страны. Необходимость этого заключается в точности трактовки термина для исключения его противоречивого использования.

К примеру, в России действует федеральный Закон «О стратегическом планировании», где определены его основные положения. В соответствии с этим законом под «стратегическим планированием» понимается деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития, субъектов и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управ-

ления, обеспечения национальной безопасности, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития, субъектов и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности» /2, с. 3/.

Термин «стратегия» берет начало с древних времен и исторически происходит от греческого «strategia», что означает искусство или наука быть полководцем, имеющим навыки ведения военных действий, дипломатии, достигая тем самым поставленных целей.

В период трансформации, когда стала формироваться и развиваться экономика спроса и предложения, планирование в компаниях заключалось в формировании финансовых планов. Все возрастающая конкуренция привела к необходимости разработки стратегий компаний, которые заключались в изучении внутренней и внешней сферы, возможности дальнейшего развития.

Неоспоримый вклад в развитие стратегического планирования внесли А. Чандлер, К. Эндрюс, И. Ансофф /3– 5/. А. Чандлер в своем исследовании «Стратегии и структуры» под «стратегией» понимал определение основных долгосрочных целей и задач в бизнесе, а также принятие ряда действий и распределение ресурсов для их достижения и решения. Он убедительно продемонстрировал, что для крупных корпораций многодивизиональная структура стала результатом реализации новых стратегий, вызванных изменениями в целом: рост населения, доходов, новых технологий /3/.

К. Эндрюс определил стратегию как модель решений в компании, где определены и раскрыты цели, задачи, политики и планы, а также круг вопросов, которыми должна заниматься компания /4/. И. Ансофф понимает стратегию как набор следующих правил для принятия решений: оценка результатов деятельности фирмы, отношение фирмы с внешней средой, отношения и процедуры внутри организации, оперативная деятельность компании /5/.

По определению российских ученых-экономистов, стратегическое планирование «есть процесс определения целей и приоритетов, а также значений экономических показателей по основным, наиболее важным направлениям социально-экономического развития страны (региона) на длительную перспективу или на средний срок с одновременным формированием основ механизма их реализации» /6, с. 20/.

По нашему мнению, под стратегическим планированием следует понимать особый вид планирования, ориентированного, как правило, на долгосрочную перспективу и определяющего цели и императивы развития страны с учетом внутренних и внешних факторов.

Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в своем обзоре «Бюджетное управление в Казахстане» отметили следующее. В Казахстане существует взаимосвязь между стратегическими планами правительства и программами бюджетных расходов. Тем не менее, необходимо дальнейшее укрепление связей между системами

составления бюджета и планирования, повышение качества подготовки бюджета с учетом показателей эффективности. Важно усилить роль анализа на основе фактических данных и оценке эффективности в бюджетном процессе, повысить прозрачность и другие компоненты. Существуют возможности для усиления согласованности между приоритетными планами и бюджетными программами. Имеется потенциал для лучшего согласования ежегодного календаря с тем, чтобы управление бюджетом проводилось в соответствии с определенной информацией, основанной на результатах. По их мнению, хорошая практика ограничения существенных корректировок годового бюджета до одного раза в год также должна применяться в целом к корректировке стратегических планов /7/.

Казахстанские эксперты связывают проблему системы стратегического и бюджетного планирования в стране со слабой ориентацией модели управления бюджетными средствами на конечный результат. В частности они утверждают, что в бюджетной системе существуют проблемы с:

- обоснованием и выделением бюджетных средств на основе утвержденных лимитов;
- определением объема бюджетных ресурсов на базе объема расходов прошлого периода, увеличенного на уровень инфляции;
- оценкой эффективности использования бюджетных средств организациями путем сопоставления в абсолютных и относительных показателях фактических расходов и сумм, предусмотренных планами финансирования /8/.

Отечественная консалтинговая компания определила пять фундаментальных проблем стратегического и бюджетного планирования в Казахстане /9/. По их мнению, существует каскад проблем в стратегическом и бюджетном процессе республики:

- асимметрия информации в государственных органах;
- отсутствие либо несовершенство методологических и регламентирующих документов;

- конфликт интересов между государственными структурами;
- чрезмерная централизация системы принятия решений;
- отсутствие индивидуальной ответственности.

Методология исследования и информационная база

В ходе аналитического исследования авторы использовали методы сравнительного анализа и экспертной оценки. В качестве информационной базы была использована информационно-правовая система нормативных правовых актов Казахстана для изучения законодательных актов, методологические инструкции и документы системы государственного планирования.

Результаты исследований

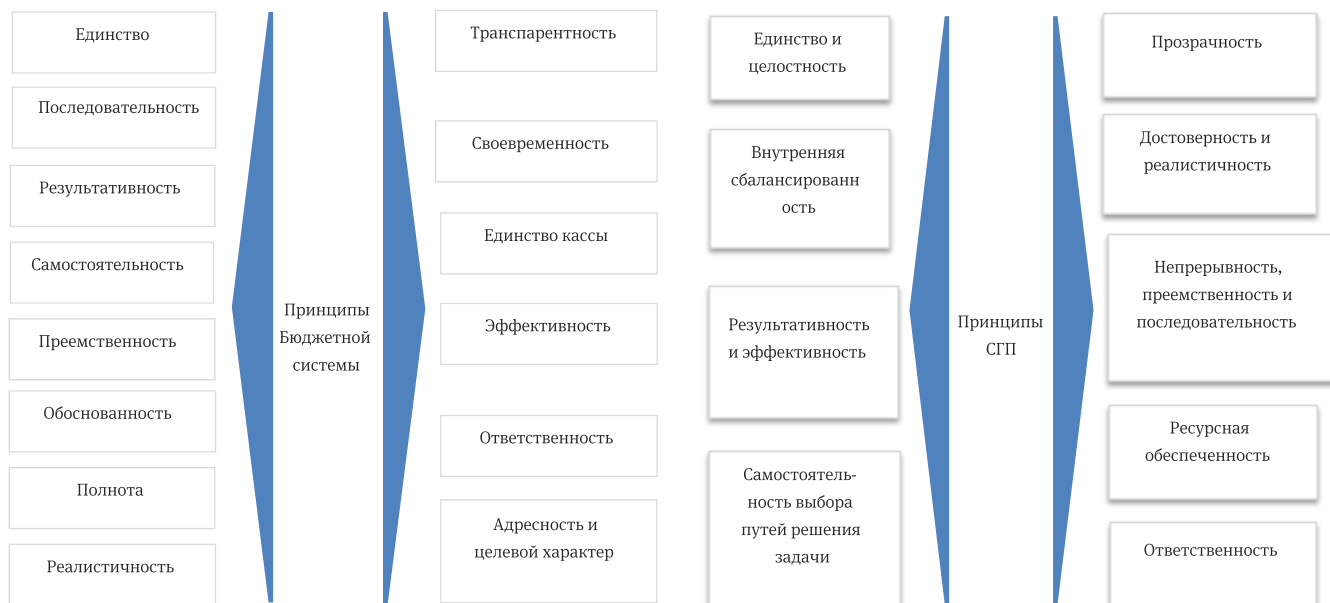
Система государственного планирования (СПП) в Казахстане формировалась с момента обретения страной независимости. Она постоянно совершенствуется в ответ на непрерывно меняющиеся внешние вызовы. В процессе трансформации административно-командной системы до формирования и развития экономики спроса и предложения, обусловившей разработку суверенных стратегических инициатив и формирование национальной системы управления Казахстан достиг определенных успехов. Цели нашей страны становятся все более амбициозными: достаточно сказать, что на данный момент стратегической целью является вхождение в число 30 развитых государств мира /10/.

В 2008 г. в Казахстане начата работа по внедрению системы государственного планирования, ориентированного на результат. В рамках данной административной реформы определены виды стратегических и программных документов, их иерархия и место в СПП (рис. 1). Кроме того, был разработан ряд

Рисунок 1. Иерархия процессов и программных документов системы государственного планирования в Казахстане.

Источник: составлено авторами на основе /1, 11/.

Рисунок 2. Принципы бюджетной системы и СП
Источник: составлено авторами на основе /1, 12/.

методических документов и руководств, призванных обеспечить единство подходов к разработке, реализации, мониторингу и оценке документов СП.

Можно с уверенностью говорить, что в Казахстане на законодательной основе сформулированы единые требования и институциональные основы СП как на центральном, так и местном уровнях (рис. 1).

Бюджетное планирование в Казахстане, как один из неотъемлемых элементов бюджетного процесса, регулируется Бюджетным кодексом, впервые вступившим в силу в 2004 г. /12/. В 2008 г. в него внесли изменения из-за реформирования бюджетного процесса страны. Понятно, что в ходе развития бюджетный процесс, как и система государственного планирования, претерпел значительные изменения, совершенствовались его отдельные элементы. Одним из инструментов повышения эффективности расходов был переход на бюджет, ориентированный на результат. Его целью является увязка параметров бюджета с приоритетами государственной политики с одновременной увязкой с конечными, количественно измеряемыми результатами.

Попытка гармонизации стратегического и бюджетного планирования началась с внедрением бюджета, ориентированного на результат. Так, был осуществлен переход от бюджетного планирования на один год на трехлетний период, ставший основой новой модели государственного планирования /13/.

При совершенствовании стратегического и бюджетного планирования, в частности при переходе на управление по результатам, законодательно были закреплены вопросы обеспечения его взаимоувязки с приоритетами развития страны. Безусловно, любые изменения корреспондируют с законодательно закрепленными принципами стратегического планирования и бюджетного процесса (рис. 2).

В целом система стратегического планирования, как и бюджетная, основываются на принципах, за-

крепленных в регламентирующих нормативно-правовых актах. Принципы претерпевали изменения по мере совершенствования процессов стратегического и бюджетного планирования.

В настоящее время бюджетная система страны основывается на 14 принципах, которые в целом представляют собой особые условия или требования (рис. 2). Система государственного планирования базируется на 9 принципах. Сравнительный анализ принципов показал, что они схожи между собой.

Анализ вышеуказанных принципов бюджетной системы свидетельствует, что 2 из 14 принципов предполагают взаимосвязь бюджетного планирования со стратегическим планированием. Это принципы реалистичности и результативности. Первый из них предусматривает соответствие показателей бюджета параметрам, направлениям прогноза социально-экономического развития, стратегических планов государственных органов, программ развития территорий /12/. Второй принцип – это разработка и исполнение бюджета, ориентированного на достижение результатов, предусмотренных стратегическими планами, программами развития территорий, бюджетными программами государственных органов. Из девяти принципов системы государственного планирования один из них предполагает увязку стратегического и бюджетного планирования. Это принцип ресурсной обеспеченности, который подразумевает определение источников и объемов финансирования, трудовых, материальных и нематериальных ресурсов по основным направлениям стратегических планов государственных органов для достижения поставленных целей и задач /1/. Соответственно, можно констатировать, что нормативные требования гармонизации бюджетного планирования в соответствии со стратегическими целями утверждены законодательно. Правомерно задаться вопросом: насколько данные принципы применя-

ются при реализации стратегического и бюджетного процесса?

Обеспечение гармонизации стратегического и бюджетного планирования формируется через документы СГП. В частности через прогноз социально-экономического развития и стратегические планы государственных органов, где отражена архитектура увязки целей с бюджетными программами (рис. 3).

Несмотря на попытку увязать стратегическое и бюджетное планирование, бюджетный календарь начинается с определения лимитов. Далее формируются стратегические планы государственных органов. Отметим, что лимиты в течение года корректируются и теряют свою первоначальную миссию по сдерживанию роста расходов. Следовательно, можно предположить, что цели, определенные в стратегических планах, искусственно подгоняются под лимиты. Это, в свою очередь, подводит к констатации того факта, что стратегический план государственного органа стал оперативным документом с актуальностью в один год. В этой связи полагаем целесообразным разрабатывать стратегические планы государственных органов до формирования лимитов. Иными словами, стратегия должна определять бюджет.

На стадии реализации стратегического плана также вносятся коррективы и изменения вследствие неоднократных корректировок бюджета в течение года. Это, естественно, приводит к тому, что показатели бюджета, скорректированные в результате изменений, теряют логическую взаимосвязь с целями стратегических планов.

Таким образом, можно утверждать, что стратегические планы государственных органов, как отдельный документ и как совокупность направлений, целей, целевых индикаторов, подвержены

непосредственному влиянию вследствие изменений республиканского бюджета. В случае внесения в него поправок, это автоматически отражается на стратегических планах государственных органов. Как следствие, это приводит к искажению первоначальной цели, архитектуры взаимосвязи стратегических целей с бюджетными программами.

Несомненно, ресурсы имеют характер «ограниченности», и необходимо учитывать реальные возможности. Но при постановке «целей» нужно отталкиваться не от возможностей ресурсов, а от того, какой результат надо достичь. Ресурсы в данном случае являются второстепенным инструментом для их достижения. Важно помнить, что ресурсы в силу своей ограниченности, не должны привязываться только к «бюджетным средствам». Для достижения конечного результата – «цели» – источником финансирования могут быть не только бюджетные средства, но и частные инвестиции. Они на сегодняшний день являются весьма актуальным вопросом при реализации политики. Эффективным инструментом рационального использования финансовых средств является приоритизация целей по актуальным направлениям развития экономики страны, что позволит сконцентрироваться на реализации первоочередных задач.

Другой вопрос, который выливается в проблематику, это несоответствие временных рамок в планировании. Бюджетный процесс в стране ограничивается пределами трех лет. А стратегические и программные документы разрабатываются на 5-10 лет. Это, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии единого периода бюджетного и стратегического планирования. Применение скользящего периода планирования, то есть постоянного ежегодного пересмотра на следующий трехлетний период, также приводит к искажению первоначально запланиро-

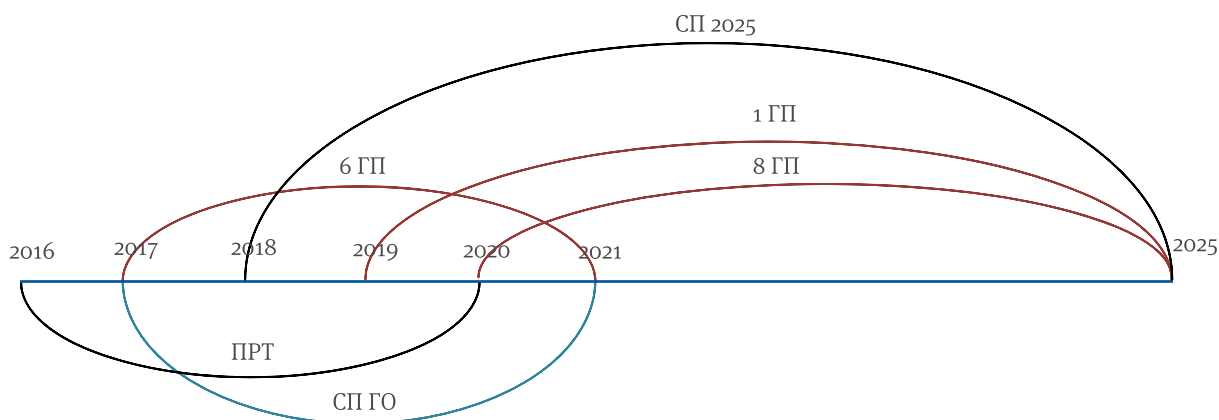
Документы бюджетного процесса

Бюджетный календарь

Рисунок 3. Архитектура бюджетного планирования в Казахстане

Источник: составлено авторами на основе /12/.

Рисунок 4. Горизонты планирования документов системы государственного планирования

Источник: составлено авторами на основе /15/.

ванных целевых ориентиров. Несомненно, скользящий период необходим в том случае, если происходят ежегодные изменения ключевых экономических параметров, от которых зависит, насколько будет достаточно финансовых ресурсов страны для ее развития. Поэтому необходимо синхронизировать сроки планирования стратегических, программных документов и бюджета. Думается, что имеет смысл планировать бюджет на пятилетний срок по аналогии с государственными программами и стратегическими планами государственных органов.

Как известно, документы СГП между собой также имеют разные горизонты планирования. Это приводит к несогласованности циклов планирования и затрудняет в последующем оценку эффективности реализации документов системы государственного планирования и конечный результат, дающий синергетический эффект. К примеру, Стратегический план развития Казахстана до 2025 г. реализуется с 2018 г., а базовый период ключевых национальных индикаторов определен в 2016 г. /14/. Из пятнадцати действующих государственных программ восемь имеют период реализации 2020–2025 гг., шесть – 2017–2021 гг., одна – 2019–2025 гг. Период реализации Стратегических планов государственных органов составляет 2017–2021 гг.

Учитывая изложенное, полагаем целесообразным применение единого горизонта планирования в документах СГП для эффективного отслеживания изменений. Для этого предлагаем при разработке следующей пятилетки долгосрочного стратегического документа страны адаптировать под него нижестоящие стратегические и программные документы системы государственного планирования, начиная отсчет с того же базового периода.

Существенной проблемой является слабое межведомственное взаимодействие стратегического и бюджетного планирования. Функционирование двух разных уполномоченных органов (Министерство финансов, Министерство национальной экономики), а также департаментов во всех государственных органах - стратегического планирования отдельно от бюджетного - усугубляет проблему, так как затрачивается затрачивается больше времени на согласо-

вание документов. Решением проблемы может стать автоматизация процессов стратегического и бюджетного планирования.

Выводы и заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в Казахстане законодательно закреплена гармонизация стратегического и бюджетного планирования, которая обеспечивается через программные и стратегические документы СГП. Идеология государственного планирования заключается в ориентировании не на процессы, а на конечный результат. Несмотря на это, практика показывает слабую взаимосвязь в стратегическом и бюджетном планировании, что обусловлено наличием проблем в части отсутствия синхронизации сроков реализации документов, зависимости целеполагания от бюджетной обеспеченности и частого внесения изменений. Для решения выявленных проблем важным и актуальным становится обеспечение увязки стратегического и бюджетного планирования с соблюдением правила «стратегия определяет бюджет». В контексте изложенного полагаем целесообразным:

- в действующем законодательстве закрепить понятийный аппарат «стратегическое планирование»;
- разрабатывать стратегические планы государственных органов до формирования лимитов расходов администраторов бюджетных программ;
- синхронизировать сроки планирования бюджета со стратегическими, программными документами, формирование его на пятилетний срок.
- синхронизировать горизонты планирования стратегических и программных документов СГП второго и третьего уровней с долгосрочным стратегическим документом страны первого уровня, адаптируя их под его базовый период;
- автоматизировать процессы стратегического и бюджетного планирования.

Литература

1. «Об утверждении Системы государственного планирования в Республике Казахстан», Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 ноября 2017 года № 790.
2. «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ.
3. www.ecsocman.hse.ru
4. Andrews, K, R. The Concept of Corporate Strategy (Homewood, IL: Irwin, editions 1971, 1980, 1987).
5. Ансофф И. «Новая корпоративная стратегия», СПб.: Питер Ком, 1999. – 416 с./ www.studmed.ru
6. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование: Учебник / Б.Н. Кузък, В.И. Кушлин, Ю.В. Яковец. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 2011. – 604 с.
7. Бюджетное управление в Казахстане. – ОЭСР, 2018.
8. Кадырова М.Б., Джунусбекова Г.А., Есенгельдина А.С. Современные подходы к управлению бюджетными процессами в РК. rep.ksu.kz
9. Проблемы стратегического планирования и этапов бюджетного процесса. Center for Strategic Initiatives / [\[Электронный ресурс\]](#).
10. Послание Президента Республики Казахстан - Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 года «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» / [\[Электронный ресурс\]](#)
11. О некоторых вопросах Системы государственного планирования в Республике Казахстан. Приказ Министра национальной экономики Республики Казахстан от 19 февраля 2018 г. № 64.
12. Бюджетный Кодекс Республики Казахстан от 4 декабря 2008 г. № 95-IV.
13. Концепция новой бюджетной политики Республики Казахстан, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 26 июня 2013 г. № 590.
14. Стратегический план развития Республики Казахстан до 2025 г. Указ Президента Республики Казахстан от 15 февраля 2018 г. № 636.
15. Стратегические и программные документы Системы государственного планирования / [\[Электронный ресурс\]](#).

References

1. On approval of the State Planning System in the Republic of Kazakhstan. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated November 29, 2017. No.790.
2. On strategic planning in the Russian Federation. Federal Law of June 28, 2014. N172.
3. www.ecsocman.hse.ru
4. Andrews K. R. The Concept of Corporate Strategy. Homewood, IL: Irwin, editions 1971, 1980, 1987.
5. Ansoff I. New corporate strategy. St. Petersburg. 1999. 416 p. www.studmed.ru
6. B.N. Kuzk, V.I. Kushlin, Yu.V. Yakovets. Forecasting, strategic planning and national programming, 4th ed. Moscow. Economics Publ., 2011. 604 p.
7. Budget management in Kazakhstan. OECD, 2018.
8. Kadyrova M.B., Dzhunusbekova G.A., Esengeldina A.S. Modern approaches to managing budget processes in the Republic of Kazakhstan. rep.ksu.kz
9. Problems of strategic planning and stages of the budget process. Center for Strategic Initiatives[Electronic resource].
10. Message from the President Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan. Astana. December 14, 2012. Strategy» Kazakhstan-2050: a new political course of a successful state [Electronic resource].
11. On some issues of the State Planning System in the Republic of Kazakhstan. Order of the Minister of National Economy of the Republic of Kazakhstan dated February 19, 2018 No. 64.
12. The Budget Code of the Republic of Kazakhstan dated December 4, 2008. No. 95-IV.
13. The concept of the new budget policy of the Republic of Kazakhstan, approved by Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated June 26, 2013. No. 590.
14. Strategic development plan of the Republic of Kazakhstan until 2025. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 15, 2018. No. 636.
15. Strategic and program documents of the State Planning System [Electronic resource].

Аңдатпа

Мақсаты – мәселелерді анықтау арқылы және ұсынымдарды әзірлей отырып, Қазақстандағы стратегиялық және бюджеттік жоспарлауды үйлестіру сұрақтарын зерттеу. Әдістеме – салыстырмалы талдау, сарапшылық бағалау әдістері. Жаңалығы – елдегі қолданыстағы заңнамалық актілерді талдау негізінде стратегиялық және бюджеттік жоспарлауды үйлестіруді қамтамасыз етудегі мәселелерді анықтау. Нәтижелері – стратегиялық жоспарлаудың жалпы теориялық аспектілері және жекелеп алғанда мемлекеттік басқару жүйесіндегі стратегиялық және бюджеттік жоспарлаудың қолданыстағы механизмі зерттелді. Қазақстандағы стратегиялық және бюджеттік жоспарлауды үйлестіру бойынша ұсынымдар берілді.

Негізгі сөздер: жоспарлау, бюджеттік процесс, бағдарламалық құжаттар, мемлекеттік орган.

СРЕДНИЙ КЛАСС В КАЗАХСТАНЕ: ФУНКЦИИ, ИДЕНТИФИКАЦИЯ, МАСШТАБЫ¹

Дина БЕКТЛЕЕВА*

Дулат ӨТЕГАЛИ**

Аннотация

Цель – исследование феномена среднего класса и актуализация проблемы его идентификации в Казахстане. Новизна – применение релятивистского метода к идентификации среднего класса казахстанского общества. Методология – для оценки уровня среднего класса используется метод, опирающийся на такие критерии, как собственность и жизненные шансы, которые обеспечивают жизненную стратегию, направленную на развитие. Информационная база – официальные данные национальной статистики и результаты исследования по проекту «Этнические процессы в Казахстане: социально-демографическое и экономическое измерение», выполненного в АО «Институт экономических исследований». Результаты – обоснование применения релятивистского метода к идентификации среднего класса через детерминацию недостатков субъективного и нормативного подходов. Основной вывод – научно обоснована необходимость проведения углубленных исследований по идентификации среднего класса в Казахстане на регулярной основе.

Ключевые слова: средний класс, критерии идентификации, жизненная стратегия, развитие.

Abstract

The aim is to study the phenomenon of the middle class and actualize the problem of its identification in Kazakhstan. Novelty is the application of the relativistic method to the identification of the middle class of Kazakhstani society. The methodology is to assess the level of the middle class, a method is based on criteria such as property and life chances, which provide a life strategy aimed at development. Information base - official data of national statistics and the results of a study on the project "Ethnic processes in Kazakhstan: the socio-demographic and economic dimension", carried out by JSC "Institute of Economic Research". The Result is rationale for applying the relativistic method to the identification of the middle class through the determination of the shortcomings of subjective and normative approaches. The main conclusion is that the need for in-depth studies to identify the middle class in Kazakhstan on a regular basis is scientifically substantiated.

Key words: middle class, identification criteria, life strategy, development.

¹ Инициативная статья.

* Ведущий эксперт Центра исследований социально-демографического развития АО «Институт экономических исследований», кандидат экономических наук.

** Старший эксперт Центра исследований социально-демографического развития АО «Институт экономических исследований», магистр права.

Введение

Расширение масштабов среднего класса в любом обществе рассматривается как установление равенства возможностей, которые можно реализовать через наличие ресурсов. Они в виде материальных и духовных благ обеспечивают индивида определенным уровнем свободы и при наличии желания и трудолюбия увеличивают шансы повысить свой социальный статус.

Современные тенденции в развитии национальной экономики не снимают существующие проблемы высокой стратифицированности казахстанского общества и дифференциации уровня жизни населения. Это приводит к разбалансированности системы экономических интересов. Фактором их оптимизации и гармонизации может быть многочисленный средний класс. В этом контексте возникает необходимость детального анализа деятельности среднего класса, выступавшего, по мнению ученых, в качестве фактора устойчивого развития социально-экономической системы, его структуры, экономических интересов и функций в обществе. Представляется, что прежде чем разработать комплекс государственных мер формирования массового среднего класса в Казахстане, необходимо определиться с методикой его идентификации. Это обуславливает актуальность и своевременность настоящего исследования.

Обзор литературы

Вопросы социального неравенства уходят своими корнями в самые ранние этапы становления экономической мысли: во времена античности их затрагивал Аристотель, в эпоху Возрождения – Н. Макиавелли. Наиболее существенный вклад в анализ структуры общества и среднего класса был внесен классиками экономической науки. Среди них следует выделить М. Вебера, Т. Веблена, Э. Дюркгейма, О. Конта, К. Маркса, Г. Спенсера, П. Сорокина, М. Хальбвакса. Их работы были посвящены вопросам взаимосвязи индивида и общества, социальной структуры общества, выявления причин классового неравенства.

Так, идеи французского социолога Э. Дюркгейма позволяют применить в исследовании феномена среднего класса методологию функционализма на основе рассмотрения места индивида в обществе согласно выполняемым им функциям. Взгляды М. Вебера важны для выявления факторов, лежащих в основе разделения общества на классы, роли индивидуальных экономических интересов индивида как источника классовой борьбы. Концепция многомерного социального неравенства П. Сорокина, теория конфликта Р. Дарендорфа, а также взгляды К. Маркса позволяют установить генезис и природу классового неравенства.

Необходимость переосмысления классических взглядов с учетом возникновения новых социальных различий, повлиявших на изменение природы социального неравенства, была предметом детального ана-

лиза Э. Гидденса, Ф. Паркина. Углубленное изучение классовой структуры общества, его разделения на конкретные группы содержится в работах Дж. Голдторпа, Э. Райта.

Исследованию особенностей эволюции западного среднего класса посвящены труды М. Арчера, Д. Блау, Г. Коула и М. Севеджа. Стабилизирующая функция среднего класса рассмотрена в работах К. Дэвиса, Р. Мертона, П. Сорокина.

Российский средний класс был предметом исследований в работах Е.М. Авраамовой, Т.И. Заславской, Т.М. Малевой, Н.Е. Тихоновой, О.И. Шкаратана. Экономические особенности поведения представителей среднего класса рассматривались М.К. Горшковым, С.В. Мареевой. В работах указанных авторов делается акцент на необходимость использования многокритериального подхода при выявлении границ среднего класса.

Среди казахстанских ученых проблемой формирования среднего класса занимались такие ученые, как М.С. Аженов, С.Н. Гайсина, Т.П. Притворова, С.М. Куница, К.Г. Габдуллина, С.А. Дьяченко, Б. Есекеев, Г.М. Матаев, А.Н. Нысанбаев, Б.И. Ракишева. Отметим, что в казахстанском научном и экспертном сообществах большинство дискуссий идут о содержании концепта среднего класса и критериях его идентификации.

Методология исследования и информационная база

Исследование феномена среднего класса базируется на методологии М. Вебера, согласно которой собственность и жизненные шансы позволяют индивиду, в случае их реализации, занять соответствующее положение в обществе. По М. Веберу, жизненные (рыночные) шансы связаны либо с наличием у индивида собственности, либо с его возможностями реализовать в воспроизводственной системе, основанной на механизме спроса и предложения, свои профессиональные способности.

На основе анализа обширной научной литературы в настоящей статье показано, что в современном обществе средний класс является носителем критической массы профессиональных достоинств нации, ее квалификационного уровня. Это, в конечном счете, определяет конкурентоспособность страны в настоящее время и в обозримой перспективе. Кроме того, автором предпринята попытка идентифицировать представителей данной социальной группы с точки зрения реализации ее экономических и некоторых социальных функций.

Вполне логичным представляется решение идентифицировать средний класс по его потребительской функции, поскольку она реанимируется первой при преодолении экономических и трансформационных кризисов и служит первым сигналом о восстановлении нормального характера воспроизводственного процесса. Исследование благосостояния населения базируется на теориях Э. Энгеля, П. Самуэльсона. Их оригинальные идеи получили развитие в предложен-

ной методике жизненных стратегий, позволяющих идентифицировать представителей разных классов по совокупности их потребительских решений. Думается, что целесообразно учитывать не только утилитарные интересы домохозяйства, но и их интересы в сферах образования, здоровья, предпочтений свободного времяпрепровождения, сбережения.

Информационной базой исследования являются официальные данные национальной статистики и результаты исследования «Этнические процессы в Казахстане: социально-демографическое и экономическое измерение», выполненного при участии автора в АО «Институт экономических исследований».

Результаты исследования

Вопросы расширения масштабов среднего класса остаются одними из актуальных для Казахстана. Это связано с функциями, которые выполняет средний класс в обществе (рис. 1).

Как видно из рисунка 1, одной из функций среднего класса является потребительская. Размер доходов современного среднего класса и особенность потребительских стратегий определяет его как платежеспособного потребителя высококачественной и высокотехнологичной продукции. Поскольку представители среднего класса составляют более 60% западного общества /2/, то потребительский рынок ориентирован именно на удовлетворение потребностей домохозяйств среднего класса. Иными словами, почти весь объем денежных средств, которые тратятся в розничной торговле на товары и услуги, приходится на домохозяйства среднего класса. Это способствует развитию в развитых странах (США, Германии Великобритании, Франции, Японии и других) секторов рынка, отвечающих за удовлетворение вторичных потребностей: отдых, развлечения, культуру, искусство, стратегически

важных для устойчивого развития экономики в целом и подтверждение высокого уровня жизни населения в частности.

Следующую функцию среднего класса можно определить как производительную, так как большую его часть составляют представители малого и среднего бизнеса. К примеру, малый и средний бизнес развитых стран производит более 50% ВВП страны, обеспечивает работой более 50% трудоспособного населения /3/. Следовательно, средний класс в лице представителей малого и среднего бизнеса является производителем товаров и услуг, удовлетворяющих возрастающие потребности общества, то есть выполняет производительную функцию.

Размер доходов среднего класса позволяет не только удовлетворять возрастающие потребности в товарах и услугах. В целях сохранения и улучшения достигнутого материально-имущественного положения домохозяйства среднего класса либо накапливают деньги, храня их в банках, либо вкладывают в ценные бумаги, выполняя сберегательную и инвестиционную функции. В данном контексте представители среднего класса, выступая инвесторами, оказывают влияние на развитие институтов общества: социальных, экономических, политических. Сберегательная функция домохозяйств среднего класса прослеживается при анализе распределения бессрочных, срочных и сберегательных депозитов по пользователям. В то же самое время представители среднего класса являются хозяйствующими субъектами, которые принимают на себя долговые обязательства, то есть выступают заемщиками с целью обеспечения своего функционирования или для осуществления инвестиций.

Достаточно высокие доходы среднего класса позволяют выполнять функцию основного налогоплательщика и определяют средний класс как экономический донор государственного бюджета.

Среди социальных функций нами были выделены

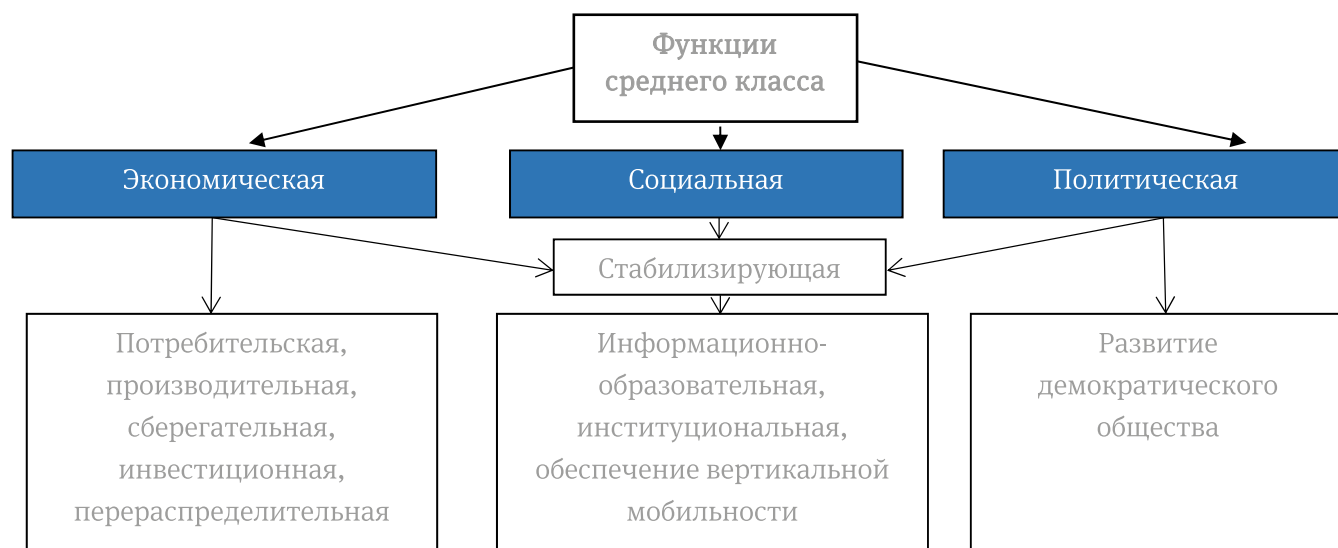
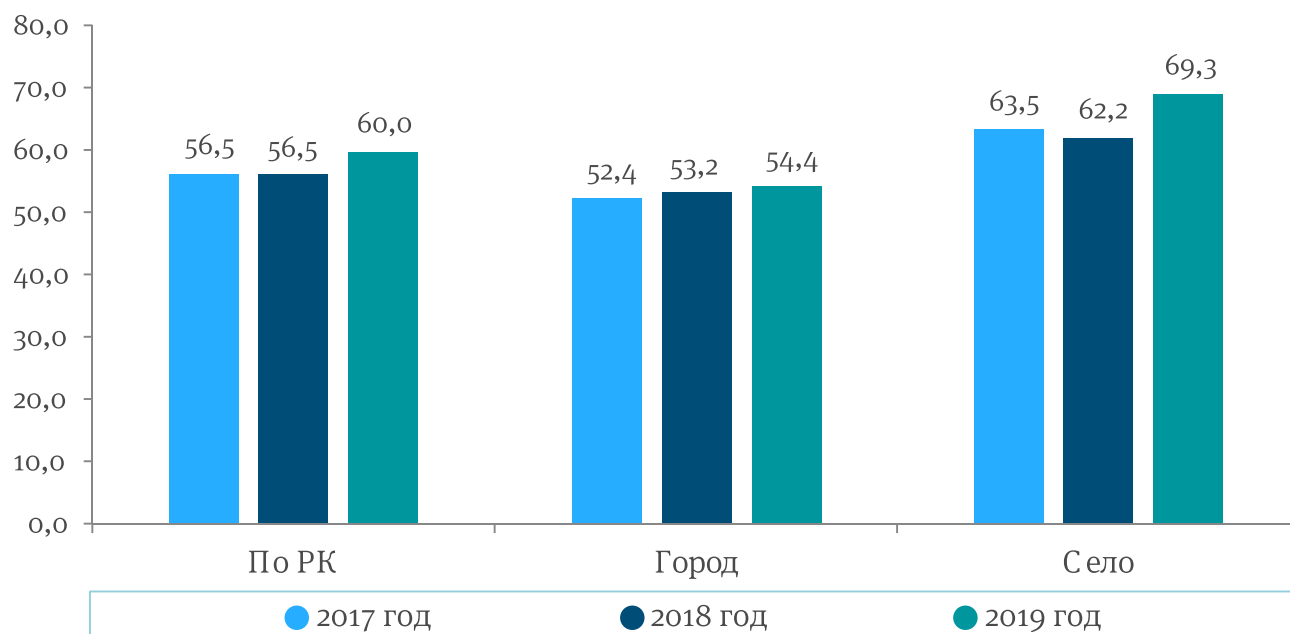

Рисунок 1. Функции среднего класса в социально-экономической системе

Источник: составлено авторами по данным /1/.

Рисунок 2. Динамика численности среднего класса (респонденты, удовлетворенные жизнью), 2017-2019 гг. (в рамках субъективной оценки, в %)

Источник: составлено авторами по данным /12, 13/.

информационно-образовательная функция и обеспечение средним классом вертикальной мобильности. Речь идет о возможностях социального роста, базой которого у домашних хозяйств среднего класса выступают образование и уровень профессиональной квалификации. Благодаря своей критической массе в обществе средний класс оказывает решающее воздействие на моральные стандарты общества, его систему ценностей.

Рассмотрение политической функции определяет средний класс как гарант политической свободы, как проводник демократических преобразований или как основу развития демократического общества.

Содержательный анализ теоретических и эмпирических исследований свидетельствует, что остается дискуссионным вопрос о том, кто же является действительным представителем среднего класса /1/. Понятие «средний класс» включает в себя широкий диапазон критериев, охватывающих не только материальную, но и политическую, культурную, социальную стороны жизни общества. При этом отсутствуют строго определенные критерии данного понятия /4/.

Современные взгляды на социальную структуру общества идентифицируют представителей среднего класса по следующим критериям:

1) По критерию профессиональной принадлежности индивидов и характеру выполняемых ими функций /5/.

Социолог К. Реннер в 50-е годы прошлого столетия на основе эмпирических исследований зафиксировал становление «класса услуг», включающего в себя наемных работников, выполняющих функции управленческого характера /4/. Эта концепция получила свое развитие в работах многих западных ученых. Так, Р. Дарендорф определяет класс услуг (средний класс) как

совокупность лиц, осуществляющих управленческие функции в обществе /5/. Э. Гидденс оценивает средний класс с позиций его рыночных возможностей, определяемых образовательной и технической квалификацией и соответственно, характера трудовой деятельности /6/. Дж. Голдроп включает в состав класса услуг группы менеджеров, администраторов и профессионалов, обладающих специализированными знаниями /7/.

Данным критерием также пользуются ученые, определяющие средний класс как отдельную страту технологически ориентированных рабочих, занятых преимущественно нефизическими видами труда. Они в силу высокой квалификации и уровня образования занимают принципиально новое положение на производстве и имеют высокие стандарты потребления (С. Малле, П. Бельвиль, А. Горц др.) /8/. Профессиональный подход к идентификации среднего класса подразумевает выделение социальной группы работников умственного труда в качестве отдельного классового образования.

2) По критерию собственности на средства производства. Закладывая в качестве первичного критерия отношения собственности на средства производства, современные неомарксистские концепции рассматривают средний класс как общность, характеризующуюся смешанными признаками основных классов: рабочего и буржуазии. Американский ученый Э. Райт вводит понятие «противоречивых образований», которые одновременно имеют признаки нескольких классов и занимают промежуточное классовое положение: менеджеры и контролирующие лица, полусамостоятельные работники и мелкие предприниматели, составляющие 25-30% американской рабочей силы /9/. Дж. Каркредди выделял средний класс, двойственное положение которого определяется следующим: его представители

не имеют ни юридической, ни реальной собственности на средства производства, но осуществляют функции контроля /8/.

3) По критерию дохода, в том числе структуры потребления. Достаточно широко утвердилось на уровне теоретических исследований и в обыденном сознании понимание среднего класса в качестве общности, дифференцируемой в соответствии с уровнем доходов. Основоположником этого направления, по нашему мнению, является Аристотель. Именно в работах древнегреческого мыслителя встречаются первые рассуждения о положительной роли и значении средних классов /10/. По Аристотелю, граждане каждого государства делятся на три группы: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посередине между теми и другими. Государство, по словам Аристотеля, стремится к тому, чтобы все были равны и одинаковы, а это свойственно людям средним, находящимся между богатыми и бедными. Наилучшее государственное управление то, которое достигается посредством средних, где средние представлены в большем количестве, где они сильнее обеих крайностей богатых и бедных. Среди современных исследователей этот подход реализуют М. Хорриген и С. Хоген, которые отмечают, что средний класс должен идентифицироваться на основании размеров семейного бюджета. Средний класс определяется ими как совокупность индивидов, характеризующихся стандартным уровнем доходов и потребления. Конкретные количественные показатели размера доходов, позволяющих отнести их владельцев к среднему классу, у каждого из авторов различны /8/.

4) По критерию самоидентификации. В этом случае определяющими признаками среднего класса является самооценка положения индивида в обществе в качестве представителя того или иного класса. Представителями этого направления могут считаться Р. Сентерс и М.Хальбвакс /11/.

Таким образом, существует целый диапазон направлений в трактовке проявлений среднего класса как особой группы общества /1/. Отсутствие единых показателей дифференциации среднего класса приводит к различиям в оценках его структуры и численности. Этот вопрос вызывает множество споров среди ученых, занимающихся социально-экономическими проблемами. Тем не менее можно выделить три основных подхода к идентификации среднего класса.

Субъективный подход основывается на самоидентификации и как отмечалось выше, отражает, прежде всего, психологическое самоопределение, самооценку. Учитывая, что средний класс – это совокупность людей, удовлетворенных жизнью, в качестве критерия оценки при субъективном подходе можно использовать уровень удовлетворенности населения. В нашей стране уровень удовлетворенности населения ежегодно определяется КС МНЭ при оценке уровня жизни населения методом анкетирования. Оно проводится по всем регионам Казахстана и охватывает респондентов в возрасте от 15 лет и выше. КС МНЭ использует методики таких организаций, как Евростат, Организация

экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Методика содержит шкалы удовлетворенности: шкалы 1-3 – «не удовлетворен», шкалы 4-7 – «частично удовлетворен» и шкалы 8-10 – «удовлетворен», а также вариант ответа «затрудняюсь ответить» / 12, 13/.

Итак, к среднему классу будем относить респондентов, выбравших вариант ответа «удовлетворен своей жизнью». Анализ динамики изменения численности среднего класса в нашей стране в период 2017-2019 гг. в разрезе город-село свидетельствует, что к данной категории относится 60% населения Казахстана (рис. 2).

Это та доля населения, которая удовлетворена своей жизнью. В соответствии с субъективным подходом именно эта часть населения страны относится к среднему классу. Добавим, что в анализируемый период численность среднего класса имеет положительную динамику: 56,5% в 2017 г. против 60,0% в 2019 г. Примечательно, что в сельской местности число удовлетворенных своей жизнью, то есть представителей среднего класса, выше, чем в городской: 69,3% в сельской местности против 54,4% городской.

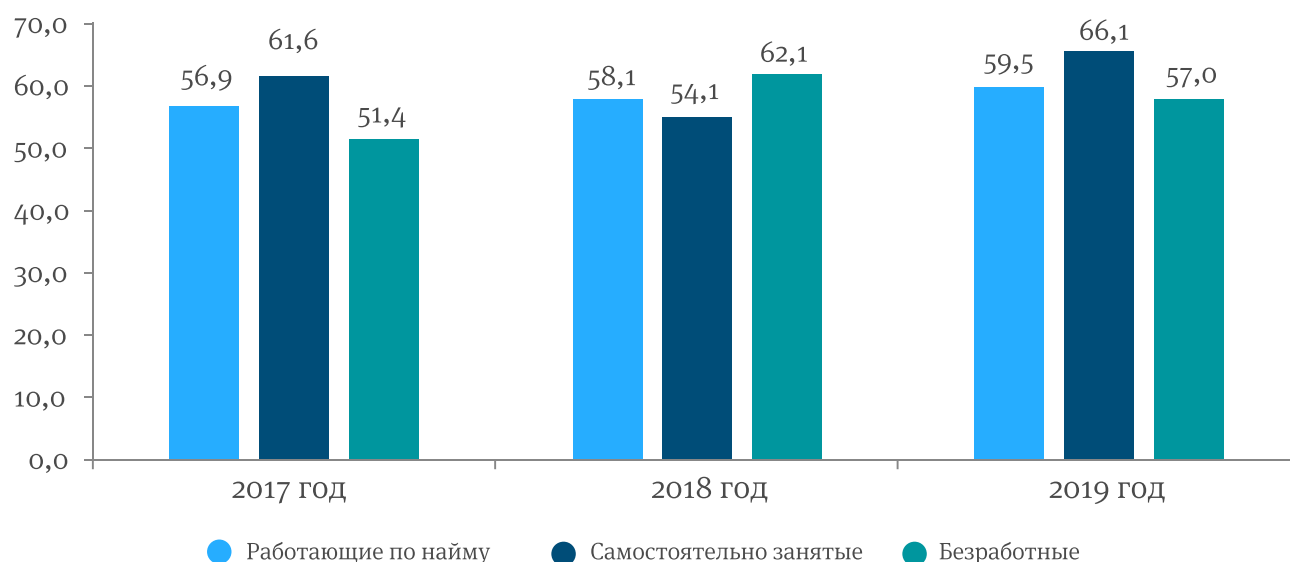
Проанализируем состав представителей среднего класса по типу занятости (рис. 3). В течение последних трех лет наибольшее число представителей среднего класса наблюдается среди самостоятельно занятых – 66,1% и 61,6% соответственно. В 2018 г. наибольшая концентрация представителей среднего класса наблюдалась среди безработных – 62,1%.

Полученные результаты говорят о том, что критерий самоидентификации не является достаточно корректным для детерминации среднего класса. Действительно, при определении их представителей важно, чтобы человек был удовлетворен своей жизнью. Однако с точки зрения выполнения социально-экономических функций в обществе на первый план выходят такие характеристики, как уровень доходов, расходов, образование, профессия. Человек, имеющий статус безработного, несмотря на то, что удовлетворен своей жизнью, не может выполнять функции, характерные для среднего класса, не может быть стабилизатором общества, так как чаще всего должен стремиться изменить свой статус.

Рассмотрим другой пример субъективного подхода, где в качестве критерия среднего класса выступает самооценка собственной покупательной способности населения. В рамках социологического исследования «Этнические процессы в Казахстане: социально-демографическое и экономическое измерение» /14/ респондентам было предложено 6 суждений, каждое из которых отражало определенный уровень потребительского потенциала – от самого низкого до самого высокого. К среднему классу были отнесены респонденты, выбравшие следующие 3 суждения: «Средств вполне хватает на самое необходимое, иногда покупаем и более дорогие вещи», «Мы хорошо обеспечены, периодически можем делать дорогие приобретения», «Мы ни в чем себе не отказываем, ездим отдыхать/откладываем сбережения» (рис. 4).

Как видно из рисунка 4, чуть больше трети населе-

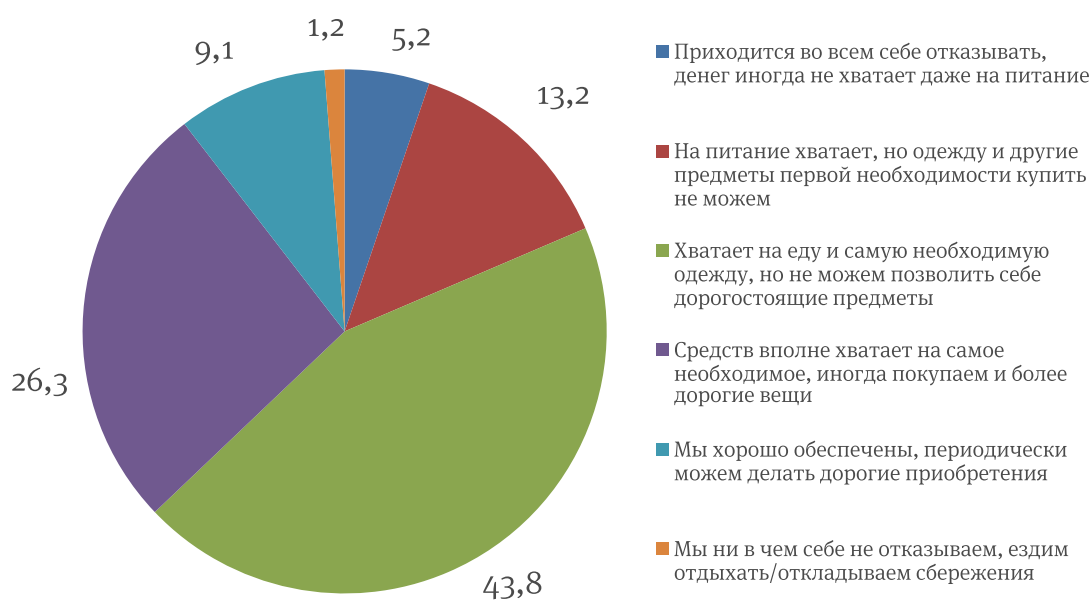
Рисунок 3. Динамика концентрации среднего класса (удовлетворенные жизнью) в группах по типам занятости, 2017-2019 гг. (в %) **Источник:** составлено авторами по данным /12,13/.

ния (36,6%) по уровню потребительского потенциала относятся к представителям среднего класса: «Средств вполне хватает на самое необходимое, иногда покупаем и более дорогие вещи» – 26,3%, «Мы хорошо обеспечены, периодически можем делать дорогие приобретения» – 9,1%, «Мы ни в чем себе не отказываем, ездим отдыхать/откладываем сбережения» – 1,2%.

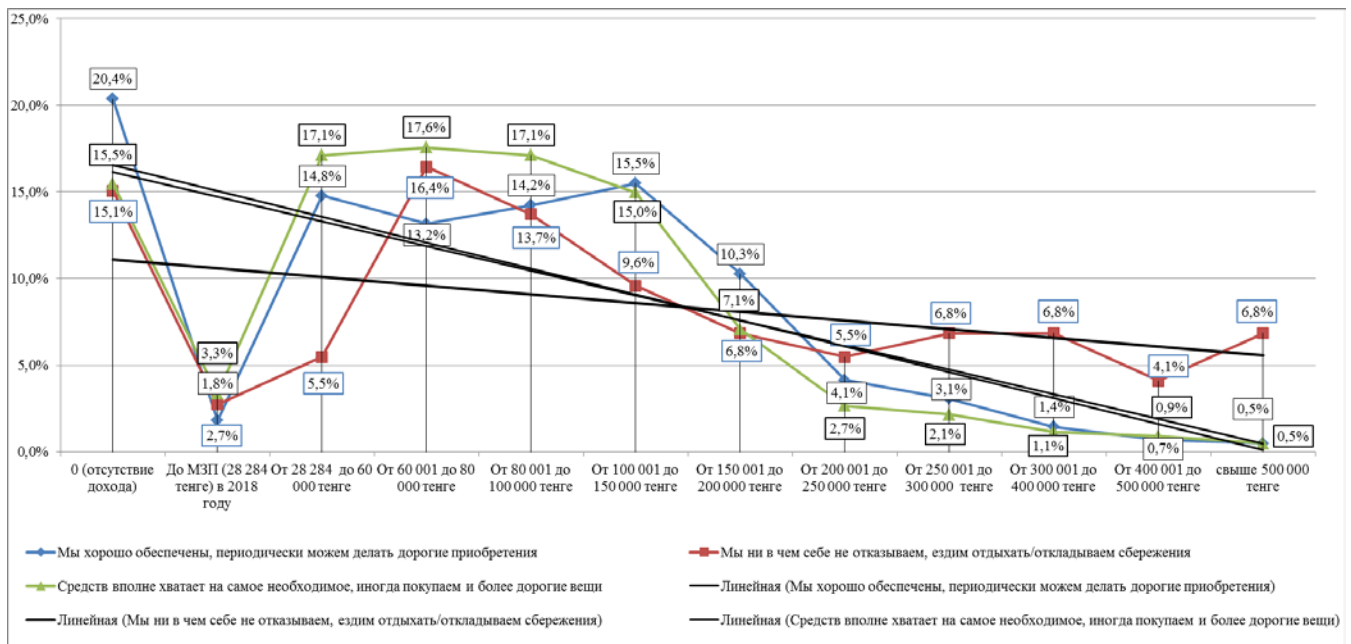
Анализ результатов исследования показал, что представителями среднего класса являются респонденты разных доходных групп (рис. 5). В частности респонденты группы с нулевыми доходами высоко оценивают свои покупательские способности. Вероятно, это связано с тем, что либо респондент не указал свой реальный доход и находится в секторе неформальной занятости, либо респондент – иждивенец (не является экономически активным).

Больше всего респонденты, которые были отнесены к среднему классу, сконцентрированы в группах со среднедушевыми доходами от 28,3 до 150,0 тыс. тенге. Численность респондентов в каждой доходной группе более одной трети населения. В целом линии тренда показывают обратную зависимость между величиной дохода и оценкой респондентами своей покупательской способности. Например, среди тех, кто отметил, что их среднедушевые доходы свыше 500,0 тенге, доля представителей среднего класса минимальна и составляет 7,8%.

Результаты проведенного исследования подтверждают, что критерий самоидентификации, то есть субъективный подход, не является убедительным для выявления среднего класса. Такой подход может давать достаточно корректные результаты, если индивид бу-

Рисунок 4. Субъективная оценка респондентами своих покупательских способностей, (в %) **Источник:** составлено авторами по данным /14/.

Рисунок 5. Субъективная оценка респондентов покупательских способностей по доходным группам

Источник: составлено авторами по данным /14/.

дет четко представлять критерии оценки своего социального статуса /15, 16/. Другим ограничением применения данного подхода является то, что в Казахстане социальная структура общества достаточно аморфна. Поэтому использовать такой подход правомерно только в совокупности с другими.

Нормативный подход исходит из идеальной типической модели среднего класса, сформированной по образцу развитого западного общества /1/. Материальное благосостояние и профессионально-должностной статус являются наиболее распространенными критериями идентификации среднего класса в традиции западной социологии. Поэтому выделенные на основе статусного критерия слои считаются социальной базой среднего класса, а соответствующие социальные характеристики определяют попадание индивида в данную социальную общность. Такая модель, как трафарет, накладывается на отечественный социум и определяет выявленные группы составляющими элементами среднего класса. К подобным слоям обычно относят традиционный малый бизнес, высококвалифицированных наемных работников, занятых в относительно высокооплачиваемых (в конкретный исторический период) и престижных сферах экономической деятельности. В то же время, средние слои различных обществ не всегда идентичны. Уровень развития и структура экономики, а также образ жизни населения в разных странах могут существенно отличаться друг от друга.

Итак, к нормативным методам можно отнести подходы к идентификации среднего класса, связанные с тем, что критерий среднего класса одной страны как трафарет применяется к другой. Для определения масштабов среднего класса в Казахстане нормативным методом по критерию доходов обратимся к параметрам доходных границ этого слоя населения, применяемых в некоторых странах мира (табл. 1).

Используя значения доходных границ среднего класса стран, представленных в таблице 1, к реалиям нашей страны, определим масштабы отечественного среднего класса. Например, если доход среднего класса в США составляет 3183–4158 долларов в месяц (1 206 037–1 575 426 тенге), то в Казахстане необходимо детерминировать группу людей, имеющую идентичные доходы. К сожалению, по официальным данным национальной статистики, максимальные доходные группы населения Казахстана ограничиваются группой от 200,0 тыс. тенге и выше. Поэтому применение доходных границ среднего класса США для определения масштабов данной группы населения в Казахстане по данным КС МНЭ республики не представляется возможным. Но это не означает, что в Казахстане нет граждан с доходами среднего класса США.

Применение нижней доходной границы Китая показывает, что численность среднего класса составляет 7,44% от всего населения Казахстана. Вероятно, что в эту группу входит и высокодоходное население нашей страны, но их выявить невозможно в силу причин, указанных выше.

При использовании нижней доходной границы среднего класса Польши искомый показатель составляет 0,47% населения Казахстана. Применение российского стандарта показывает, что доля среднего класса в Казахстане составляет 7,44%, что совпадает со значением, полученным при использовании параметра Китая. Это связано с тем, что в этих странах совпадают нижние доходные границы среднего класса. Ориентир на рассчитанную нижнюю границу в 125% от медианного дохода показывает наибольший масштаб среднего класса – 30,22%. В средний класс нашей страны были включены группы населения, имеющие ежемесячный доход от 60,0 тыс. тенге и выше.

Применение нормативного метода по критерию до-

ходов показывают результаты, имеющие большой разброс в масштабе среднего класса: от 0,47% (доходные нормы Польши) до 30,22% (доходные нормы, рассчитанные для Казахстана). Безусловно, этот подход имеет недостатки, связанные с тем, что применение норм других стран не учитывает социально-экономические реалии Казахстана: например, доходы среднего класса США являются сверхдоходами для среднестатистического населения Казахстана.

Релятивистский подход утверждает, что независимо от того, какие слои входят в средний класс, им должны быть присущи необходимые (но не всегда достаточные) признаки: материальное благосостояние, профессионально-должностной статус (управленческий статус, характер и содержание труда, уровень сложности профессиональной деятельности), политический статус, потенциал социальной мобильности, статусность образа (стиля) жизни, социальный престиж /23, 24/.

Такой подход актуален для общества с достаточно пестрым составом каждого социального слоя. Поэтому нельзя не согласиться с мнением российских исследователей, утверждающих, что «средний класс нельзя выделить на основании какого-либо одного социального критерия, он может быть описан некоторой системой показателей, включающей как ресурсные и статусные признаки, так и функции данного социального образования» /25/.

Добавим, что релятивистский подход не опирается на какие-либо конкретные социальные слои, эталонный размер дохода, а предполагает отнесение индивида к среднему классу на основе обобщенного критерия, отражающего социально-экономические реалии конкретного государства. Такой критерий позволяет с достаточной степенью адекватности и надежности относить того или иного индивида к среднему классу общества.

Теоретической основой предлагаемого критерия можно считать концепцию «развития человека», трактуемого Программой развития ООН (ПРООН) как рас-

ширение возможностей индивидуального выбора /26/. Целью «развития человека» является увеличение степени свободы индивида, наличие у него принципиальных возможностей реализации желаемого варианта жизненного сценария. При этом составные элементы жизни видятся как разнообразие видов деятельности. Эти виды деятельности могут быть элементарными (физиологические потребности), а могут быть социальными. Расширение возможностей отражает свободу личности делать выбор из разных образов жизни, т. е. комбинировать различные действия или виды функционирования, а следовательно, и варианты бытия. Взгляд на человеческую жизнь как на сочетание различных видов деятельности и потенциала для них, а также анализа человеческой свободы (по сути возможностей) как центральной характеристики жизни представляет собой базовое положение для нашей процедуры идентификации.

Можно утверждать, что стратегия «развития человека» – это нормальный уровень воспроизводства биологических и социальных характеристик индивида для конкретно-исторического состояния общества, который дает ему возможность полноценно в него интегрироваться.

Стратегию «развития человека» отличает наличие у представителей домашнего хозяйства некоего уровня экономической свободы. Это обстоятельство предполагает удовлетворение не только первичных потребностей (питание, коммунальные расходы и т.п.), но и вторичных социальных потребностей. Оно позволяет реализовать индивидуальную жизненную стратегию. Представители описываемой стратегии расходов позволяют себе обновлять предметы личного гардероба, интерьера, предметы длительного пользования на более современные товары. Представители этих домохозяйств имеют товары научно-технического прогресса, посещают платные клиники, регулярно питаются вне дома, имеют возможность обучать детей в платных школах и иных учебных заведениях, осуществляют страхование жизни и имущества.

Таблица 1.

Доходные границы среднего класса некоторых стран мира и Казахстана, 2018 г.

Страна	Нижние границы дохода среднего класса, в месяц		Масштабы среднего класса* в Казахстане, %
	в национальной валюте соответствующей страны	в тенге	
США	3183,3 – 4158,3 долл.	1206036,7-1575426,2	–
Китай	2083,3 – 20833,3 юаней	113791,5-1137916,5	7,44
Польша	от 2546 злотых	от 248158,6	0,47
Россия	от 18800 руб.	от 113928	7,44
Казахстан**		от 54255,1	30,22

Источник: подсчитано и составлено авторами по данным /17..22/.

Примечание: * – включена группа с доходами свыше 200,0 тыс. тенге;

** – доход среднего класса Казахстана рассчитан по примеру России: 125% от медианы денежных доходов.

Стратегия «выживания» трактуется как удовлетворение только первичных потребностей (в продуктах питания и одежде) и невозможность удовлетворения вторичных социальных потребностей. Это касается обновления товаров длительного пользования, а главное – отсутствие доступа к товарам научно-технического прогресса. Если дохода индивида хватает только на продукты питания, покупку износившихся вещей, бесплатную муниципальную поликлинику, а отпуск он проводит дома, то правомерно диагностировать такую ситуацию как стратегия «выживания».

В реальном обществе всегда имеются представители промежуточного слоя, которые могут реализовать отдельные направления стратегии «развития», но поддерживать ее полный вариант не в состоянии по причине отсутствия достаточных для этого доходов. Если в своих расходах они ориентированы на образовательные услуги и товары научно-технического прогресса, имеют высшее образование, то их можно считать самыми вероятными кандидатами для «попадания» в средний класс, которые наиболее близко подошли к реализации полноценной стратегии «развития».

Таким образом, идентификация среднего класса определяется оценкой не только доходов домохозяйств, но и потребления ими товаров и услуг.

На основе этих предпосылок нами выделяются признаки стратегии «развития», которые характеризуют потенциальную способность домохозяйства получать доступ к определенным ресурсам за счет владения соответствующими активами, главным из которых является доход от определенного вида деятельности. В

частности, это следующие возможности:

- 1) замена относительно дорогих вещей личного пользования (зимняя одежда, обувь и т.п.) до окончания срока их физического износа;
- 2) замена предметов длительного пользования (автомобиль, холодильник, телевизор и другое) до окончания срока их физического износа;
- 3) наличие в семье «товаров научно-технического прогресса» (компьютер, смартфоны);
- 4) пользоваться услугами платной поликлиники;
- 5) получения детьми платного образования (репетиторы, платные курсы обучения языкам, платные средние школы и вузы);
- 6) относительно регулярного питания вне дома;
- 7) проведения отпуска вне дома;
- 8) наличие запаса прочности в случае ухудшения экономической ситуации;
- 10) приобщения к культурным благам (кино, театр, концерты);
- 11) пользования услугами по страхованию жизни, имущества, здоровья и др.

Следовательно, на основе анализа структуры расходов домохозяйства можно сделать вывод о реализации им определенного варианта жизненной стратегии и зафиксировать указанный уровень среднедушевых доходов, который определяет наличие такой структуры расходов.

Применение релятивистского подхода требует проведения специального исследования, включающего опрос населения для выявления у них признаков стратегии «развития», а значит, возможности удовлетворе-

Таблица 2. Идентификация среднего класса: критерии, масштаб и границы применения

Наименование подхода	Критерий	Масштаб среднего класса, %	Границы применения подхода
Субъективный	Самоидентификация по критерию удовлетворенности жизнью	60,0	Недостаточно корректные результаты. Рекомендуется применять в совокупности с другими подходами
	Самооценка своих покупательских способностей	36,6	
Нормативный	Нормативная нижняя граница дохода среднего класса (Китай, Польша, Россия, Казахстан – рассчитанно 125% медианного дохода)	0,47-30,2	Недостаточно корректные результаты. Рекомендуется применять нормы стран, близких по социально-экономическому развитию (на практике это сделать сложно, так как каждое государство имеет свою экономическую модель: нормы одного государства не всегда являются нормами другого государства)
Релятивистский	Жизненная стратегия направлена на развитие: наличие экономической свободы и возможности удовлетворять вторичные потребности	Нет данных	Достаточно корректные результаты. Требует проведения специального исследования

Источник: составлено авторами.

ния вторичных потребностей.

Содержательный анализ всех рассмотренных подходов для идентификации среднего класса позволяет сделать следующее резюме (табл. 2):

Из таблицы 2 видно, что каждый из подходов дает разные результаты по численности среднего класса: от 0,47% (нормативный подход) до 60% (субъективный подход). В рамках релятивистского подхода результаты не представлены, так как подход требует проведения специального исследования.

Каждый из проанализированных подходов имеет свои достоинства, недостатки и границы применения. Например, субъективный подход требует проведения специального исследования (опроса). Причем результаты опросов являются недостаточно корректными, так как индивид четко не представляет критерии оценки своего социального статуса. Поэтому рекомендуется его применять в совокупности с другими подходами к идентификации искомого класса.

Нормативный подход также не позволяет получить достаточно корректные результаты. Это предопределено тем, что каждая страна имеет свои экономические, социальные, политические особенности, свою специфику развития. Поэтому стандарты одного государства некорректно распространять на другие национальные образования.

Релятивистский подход, на наш взгляд, позволяет получить наиболее корректные результаты, поскольку предполагает идентификацию среднего класса конкретного государства с учетом их реалий.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, формирование и расширение масштабов среднего класса является одной из актуальных проблем социально-экономического развития Казахстана. Это связано с функциями, которые выполняет средний

класс в обществе: экономическая (потребительская, производительная, сберегательная, инвестиционная, перераспределительная); социальная (информационно-образовательная, институциональная, обеспечение вертикальной мобильности); политическая (стабилизирующая, развитие демократического общества).

Во-вторых, существует широкий диапазон направлений в трактовке среднего класса как особой, масштабной группы общества. Отсутствие единых показателей детерминации среднего класса приводит к различиям в оценках его структуры и численности. Но можно выделить три основных метода его идентификации: субъективный, нормативный, релятивистский. Субъективный метод при идентификации среднего класса, по нашему мнению, является недостаточно адекватным. Поэтому его рекомендуется применять в совокупности с другими подходами. Применение нормативного метода может дать некорректные результаты. Поэтому рекомендуется применять стандарты (нормы) стран, близких по параметрам социально-экономического развития. Нам представляется, что наиболее приемлемым является релятивистский подход, который предполагает отнесение индивида к среднему классу на основе выявленных критериев, отражающих специфические особенности социально-экономического развития государства.

В-третьих, несмотря на актуальность проблемы в нашей стране не проводится серьезных научных исследований по идентификации среднего класса. Поэтому представляется целесообразным в рамках релятивистского подхода на регулярной основе проводить опрос населения для определения масштабов среднего класса, его социального портрета, выявления изменений в его потребительских возможностях в зависимости от проводимых в стране экономических и социальных реформ. Следует помнить, что рост численности среднего класса является индикатором эффективности проводимой социально-экономической политики государства. ■

Литература

1. Алимбаев А.А., Притворова Т.П., Бектлеева Д.Е. Средний класс в Казахстане: генезис, идентификация, государственное регулирование. – Караганда, 2004. – 189 с.
2. Перегуда Ю.А. Средний класс – фактор регионального развития // Псковский регионологический журнал. – 2015. – № 24. – С. 39.
3. Калинин А.В. Анализ развития и состояние малого и среднего бизнеса в мире // Экономика, предпринимательство и право. – 2011. – № 4. – С. 3-12. – epp.enjournal.net
4. Renner K. Porträt einer Evolution. Parlamentsreden. – Wien, 1970. – S. 8.
5. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 142–147.
6. Гидденс Э. Социология / пер. с англ. – Изд. 2-е, полностью переработ. и доп. – М.: УРСС, 2005. – 632 с.
7. Жвитиашвили А.Ш. Классовые схемы современного общества в западной социологии // Социологическая наука и социальная практика. – 2017. – № 1. – С. 7-23.
8. Росенко С.И. Исследование социального состава среднего класса в современной социологии // Серия “Symposium”, Средний класс в России: прошлое, настоящее, будущее. Выпуск 2. / Материалы научно-практической конференции. 9-10 декабря 1999 г. Отв. ред. Г.Н. Крупнин. – С.-Пб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С. 98-105.
9. Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры / scepsis.net
10. «Политика» Аристотеля // Аристотель. Сочинения: Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 38–52.
11. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
12. Качество жизни населения в Казахстане // Статистика уровня жизни/ Комитет статистики МНЭ РК/2017 год // stat.gov.kz
13. «Качество жизни населения в Казахстане» // Статистика уровня жизни/ Комитет статистики МНЭ РК/2019 год // www.stat.gov.kz
14. Субъективная оценка респондентов своих покупательских способностей. Проект «Этнические процессы в Казахстане: социально-демографическое и эко-номическое измерение» по итогам 2018 года. – АО «Институт экономических исследований» Центр исследований социально-демографического развития.
15. Моисеев А. Опыт изучения среднего класса в мире и в России / Социальная психология. – С. 49-60 // [Источник](#)
16. Заславская Т.И., Громова Р.Г. «Средний класс» в российском обществе // Кравченко А.И. – Социология: Хрестоматия для ВУЗов. – М., 2003. – С. 375-405.
17. Официальные (рыночные) курсы валют на 30/01/20 // www.nationalbank.kz.
18. What Is Considered Middle Class Income // www.thebalance.com
19. China’s Middle Class in 5 Simple Questions // www.china-briefing.com
20. Share of people belonging to different social and economic classes in Poland 2019 // www.statista.com
21. Экономисты проанализировали благосостояние россиян со средним достатком www.rbc.ru
22. Медианный доход населения www.stat.gov.kz
23. Гайсина С.Н. Развитие среднего класса как важнейшая основа обеспечения социальной стабильности казахстанского общества // Инновационная экономика и гуманизация общества: глобальный мир и Казахстан / Под ред. А.А. Сатыбалдина. – Алматы: Институт экономики КН МОН РК, 2017. – Т. 2.– С. 162-171.
24. Мухамедиев Б.М., Куница С.М., Кудашева Т.В. Экономическая стратификация и неравенство доходов в Казахстане: монография / отв. ред. д.э.н., проф. В.Н. Бобков. – Алматы: Қазақ университеті, 2016. – 200 с.
25. Отар Э.С. Особенности городского среднего класса Казахстана. – Астана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. – 2018. – 400 с.
26. Доклад о человеческом развитии 2016 г. // www.kz.undp.org.

References

1. Alimbaev A.A., Pritvorova T.P., Bektleeva D.E. Middle class in Kazakhstan: genesis, identification, state regulation. Karaganda. 2004. 189 p.
2. Pereguda Yu.A. The middle class is a factor in regional development. Pskov Regional Journal. 2015. No. 24, 39 p.
3. Kalinin A.V. Analysis of small and medium-sized businesses development and state in the world. Economics, Entrepreneurship and Law. 2011. No. 4. 3-12 pp. [epp.enjournal.net]
4. Renner K. Porträteiner Evolution. Parlamentsreden. Wien. 1970. 8 p.
5. Darendorf R. Elements of the theory of social conflict. Sociological studies. 1994. No. 5. pp. 142-147.
6. Giddens E. Sociology. Ed. 2nd. Moscow. 2005. 632 p.
7. Zhvitiashvili A.Sh. Class schemes of modern society in Western sociology. Sociological science and social practice. 2017. No. 1, pp. 7-23.
8. Rosenko S.I. The study of the social composition of the middle class in modern sociology. Series "Symposium", Middle class in Russia: past, present, future. Issue 2. Materials of the scientific-practical conference. St. Petersburg. Philosophical Society Publ. 2000. pp. 98-105.
9. Wright E.O. Marxist concepts of class structure [scepsis.net].
10. Politics of Aristotle. Aristotle. Works: T. 4. Moscow. Thought Publ., 1983. pp 38-52.
11. Halbwax M. Social framework of memory. Moscow. New Publishing House, 2007. 348 p.
12. Kazakhstan population life quality. Statistics of living standards. Statistics Committee of the National Economy Ministry of Kazakhstan. 2017. stat.gov.kz
13. Kazakhstan population life quality. Statistics of living standards. Statistics Committee of the National Economy Ministry of Kazakhstan. 2019. stat.gov
14. Subjective assessment of purchasing power. The Ethnic processes in Kazakhstan: socio-demographic and economic dimension project according to the results of 2018. Institute for Economic Research, JSC Center for Research on Social and Demographic Development.
15. Moiseev A. Experience in the study of the middle class in the world and in Russia. Social Psychology. pp. 49-60 [https://psyjournals.ru/files/52270/jmfp_2012_2_n5_Moiseev.pdf]
16. Zaslavskaya T.I., Gromova R.G. Middle class in Russian society. Sociology: textbook for universities. Moscow. 2003. pp. 375-405.
17. Official (market) exchange rates on 30/01/20 // www.nationalbank.kz.
18. What Is Considered Middle Class Income // www.thebalance.com
19. China's Middle Class in 5 Simple Questions // www.china-briefing.com
20. Share of people belonging to different social and economic classes in Poland 2019 // www.statista.com
21. Economists analyzed the well-being of middle-income Russians. www.rbc.ru
22. Median income of the population. www.stat.gov.kz
23. Gaysina S.N. Development of the middle class as the most important basis for ensuring the social stability of Kazakhstani society. Innovative Economy and Humanization of the Society: Global Peace and Kazakhstan. Almaty. 2017. pp. 162-171.
24. Mukhamediev B.M., Kunitsa S.M., Kudasheva T.V. Economic stratification and income inequality in Kazakhstan: monograph. Almaty. 2016. 200 p.
25. Otar E.S. Features of the Kazakhstan urban middle class. L.N. Gumilyov National University. Astana. 2018. 400 p.
26. Human Development Report. 2016 // www.kz.undp.org.

Аңдатпа

Мақалада орта таптың функциясы зерттеледі. Орта тапты сәйкестендіруге қатысты мынадай әдістер көрсетіледі: субъективті, нормативті, релятивистті. Әрбір әдіс бойынша орта таптың көлемін көрсететін есептеулер ұсынылады. Әрбір әдістің артықшылықтарын мен кемшіліктерін детерминациялау арқылы олардың қолданылуының орындылығы туралы қорытынды көрсету нәтижесі болып табылады. Қазақстанда релитивистік тәсіл шеңберінде орта таптың ауқымын анықтау бойынша тұрақты негізде зерттеулер жүргізу ұсынылды.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО: КАЗАХСТАН – ЕВРОСОЮЗ – РОССИЯ¹

Дмитрий ИВАНОВ*

Аннотация

Цель – оценка и анализ состояния и перспектив сотрудничества Казахстана, Евросоюза и России в области энергетики. Методология – системный подход и традиционный метод компаративного анализа. Новизна – проанализирована двусторонняя структура торговли энергоносителями за последнее десятилетие, определены узкие места, препятствующие полноценному энергетическому диалогу сторон, даны рекомендации. Результаты – определена количественная оценка и проведен анализ влияния Казахстана на энергетическую безопасность Евросоюза, роль России в энергетическом взаимодействии Казахстана с ЕС.

Ключевые слова: энергетика, сотрудничество, Казахстан, Европейский союз, Россия.

Abstract

The aim of the study is to assess and analyze current state and prospects of energy cooperation between Kazakhstan, the European Union and Russia. Methodology – used systematic approach and traditional method of comparative analysis. The novelty of the research – analyzed bilateral structure of energy trade over the past decade, identified bottlenecks that impede full-fledged energy dialogue of the parties, presented relevant recommendations. Results – carried out quantitative assessment and analysis of Kazakhstan's influence on the EU energy security, reflected Russia's role in the energy interaction between Kazakhstan and the EU.

Key words: energy, cooperation, Kazakhstan, European Union, Russia.

¹Инициативная статья.

* Слушатель Дипломатической Академии Министерства иностранных дел России (Москва).

Введение

Сегодня предметом острой борьбы на международной арене становятся энергоресурсы, без которых устойчивое развитие экономик различных стран мира в обозримой перспективе весьма проблематично. Поэтому для любой национальной экономики главным вопросом становится обеспечение непрерывности поставок энергоресурсов.

Для Казахстана, страны с запасами дефицитного сырья мирового значения, это открывает возможность позиционировать себя эффективно, обеспечив реализацию своего конкурентного преимущества на мировом рынке. В противном случае наша страна может стать лишь полем, на котором разворачивается борьба различных игроков за энергетические ресурсы, которыми она обладает.

Казахстан прочно входит в число крупнейших мировых производителей энергоресурсов, что обеспечивает ему заметное присутствие на мировом рынке углеводородного сырья. По доказанным запасам нефти, угля и урана страна находится в первой десятке, а по запасам природного газа – в первой двадцатке стран мира. Наша страна лидирует по добыче урана, занимает 10 место по добыче угля и 17-е – по добыче нефти в глобальном масштабе.

Энергоресурсы сохраняют за собой первостепенную значимость для казахстанской экономики. В настоящее время нефтегазовый сектор обеспечивает пятую часть валового внутреннего продукта (ВВП), около 2/3 совокупной экспортной выручки и почти половину доходов государственного бюджета страны. Интересы государства в нефтегазовой промышленности представляет «Национальная компания «КазМунайГаз» (КМГ),

которая имеет долевое участие во всех крупных и ряде более мелких проектов по добыче нефти и газа.

Более 80% всего объема добываемой Казахстаном нефти и 100% урана экспортируется. Соответственно, казахстанский топливно-энергетический комплекс имеет высокую степень открытости, а значит, и чувствительности к влиянию внешних факторов. Поэтому координированное развитие всех отраслей экономики, связанных с энергосырьевым сектором и управляемостью его экспорта, является не просто приоритетной задачей, а вопросом обеспечения жизнеспособности страны. Это обуславливает актуальность анализа энергетической стратегии страны.

Нефть Казахстана

В 2019 г. объем добычи нефти в Казахстане составил 90,5 млн тонн. Преодолеть рубеж в 100 млн тонн нефтяники планируют в 2023 г. и 105 млн тонн – в 2030 г. Прогнозируется, что к 2035 г. добыча нефти в Казахстане вырастет на 39% и достигнет максимальной отметки в 125 млн тонн (2,64 млн барр./сутки). К ключевым факторам, определяющим прогнозируемые объемы добычи углеводородного сырья, относятся реализация второй фазы разработки месторождения Кашаган и новые шельфовые проекты на Каспийском море, а также масштаб и эффективность доработки зрелых участков на суше.

Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) занимает лидирующие позиции по привлечению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Казахстан. При этом в республике продолжают принимать активные меры, направленные на сохранение инвестиционной привлекательности добывающих отраслей и совершенствование законодательства о недропользовании и

Таблица 1. Баланс сырой нефти в Казахстане, 2010–2019 гг. (млн тонн)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Изменение 2018-2019, %
Добыча	79,7	80,0	79,2	81,8	80,8	79,5	78,0	86,2	90,4	90,5	0,1
Экспорт (в т.ч. ЕС - 80%, Китай - 16%)	67,5	69,6	68,1	72,2	69,7	64,8	63,4	69,6	70,2	72,2	2,4
Потребление, в т.ч.	19,7	17,5	17,2	16,7	11,6	14,7	14,7	16,7	20,2	н/д	-
Переработка на НПЗ	13,7	13,7	15,1	15,3	16,4	15,0	14,9	14,9	16,4	17,1	4,3
Производство нефтепродуктов	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	10,3	10,6	11,6	12,7	4,2
Импорт	7,4	7,1	6,1	7,2	0,5	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0
из стран СНГ, в т.ч. в ККТ (встречные поставки)	7,4	7,1	6,1	7,2	7,0	7,0	7,0	10,1	10,0	10,0	0

Источник: составлено автором по данным /2, 5/.

Примечание: н/д – нет данных.

Таблица 2. Крупнейшие энергетические проекты Казахстана

Проект	Акционеры	Срок действия контракта	Объем инвестиций на 2019 г.	Месторождения	Запасы жидких углеводородов	Добыча жидких углеводородов
ТШО / TengizChevrOil	Chevron (США) 50%; ExxonMobil (США) 25%; КМГ (Казахстан) 20%; Лукарко (РФ) 5%	1993-2033	Более 135 млрд долл. США	Тенгиз, Королев	3,4 млрд тонн (27,1 млрд барр.)	Рост добычи нефти с 29,8 млн. т в 2019 г. до 39 млн. т в 2025 г.
НКОК / North Caspian Operating Company	КМГ 16,88%; Eni (Италия) 16,81%; Shell (Нидерланды/Великобритания) 16,81%; Total (Франция) 16,81%; ExxonMobil 16,81%; CNPC (Китай) 8,33%; Inpex (Япония) 7,56%	1997-2041	Более 60 млрд долл. США	Кашаган, Юго-Западный Кашаган, Актоты, Кайран и Каламкас-море	1-2 млрд тонн (8-15 млрд барр.)	Рост добычи нефти с 14,1 млн. т в 2019 г. до 15 млн. т в 2025 г.
КПО / Karachaganak Petroleum Operating	Shell 29,25%; Eni 29,25%; Chevron 18%; Лукойл 13,5%; КМГ 10%	1995-2037	Более 22 млрд долл. США	Карачаганак	1,2 млрд тонн (10 млрд барр.)	Сохранение добычи газового конденсата на уровне 11-12 млн. т до 2025 г.

Источник: составлено автором по данным /5/.

налоговых правил. В 2019 г. объем ПИИ, привлеченных в ТЭК, достиг 10 млрд долл. США. Это соответствует 51,6% от всего объема привлеченных ПИИ. Их доля в крупных нефтегазовых проектах Казахстана, таких как Тенгиз, Карачаганак и Кашаган, составляет от 80 до 90% (табл. 2).

Энергетический диалог Казахстан – ЕС

Рассматривая энергетический потенциал Казахстана, важно сделать акцент на отношениях с Европейским Союзом (ЕС), который многие годы является основным потребителем его энергоресурсов: прежде всего, сырой нефти и урана.

В настоящее время зависимость ЕС от внешних поставок энергоносителей составляет 54% /13/. Результаты проведенных Еврокомиссией в 2009–2019 гг. исследований свидетельствуют о неизбежном возрастании зависимости стран-членов ЕС от импорта энергоносителей: к 2030 г. она может составить: по газу – 70%, по нефти – 90%, по углю – 100% /13/. В этой связи полагаем, что энергобезопасность Евросоюза находится в прямой зависимости от стабильности и продуктивности его отношений с третьими странами - поставщиками и транзитерами ресурсов.

Для того, чтобы лучше понять причины и степень зависимости ЕС от внешних источников и соответственно, определить роль Казахстана, необходимо рассмотреть структуру энергопотребления Евросоюза. В 2019 г. доля нефти составляла 34,5%, природного газа – 22%, угля – 17%, атомной энергии – 14% и возобновляемых источников энергии (ВИЭ) – 12,5% /4/. За последние

10 лет наблюдается увеличение доли ВИЭ, стабильный уровень использования атомной энергии и снижение использования всех остальных видов энергии в общей структуре энергопотребления ЕС. Несмотря на то что страны ЕС в разной степени зависят от поставок энергоносителей извне, в обозримой перспективе различия между ними будут уменьшаться. Это происходит благодаря формированию единого энергетического рынка, использованию новых видов топлива и организации единой энергетической системы. По нашему мнению, это может оказать негативное влияние на экспорт казахстанских энергоносителей. Очевидно, что в среднесрочной перспективе Казахстан будет оставаться одним из альтернативных поставщиков энергоресурсов в ЕС, однако доля этих поставок, скорее всего, увеличиваться не будет.

Общеизвестно, что после обретения независимости Казахстан сразу стал объектом повышенного внимания со стороны Европы. Это в первую очередь связано с наличием в стране значительных запасов энергоресурсов и, следовательно, возможности их масштабных поставок европейским потребителям.

На этом фоне Евросоюз и его страны-члены одними из первых дипломатически признали Казахстан в 1991 г. и начали развивать с ним углубленное энергетическое партнерство. Стороны исходили из того, что энергетическая взаимозависимость в ближайшие годы будет лишь увеличиваться, поэтому стремились к достижению энергобезопасности. Казахстан интересовала диверсификация экспортных маршрутов, стабильный рынок сбыта, инвестиции и технологии, а ЕС – правовое поле, которое обеспечит доступ и стабильность поставок энергоресурсов, диверсификацию

Таблица 3.

Объемы и стоимость экспортных поставок нефти из Казахстана в ЕС, 2000–2018 гг.

Год	Объем		Стоимость, тыс. долл.	Цена CIF, долл./барр.	Доля в общем импорте ЕС, %
	тыс. барр.	тыс. тонн			
2000	73 262	9 993	н/д	н/д	1,8
2005	194 231	26 349	10 369 711	53,38	4,5
2010	224 638	29 654	17 674 212	78,67	5,5
2011	234 585	31 997	26 290 875	112,07	6,0
2012	204 049	27 832	22 932 053	112,38	5,0
2013	212 663	29 007	23 314 836	109,63	5,6
2014	237 871	32 445	23 757 299	99,87	6,1
2015	243 032	35 185	12 954 983	53,31	6,0
2016	269 368	36 742	11 487 858	42,64	6,5
2017	291 237	40 188	15 697 990	53,91	7,2
2018	278 408	39 725	19 663 213	70,62	7,3

Источник: составлено автором по данным /13/.

источников, сокращение зависимости от России, а также защиту инвестиций и поддержку работающих в регионе европейских компаний. Эти приоритеты наглядно отражены в новой Стратегии Евросоюза в отношении Центральной Азии (реализуется с 2007 г., обновлена в 2019 г.) и зеркальном ответе Казахстана на нее – государственной программе «Путь в Европу» на 2009–2011 гг.

Наша страна одной из первых присоединилась к Договору к Энергетической хартии в 1995 г., стала участником программ Евросоюза ИНОГЕЙТ (1996 г.)² и ТРАСЕКА (1993 г.)³. В то же время ЕС пересматривал свою энергетическую политику. Это было обусловлено целым рядом объективных факторов: ростом внутреннего энергопотребления, сокращением собственных природных ресурсов, повышением цен на энергоносители, рисками транзита энергоресурсов. Одним из принципов европейской энергетической политики становится диверсификация поставщиков. На первый план выходит обеспечение доступа к «новым» ресурсным базам Каспийского моря и Центральной Азии. При одновременном расширении связей с традиционными поставщиками – Россией, Норвегией, странами ОПЕК и Северной Африкой. На этом фоне Казахстан и Евросоюз заключили в 2006 г. Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в области энергетики,

а в 2015 г. – Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве, главное место в котором отводится вопросам энергетики.

Отношения Казахстана и ЕС в сфере энергетики характеризуются объективной взаимозависимостью и заинтересованностью. Для обеих сторон они имеют принципиальный характер. Энергоносители составляют 85% общего импорта ЕС из Казахстана. Для нашей страны Евросоюз остается не только основным рынком экспорта энергоресурсов: туда поставляется порядка 80% от общего объема экспорта нефти и 18% от общего объема экспорта урана, но и ключевым источником инвестиций и технологий /2/.

Роль Казахстана в энергетической безопасности ЕС в последние годы заметно возросла. В период 2000–2018 гг. импорт казахстанской сырой нефти увеличился с 1,8 до 7,3% от чистого импорта ЕС. В 2018 г. этот показатель составил почти 40 млн тонн (табл. 3). По импортным поставкам Казахстан является четвертым партнером ЕС после России, Норвегии и Саудовской Аравии.

Крупнейшими потребителями казахстанской нефти являются Франция (8,8 млн тонн), Германия (7,3 млн тонн), Испания (4,8 млн тонн), Греция (3,4 млн тонн), Австрия (3,3 млн тонн), Италия (3,1 млн тонн) и Румыния (2,9 млн тонн)⁴.

Ключевое значение для Казахстана имеет транс-

² ИНОГЕЙТ – программа международного сотрудничества в энергетической сфере между Европейским Союзом, Причерноморскими и Прикаспийскими государствами, а также соседними с ними странами.

³ ТРАСЕКА (аббревиатура от англ. Transport Corridor Europe - Caucasus - Asia) – программа международного сотрудничества между Европейским союзом и странами-партнерами по организации транспортного коридора «Европа - Кавказ - Азия». В организационном плане ТРАСЕКА представляет собой межправительственную комиссию.

⁴ Евростат. Complete energy balances. Режим доступа: appsso.eurostat.ec.europa.eu

Рисунок 1. Схема экспортных маршрутов казахстанской нефти

Источник: составлено авторами по данным /17/.

портировка нефти на внешние рынки. Это обусловлено тем, что наша страна не имеет выхода к открытому морю и расположена вдали от главных потребителей. В этой связи Казахстан придерживается многовекторной стратегии экспорта и одновременно использует несколько маршрутов транспортировки углеводородного сырья (рис. 1).

Традиционно основная часть добытой в Казахстане нефти поставляется в Европу через территорию России по нефтепроводам или железнодорожным транспортом. Основную роль здесь играет Каспийский тру-

бопроводный консорциум (КТК). Он является одним из крупнейших инвестиционных проектов в энергетической сфере с участием иностранного капитала в СНГ и единственным частным магистральным трубопроводом на территории Казахстана и России. Его модернизация, проведенная недавно, позволила несколько увеличить пропускную способность. Экспорт из Казахстана по маршруту КТК составляет порядка 55,0 млн тонн или почти 75% от общего объема экспорта казахстанской нефти.

Следующим каналом экспорта казахстанской неф-

Таблица 4. Баланс природного газа в Казахстане, 2010–2019 гг. (млрд куб. м)

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Изменение 2018-2019, %
Добыча (валовая)	37,4	39,5	40,3	42,4	43,2	45,3	46,7	52,9	55,5	56,4	2,4
Добыча (для коммерческой реализации)	24,0	24,6	24,3	24,5	24,6	27,5	28,8	31,6	33,3	31,3	-6,0
Объем обратной закачки	13,4	14,9	16,0	17,9	18,6	17,8	17,9	19,8	19,1	19,0	-0,6
Экспорт	12,4	11,7	10,9	10,8	10,6	10,9	12,8	16,8	19,4	19,5	0,1
Импорт	4,5	4,3	2,5	2,7	2,2	3,2	4,9	5,0	6,0	н/д	20,2
Потребление (коммерческие объемы газа)	15,6	16,6	18,0	18,9	18,5	22,4	22,8	21,9	24,1	н/д	-
Производство СПГ, млн. тонн	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	2,7	2,9	3,1	3,15	5,4
Поставки потребителям	9	10,1	10,5	10,9	12,4	12,0	13,1	14,0	15,1	н/д	-

Источник: составлено авторами по данным /2, 5/.

Таблица 5. Экспорт газа из Казахстана, 2009–2019 гг. (млрд куб. м)

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Всего, в т. ч.:	10,3	12,4	11,7	10,9	10,8	10,6	10,9	12,8	16,8	19,4	19,5
Россия	7,7	8,3	8,7	7,5	8,3	8,9	6,4	8,9	14,9	12,6	12,5
СНГ (кроме РФ)	0,4	-	0,1	0,3	0,2	0,2	0,1	-	-	0,2	0,2
Китай	-	-	-	-	0,1	0,4	0,6	0,4	0,6	5,2	5,4
Евросоюз	1,4	3,1	2,9	2,5	1,4	0,2	2,9	2,4	0,2	0,5	0,5

Источник: составлено авторами по данным /1/.

ти в Европу является маршрут «Атырау-Самара» и соединительные нефтепроводы Транснефти через порты Усть-Луга на Балтийском море и Новороссийск на Черном море. По этому каналу Казахстан ежегодно экспортирует около 15,0 млн тонн сырья.

Третьим экспортным маршрутом казахстанской нефти в Европу является Актауский морской порт. «Черное золото» направляется по железной дороге до Актау, откуда танкерами следует через Каспий, частично через Махачкалу на Черное море, либо через Баку до Батуми. Затем сырье транспортируется через Черное море в Румынию. Объем экспорта по этому маршруту составляет порядка 900 тыс. тонн. Но в последнее время он несколько снизился в связи с увеличением мощностей КТК.

Казахстанско-китайский трубопровод предназначен для транспортировки западно-казахстанской и транзитной российской нефти в Китай. По нему экспортируется ежегодно 10 млн тонн.

Таким образом, совокупная пропускная способность казахстанских экспортных нефтепроводов составляет около 70 млн. тонн в год и задействована практически полностью.

Газовый потенциал Казахстана

Для Казахстана все более перспективным энергоносителем становится природный газ. Его валовая добыча в 2019 г. составила 56,4 млрд куб. м, продолжив многолетнюю траекторию роста. В основном это было обусловлено наращиванием добычи на месторождении Кашаган (табл. 4). Планируется, что в 2030 г. валовый

объем добычи газа достигнет 75 млрд, а коммерческий – 36 млрд куб. м.

Концепция развития газового сектора Казахстана до 2030 г. предполагает использование всех экономически выгодных маршрутов по экспорту природного газа. В 2019 г. из 19,5 млрд куб. м казахстанского природного газа 12,5 млрд куб. м было экспортировано в Россию. Основная часть из этого объема пришлось на сырой (неподготовленный) газ с месторождения Карачаганак на газоперерабатывающий завод в Оренбурге, а остаток ушел в северном направлении по газопроводам «Средняя Азия-Центр» и «Бухара-Урал». Другим экспортным направлением для Казахстана стал Китай. В 2019 г. в Поднебесную было поставлено 5,4 млрд куб. м по системе газопроводов «Центральная Азия-Китай». Незначительные объемы газа экспортируются в ЕС (табл. 5).

Добавим, что Казахстан не имеет прямого доступа на европейские рынки газа. Ввиду географического положения страны и исторически сложившейся системы магистральных газопроводов экспорт газа европейским потребителям связан с необходимостью получения доступа к газотранспортной системе «Газпрома».

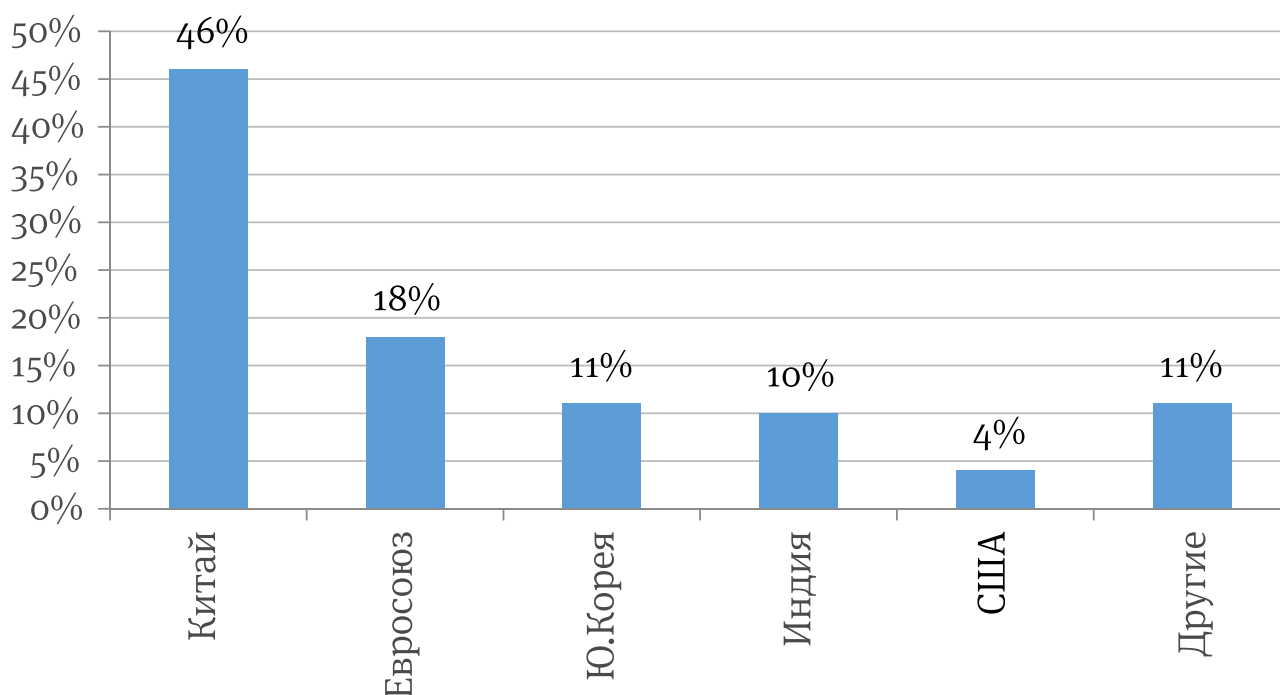
Атомная промышленность

Казахстан является мировым лидером по добыче урана, его доля здесь составляет 40,7% (табл. 6). Добычу урана в стране осуществляет АО «Национальная атомная компания «Казатомпром». На ее долю приходится 54% от общего объема добычи урана. Добычей урана на территории нашей страны также занимаются российская Uranium One (20%), французская Areva (9%)

Таблица 6. Топ-5 стран мира по добыче урана, 2003–2018 гг. (тонн)

	2003	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ВСЕГО, в т.ч.	35 576	41 179	53 663	54 610	58 394	59 673	56 252	60 496	62 366	59 462	53 081
1. Казахстан	3 300	4 357	17 803	19 451	21 317	22 567	23 127	23 800	24 575	23 321	21 540
Доля Казахстана	9,3%	10,6%	33,2%	35,6%	36,5%	37,8%	41,1%	39,3%	39,4%	39,2%	40,7%
2. Канада	10 457	11 628	9 873	9 145	8 999	9 332	9 134	13 325	14 039	13 116	7 001
3. Австралия	7 572	9 516	5 900	5 983	6 991	6 350	5 001	5 654	6 315	5 882	6 385
4. Нигерия	3 143	3 093	4 198	4 351	4 667	4 528	4 057	4 116	3 479	3 449	2 923
5. Намибия	2 036	3 147	4 496	3 258	4 495	4 315	3 255	2 993	3 654	4 224	5 539

Источник: составлено авторами по данным /16/.

Рисунок 1. Географическая направленность экспорта урана из Казахстана

Источник: составлено авторами по данным /16/.

и консорциум японских энергетических компаний Energy Asia (8%) /14/.

Конкурентное преимущество Казахстана заключается в том, что большая часть достоверно разведанных и оцененных запасов урана находится в месторождениях песчаникового типа. Они разрабатываются способом подземного скважинного выщелачивания. Он признается МАГАТЭ более рентабельным и экологически менее вредным в сравнении с традиционными (шахтными) способами добычи. Отметим, что казахстанские рудники считаются наиболее экономичными в мире.

Весь уран, добытый в нашей стране, поставляется на мировой рынок. Его покупают Китай, ЕС, Республика Корея, Индия и США (рис. 2).

На Евросоюз, являющийся вторым крупнейшим покупателем, приходится 18% экспорта отечественного урана. В 2018 г. Казахстан обеспечил 14% от всей потребности ЕС в уране, или 1,7 тыс. тонн. Наша страна стала пятым экспортером этого сырья на европейский рынок после Канады, Нигерии, Австралии и России. Пик экспорта урана из Казахстана в ЕС пришелся на 2014 г., когда республика заняла первое место по объемам поставок (3,9 тыс. тонн) и доминирующую долю на европейском рынке – почти 27%. Однако в 2015–2018 гг. поставки казахстанской продукции на рынок Евросоюза сократились в 1,5 раза. Это связано с двумя причинами: во-первых, снижением мировых цен на уран; во-вторых, одновременным наращиванием экспортных поставок из Канады, Австралии и Нигерии.

Основные способы транспортировки ядерных материалов из Казахстана в ЕС – специально оборудованный железнодорожный, автомобильный и морской транспорт – связаны с необходимостью доступа к рос-

сийской транспортной инфраструктуре.

Из всех этапов ядерного топливного цикла в Казахстане в настоящее время представлены добыча урана, реконверсия и производство топливных таблеток. Поэтому наша страна заинтересована в международных технологиях полного ядерно-топливного цикла, включая увеличение мощности по переработке урана, диверсификации источников инвестиций и рынков сбыта.

В силу этих причин одним из приоритетных партнеров Казахстана является Франция. В 1996 г. «Казатомпром» (49%) и Areva (51%) создали казахстанско-французское предприятие «Катко», а в 2009 г. – совместное предприятие Ifastar. Эти предприятия осуществляют геологоразведку, добычу и переработку урана. Они также проводят оценку потребностей азиатского региона в казахстанском уране и осуществляют технико-экономическое обоснование строительства в нашей стране линии по производству уранового топлива.

В 2010 г. было заключено двустороннее соглашение о создании в республике завода по выпуску тепловыделяющих сборок, освоено производство топливных таблеток на Ульбинском металлургическом заводе, заключен долгосрочный контракт с Electricite de France на поставку уранового концентрата.

Таким образом, благодаря проектам с французскими партнерами Казахстан осваивает передовые технологии, опираясь на опыт этой страны в создании национальной промышленной базы полного ядерного топливного цикла. Париж, в свою очередь, имеет гарантированный доступ к казахстанским месторождениям урана. Одновременно для них появляется выход на перспективный китайский рынок. Кроме того,

французские компании резервируют необходимое количество готового топлива для нужд своих атомных электростанций, играя ведущую роль на европейском рынке.

Выводы

Резюмируя изложенное, отметим следующее.

Во-первых, для Евросоюза казахстанская нефть является наиболее ценным энергетическим ресурсом, экспортируемым из Центрально-азиатского региона. Вместе с тем, для ЕС ключевой проблемой является диверсификация источников снабжения газом. Альтернативных поставщиков нефти, каким Казахстан является для ЕС, найти гораздо легче, поскольку ее проще транспортировать. Необходимо учитывать изменчивость мировых цен на нефть и развитие в Евросоюзе энергетического законодательства и возобновляемых источников.

Во-вторых, по мнению автора, природный газ, поставляемый из Казахстана, учитывая особенности его добычи и транспортировки, не решит проблемы энергетической безопасности ЕС. Потенциально лишь небольшое количество казахстанского газа может посту-

пать в страны Евросоюза через территорию России или в обход нее.

В-третьих, можно прогнозировать, что потребность Евросоюза в казахстанском уране в перспективе может снизиться. Это предопределяется тем, что на европейском рынке уже есть такие крупные поставщики, как Россия, Канада и Австралия. К тому же, сами европейские государства не имеют грандиозных планов по развитию атомной энергетики.

Следовательно, в среднесрочной перспективе Казахстан будет оставаться одним из альтернативных поставщиков энергоресурсов в ЕС. Однако доля этих поставок, скорее всего, увеличиваться не будет.

При этом географические и инфраструктурные факторы предопределяют то обстоятельство, что основная часть энергоресурсов из Казахстана транспортируется и будет транспортироваться через территорию России в течение еще многих лет. Именно эти маршруты экспорта являются наиболее экономически целесообразными и безопасными. В этой связи развитие энергетического партнерства в треугольнике Казахстан - ЕС - Россия способствовало бы диверсификации и повышению энергетической безопасности всех заинтересованных сторон. ■

Литература

1. Данные внешней торговли Казахстана за 2009-2019 гг. // Комитет государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан [\[электронный ресурс\]](#).
2. Структура экспорта и импорта Казахстана по основным товарным группам. Статистика внешней и взаимной торговли. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [\[электронный ресурс\]](#).
3. Торговля ЕС с третьими странами в 2018 г. // Европейская комиссия [\[электронный ресурс\]](#).
4. Энергопотребление ЕС по источникам энергии, Европейская комиссия, [\[электронный ресурс\]](#).
5. Министерство энергетики Казахстана [\[электронный ресурс\]](#).
6. Доклад Министра энергетики Казахстана Н. Ногаева на расширенной коллегии 25 февраля 2020 г., Нур-Султан, [\[электронный ресурс\]](#).
7. Делегация Европейского союза в Казахстане [\[электронный ресурс\]](#).
8. Платежный баланс и внешний долг Казахстана за 9 месяцев 2019 г., Национальный банк Казахстана, [\[электронный ресурс\]](#).
9. Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве между Казахстаном и Евросоюзом // Официальный журнал ЕС [\[электронный ресурс\]](#).
10. Новая Стратегия Европейского союза в Центральной Азии // Европейская служба внешних действий [\[электронный ресурс\]](#).
11. Указ Президента Республики Казахстан от 29 августа 2008 г. №653 «Об утверждении государственной программы «Путь в Европу» на 2009-2011 годы».
12. Статистический обзор British Petroleum 2019, [\[электронный ресурс\]](#).
13. Статистическая служба Европейского союза «Евростат», [\[электронный ресурс\]](#).
14. Интегрированный годовой отчет АО «Казатомпром» за 2018 г., [\[электронный ресурс\]](#).
15. Агентство ЕС по снабжению «Евратом»: Ежегодный отчет за 2018 г., [\[электронный ресурс\]](#).
16. Совместный отчет МАГАТЭ и Агентства по атомной энергии ОЭСР «Уран-2018: запасы, добыча и спрос» [\[электронный ресурс\]](#).
17. КазМунайГаз. [Транспортировка и сбыт.](#)

References

1. Kazakhstan's foreign trade data for 2009-2019. State Revenue Committee of the Ministry of Finance of the Republic of Kazakhstan [electronic resource].
2. The structure of exports and imports of Kazakhstan by major product groups. Statistics of foreign and mutual trade. Statistics Committee of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan [electronic resource].
3. EU trade with third countries in 2018. European Commission [electronic resource].
4. EU energy consumption by energy sources, European Commission [electronic resource].
5. The Ministry of Energy of Kazakhstan [electronic resource].
6. Report of the Minister of Energy of Kazakhstan N. Nogaev at the extended board on February 25, 2020. Nur-Sultan. [electronic resource].
7. The delegation of the European Union in Kazakhstan [electronic resource].
8. The balance of payments and external debt of Kazakhstan for 9 months of 2019, the National Bank of Kazakhstan, [electronic resource].
9. Agreement on enhanced partnership and cooperation between Kazakhstan and the European Union. Official Journal of the EU [electronic resource].
10. The New Strategy of the European Union in Central Asia. European External Action Service [electronic resource].
11. On approval of the Way to Europe state program for 2009-201. Decree of the Republic of Kazakhstan President. August 29, 2008. No. 653.
12. Statistical Review of British Petroleum 2019 [electronic resource].
13. Statistical Office of the European Union Eurostat [electronic resource].
14. Integrated annual report of JSC Kazatomprom for 2018 [electronic resource].
15. Euratom EU Supply Agency. Annual Report for 2018 [electronic resource].
16. Joint report of the IAEA and the OECD Atomic Energy Agency Uranium-2018: stocks, production and demand [electronic resource].
17. KazMunayGas. Transportation and distribution.

Аңдатпа

Зерттеу мақсаты – Қазақстан, Еуропалық Одақ және Ресейдің энергетика саласындағы ынтымақтас-тығын талдау. Әдістеме – жүйелі тәсіл және салыстырмалы талдаудың дәстүрлі әдісі. Жаңашылдығы – энергетика-лық сауданың құрылымы талданды, тараптардың толыққанды энергетикалық диалогына кедергі келтіретін кемшіліктер анықталды, ұсыныстар берілді.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЕДИНЬЙ РЫНОК УСЛУГ¹

Куаныш ЕЛИКБАЕВ*

Аннотация

Цель – обоснование важности изучения международной практики регулирования торговли услугами с учетом создания общих рынков в рамках Евразийского экономического союза. Новизна – авторская оценка влияния предпринятых мер по созданию общего рынка услуг евразийского интеграционного объединения, выявлены проблемные вопросы и представлены рекомендации по его развитию. Результаты – осуществлен содержательный критический анализ достигнутого уровня по созданию общего рынка услуг интеграционного объединения, определены уязвимые места договоренностей, показана реальная картина с массой изъятий и ограничений. На основе собственных расчетов доказано, что за 5 лет функционирования Евразийского экономического союза не удалось существенно увеличить в нем долю внутренней торговли услугами.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, услуги, общий рынок, барьеры, изъятия, ограничения.

Abstract

The purpose – substantiation of the importance of studying the international practice of regulating trade in services, taking into account the creation of common markets within the Eurasian Economic Union. The novelty – the author's assessment of the impact of measures taken to create a common market for services of the Eurasian integration association, problematic issues are identified and recommendations for its development are presented. Results – a substantive critical analysis of the achieved level on the creation of a common market for services of an integration association was carried out, vulnerabilities of agreements were identified, a real picture with a lot of exemptions and restrictions was shown. On the basis of own calculations, it was proved that over the 5 years of functioning of the Eurasian Economic Union, it was not possible to significantly increase the share of domestic trade in services in it.

Key words: EAEU, Eurasian Economic Union, services, common market, single market, barriers, exemptions, restrictions.

¹ Инициативная статья.

* Заместитель директора Департамента функционирования внутренних рынков Евразийской экономической комиссии, магистр экономики, аспирант кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов (Москва).

Введение

Одной из основных тенденций развития мировой экономики, изменения ее структуры последних лет, становится рост значимости сектора услуг, наблюдается динамичное развитие сферы услуг как на международном, так и на национальном уровнях.

По данным UNCTAD, в последние годы мировой экспорт услуг рос заметно быстрее товарной торговли, увеличившись только за последние 12 лет в 2018 г. по отношению к 2006 г. в 2 раза при росте экспорта товаров за аналогичный период на 31%. Объем мирового экспорта услуг в 2018 г. по сравнению с 2017 г. вырос на 7,7%, составив 5,845 трлн долл. США, что составляет 23,3% мировой торговли товарами и услугами /1/.

Вместе с динамичным развитием международная торговля услугами оказалась более устойчивой к кризисным явлениям: если падение мирового экспорта услуг в 2009 г. составило порядка 13%, то падение экспорта товаров превысило 23%.

Еще более наглядно об изменившейся роли сферы услуг в мировой экономике свидетельствуют темпы прироста за период 2000–2017 гг. Экспорт и импорт услуг, по данным на конец этого периода, в текущих ценах превысил 5 трлн долл., что выше аналогичных показателей 2000 г. на 221,2% и 211,1%, соответственно. Крупными секторами международной торговли становятся следующие сферы услуг: банковские, страховые, транспортные, логистические, информационно-коммуникационные, инжиниринговые услуги и др.

В условиях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве в 2015 г. пятью государствами создан /2/ и начал работу Евразийский экономический союз (ЕАЭС), одной из целей которого является обеспечение свободы поставки услуг, т. е. создание общих рынков услуг на внутреннем рынке интеграционного союза. В этом контексте анализ влияния предпринятых мер по достижению указанной цели, определение проблемных вопросов и выработка рекомендаций по развитию общего рынка услуг ЕАЭС, снятие имеющихся барьеров обуславливают актуальность настоящей статьи.

Обзор литературы

Исследованию проблематики либерализации торговли услугами в рамках интеграционных объединений посвятили свои работы ряд авторов стран СНГ. В частности, в /3/ рассмотрен правовой аспект создания общих рынков услуг в Европейском союзе, рассмотрены подходы к определению понятия «услуга», в /4/ в рамках рассмотрения формирования внутреннего рынка ЕС в целом авторы делают выводы о более низких темпах либерализации торговли услугами в ЕС, чем товарами, а также о слабом стимулировании роста сферы услуг из-за сохранения раздробленности рынков. В /5/ рассмотрены основные модели участия стран в региональных торговых соглашениях в области услуг, например США в НАФТА, ЕС, АСЕАН и на основе изученного опыта выра-

ботаны рекомендации для России при заключении подобных соглашений.

Отдельными авторами рассмотрены вопросы формирования единого рынка услуг в рамках СНГ /6/ и выработаны рекомендации по дальнейшей интеграции в сфере услуг в рамках единого экономического пространства России, Беларуси и Казахстана.

В отношении создания единых рынков услуг ЕАЭС относительно небольшое число авторов занималось лишь отраслевыми аспектами, к примеру, в работе /7/ рассмотрены вопросы создания единого рынка научно-исследовательских работ в ЕАЭС. В работах /8, 9/ освещены отдельные аспекты создания единого рынка аудиторских услуг в рамках ЕАЭС. В /10/ предметно рассмотрены вопросы создания единого рынка транспортных услуг в данном интеграционном объединении.

Попытка изучения вопросов необходимости и проблем формирования единого рынка услуг ЕАЭС в целом изложена в работе /11/. Вместе с тем, освещенные вопросы в целом направлены на развитие экспорта услуг стран ЕАЭС в третьи страны, что в соответствии с Договором о ЕАЭС находится в национальной компетенции государств-членов ЕАЭС и не является предметом либерализации торговли на внутреннем рынке интеграционного объединения.

Таким образом, предметные вопросы проблем формирования единых рынков услуг ЕАЭС в целом, а также анализ текущей ситуации являются недостаточно изученными.

Методология и информационная база

В исследовании использованы теоретический метод, описательный метод, статистические методы исследования. Информационной базой исследования послужила официальная статистическая информация Евразийской экономической комиссии и национальных статистических служб стран-членов ЕАЭС.

Результаты исследований

Регулирование внутренней торговли услугами в рамках ЕАЭС осуществляется согласно /2/ и Приложению 16 к /2/.

В соответствии с /2/, все услуги в рамках интеграционного объединения условно можно разделить на две группы. Первая группа – услуги, которые уже функционируют или будут функционировать в условиях общего (единого) рынка; вторая – услуги, по которым в ближайшее время не планируется создание общего рынка.

Для первой группы в /2/ введено понятие «единый рынок услуг ЕАЭС». Под этим понимается состояние рынка услуг в рамках конкретного сектора, в котором каждое государство-член предоставляет участникам интеграционного объединения право на:

1) поставку и получение услуг на условиях национального режима и режим наибольшего благоприятствования, не введения ограничений, касающихся: числа поставщиков в виде квоты; теста на экономи-

Таблица 1.

Внутренняя торговля услугами государств-членов ЕАЭС², 2014–2018 гг., млн долл.

	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2014 г., %
Экспорт услуг						
Беларусь	2305,6	1785,9	1740,5	2 267,7	2358,5	2,29
Казахстан	2272,9	2191,2	1777,1	1785,7	1 895,70	-16,60
Кыргызстан*	н/д	н/д	515,5	529,7	429,6	-16,60
Россия	4216,7	4379,0	3668,9	4245,3	4655,4	10,40
ЕАЭС**	8795,3	8356,1	7 702,00	8 828,30	9 339,2	6,18
Импорт услуг						
Беларусь	1517,5	1279,9	1223,4	1 581,8	1807,6	19,12
Казахстан	2350,7	2141,0	2048,8	2316,1	2036,9	-13,35
Кыргызстан*	н/д	н/д	521,7	487,5	543,3	4,14
Россия	3692,6	3417,2	3122,3	3615,3	3920,0	6,16
ЕАЭС**	7560,8	6835,7	6884,5	7957,1	8308,0	9,88
Внешнеторговый оборот услуг						
Беларусь	3823,0	3066,1	2963,5	3792,6	4166,0	8,97
Казахстан	4624,0	4332,2	3825,9	4101,9	3933,0	-14,94
Кыргызстан*	н/д	н/д	1037,4	1017,2	973,0	-6,21
Россия	7909,0	7793,8	6751,3	7818,1	8575,0	8,42
ЕАЭС**	16356,0	15192,1	14578,1	16729,8	17647,0	7,89

Источник: составлено авторами по данным /16/.**Примечание:** * - данные по Кыргызстану приведены с 2016 г., изменение в 2018 г. рассчитано по сравнению с 2016 г.;

** - суммарные данные по 4 странам.

ческую целесообразность; числа создаваемых юридических лиц, филиалов и представительств; формы учреждения; доли в уставном капитале и др. (однако предусмотрены так называемые «горизонтальные» ограничения, о которых будет сказано ниже);

2) поставку услуг без дополнительного учреждения в форме юридического лица на территории страны реципиента услуги;

3) поставку услуг на основании разрешения на их поставку, полученного поставщиком на территории своего государства;

4) признание профессиональной квалификации персонала поставщика услуг.

Важно отметить, что положения указанного раздела Договора /2/ не распространяются на все виды услуг, заказчиками которых являются предприятия энергетического, транспортного секторов, естественные монополии и финансовые рынки. Правила регулирования доступа к поставкам услуг в указанных сферах различны и регулируются отдельными разделами Договора.

Список секторов, в которых на сегодняшний день функционирует общий рынок, утвержден Решением Высшего Евразийского экономического совета /12/. На момент принятия документа он содержал 43 сектора, а после дополнений их число увеличилось до 53. Из

этих секторов, формально функционирующих в едином рынке ЕАЭС, около трети принято с изъятиями и оговорками. Например, для Казахстана в отношении строительных услуг был установлен переходный период 10 лет.

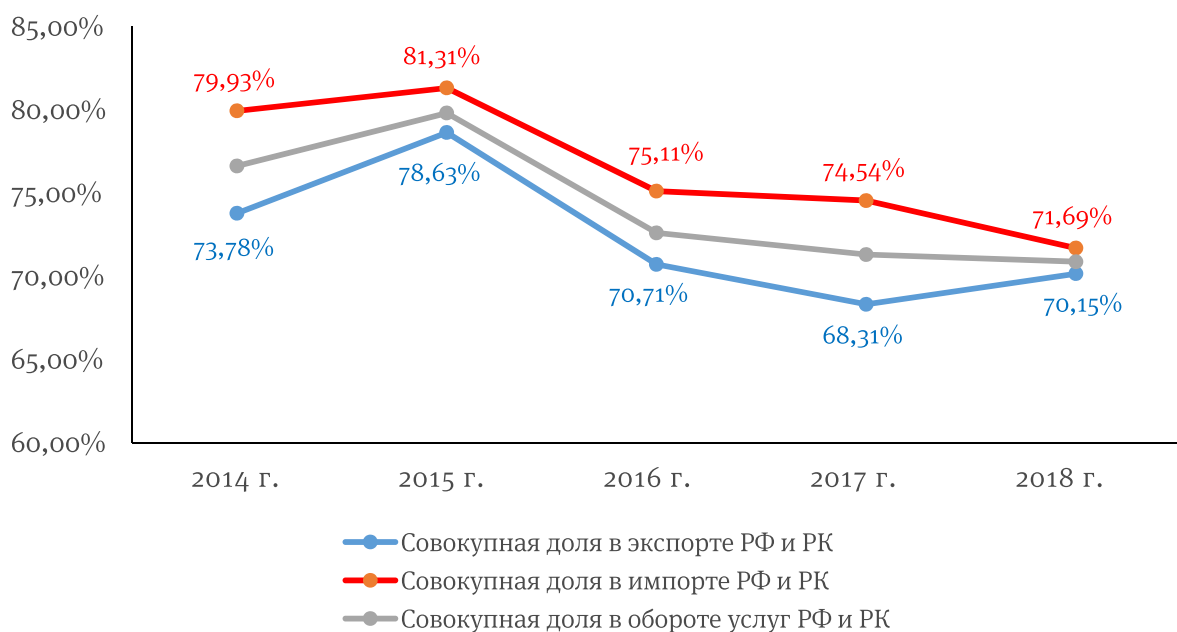
Ко второй группе на момент принятия вышеуказанных документов относилось 117 секторов услуг. В 2015 г. был утвержден 21 сектор /13/. По ним формирование единого рынка услуг в рамках ЕАЭС будет осуществлено в соответствии с планами либерализации. В отношении 16 из указанного 21 сектора услуг для нашей страны установлено изъятие до 2025 г.

После присоединения Казахстана к Соглашениям Всемирной торговой организации (ВТО) в 8 секторах (кинематография, консультативные геологические услуги, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, аренда и лизинг прогулочных судов, реклама и услуги недвижимости) наша страна отказалась от переходного периода. Поэтому указанные 8 секторов вошли в первую группу, доведя их количество до 53.

Как видим, обязательства государств-членов в отношении торговли услугами первой и второй групп, заложенные в Договоре о ЕАЭС /2/, различаются.

Страны-члены евразийской интеграции предусмотрели также «горизонтальные» ограничения». Это

² Данные по Армении отсутствуют.

Рисунок 1. Доли Казахстана и России во взаимной торговле услугами в ЕАЭС, 2014–2018 гг. (в %)

Источник: составлено авторами по данным /16/.

ограничения, которые сохраняются странами-членами в отношении всех секторов и видов деятельности: Беларусь – 8 ограничений, Казахстан оставил за собой право применения 11 ограничений, Россия – 12, Армения – 4, Кыргызстан – 12. Кроме того, страны закрепили «индивидуальные национальные перечни ограничений» /14/. Так, Армения закрепила 9 ограничений, Беларусь – 28, Казахстан – 30, Кыргызстан – 13, Россия – 38.

Для оценки влияния принятых мер на внутреннюю торговлю услугами в рамках ЕАЭС проанализируем некоторые показатели за последние 5 лет (табл. 1). Наибольший рост экспорта услуг в страны ЕАЭС в анализируемом периоде продемонстрировала Россия (10,4%), за ней следует Беларусь (2,29%).

Меры по формированию общих рынков услуг в рамках ЕАЭС оказали сдерживающее (в реальности – негативное) влияние на динамику экспорта услуг из Казахстана и Кыргызстана, что подтверждается снижением на 16,6%. Следует констатировать положительную динамику взаимной торговли услугами в ЕАЭС, о чем свидетельствуют темпы роста экспорта, импорта и внешнеторгового оборота. Такая динамика обусловлена в основном ростом этих показателей России, на долю которой приходится около 50% всего экспорта и импорта интеграционного образования.

Как ни парадоксально звучит, но позитивной тенденцией является снижение совокупной доли двух самых крупных членов ЕАЭС (России и Казахстана) во взаимной торговле услугами за последнее пятилетие (рис. 1). Их совокупная доля в интеграционном показателе уменьшилась: в экспорте на 3,63%, импорте – на 8,24%, внешнеторговом обороте – на 5,75%. Следовательно, происходит постепенная географическая диверсификация торговли услугами, снижение зависимости состояния единого рынка только от двух стран.

Соотношение долевых показателей внутренней и внешней торговли услугами в 2018 г. составило 1 к 10.

Это означает, что 90% внешнеторгового оборота услугами стран-участников ЕАЭС приходится на третьи страны. Понятно, что такое соотношение обусловлено во многом из-за России: доля внешней торговли услуг в 2018 г. составила 94,61%. В Казахстане и Беларуси соотношение внешней и внутренней торговли услугами также высокое – 79,6% к 20,5% и 70,7% и 29,3% соответственно.

Даже фрагментарный анализ наглядно показывает, что предпринятые меры по формированию общего рынка услуг, направленные на значительный рост объемов внутрирегиональной торговли в ЕАЭС, не привели к достижению поставленной цели. В период 2014–2018 гг. рост доли внутренней торговли услугами составил всего 1,65%, что в большей степени объясняется ростом цен, а не увеличением их объемов. В течение этого периода доля внутрирегионального экспорта снизилась у Кыргызстана на 9,5%, Казахстана – на 7,4%, Беларуси – на 2,2%. В России этот показатель увеличился менее чем на 1% (+0,79). Напротив, доля их экспорта услуг за пределы евразийской интеграции демонстрирует диаметрально противоположную динамику (табл. 2).

Понятно, что внутрирегиональный рынок услуг крайне важен как минимум для трех стран-членов ЕАЭС. Так, доля внутрирегиональной торговли в общем объеме торговли услугами составляет: в Казахстане – 20,5%, Беларуси – 29,3%, Кыргызстане – 54,3%.

Продолжая анализ причин сложившихся тенденций, обратимся к отраслевой структуре внутренней торговли услугами (табл. 3).

Наибольшие доли в экспорте услуг во внутренней торговле государств-членов ЕАЭС занимают 4 сектора, на суммарную долю которых в 2018 г. приходилось 75,6% всего внутреннего экспорта услуг: техническое обслуживание и ремонт (21,8%), поездки (20,3%), строительные услуги (17,6%), услуги по обработке материальных ресурсов, принадлежащих другим сторонам (15,6%).

Таблица 2.

Доля внутренней и внешней торговли услугами стран ЕАЭС, 2014–2018 гг. (в %)

	2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.		2018 г./2014 г.	
	внутр.	внеш.	внутр.	внеш.	внутр.	внеш.	внутр.	внеш.	внутр.	внеш.	внутр.	внеш.
Экспорт услуг												
Беларусь	29,0	71,0	26,9	73,1	25,5	74,5	28,5	71,5	26,8	73,3	-2,24	2,24
Казахстан	33,4	66,6	33,8	66,2	28,2	71,8	27,7	72,3	26,0	74,1	-7,43	7,43
Кыргызстан*	н/д	н/д	н/д	н/д	61,3	38,7	64,3	35,7	51,8	48,2	-9,53	9,53
Россия	6,4	93,6	11,8	88,2	7,2	92,8	7,3	92,7	7,2	92,8	0,79	-0,79
ЕАЭС**	11,0	89,0	16,6	83,4	11,9	88,1	12,0	88,0	11,5	88,6	0,47	-0,47
Импорт услуг												
Беларусь	26,3	73,7	29,2	70,8	28,1	71,9	32,6	67,4	33,5	66,5	7,17	-7,17
Казахстан	17,0	83,0	18,5	81,5	18,5	81,5	21,3	78,7	17,0	83,0	0,03	-0,03
Кыргызстан*	н/д	н/д	н/д	н/д	50,0	50,0	53,2	46,8	56,4	43,6	6,42	-6,42
Россия	3,1	97,0	3,8	96,2	4,1	95,9	4,0	96,0	4,2	95,9	1,10	-1,10
ЕАЭС**	5,4	94,6	6,5	93,5	7,6	92,4	7,5	92,5	7,4	92,6	1,98	-1,98
Внешнеторговый оборот услуг												
Беларусь	27,9	72,1	27,8	72,2	26,5	73,5	30,0	70,0	29,3	70,7	1,43	-1,43
Казахстан	22,5	77,5	24,0	76,0	22,0	78,0	23,7	76,3	20,5	79,6	-2,00	2,00
Кыргызстан*	н/д	н/д	н/д	н/д	55,0	45,0	58,5	41,5	54,3	45,7	-0,73	0,73
Россия	4,2	95,8	6,2	93,8	5,4	94,6	5,3	94,7	5,4	94,6	1,16	-1,16
ЕАЭС**	7,4	92,6	9,8	90,2	9,4	90,6	9,4	90,6	9,1	90,9	1,65	-1,65

Источник: составлено авторами по данным /16/.

Примечание: * - данные по Кыргызстану приведены с 2016 г., в связи с чем изменение рассчитано в 2018 г. по сравнению с 2016 г.;

** - суммарные данные по 4 странам, так как данные по Армении отсутствуют.

Таблица 3. Доля внутренней торговли по видам услуг в ЕАЭС, 2014–2018 гг. (в % к суммарному показателю)

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г./2014 г.
	Экспорт					
Всего	10,9	16,6	11,9	12,0	11,4	0,5
Услуги по обработке материальных ресурсов, принадлежащих другим сторонам	17,6	16,1	12,4	16,4	15,6	-2,0
Техническое обслуживание и ремонт	17,2	17,8	15,2	18,7	21,8	4,6
Транспортные услуги	9,5	26,5	8,7	8,2	7,8	-1,7
Поездки	16,7	26,4	25,5	24,6	20,3	3,6
Строительные услуги	15,2	13,8	12,4	17,6	17,6	2,4
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	6,8	4,8	7,4	10,1	7,7	0,9
Финансовые услуги	11,3	12,0	12,5	11,7	10,5	-0,8
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	19,0	22,2	14,0	11,2	10,6	-8,4
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	10,9	11,1	10,1	8,4	8,0	-2,9
Прочие деловые услуги	6,2	7,4	7,2	7,0	7,5	1,3
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	10,6	13,2	12,6	16,5	13,7	3,1
Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим категориям	2,4	2,7	3,1	1,8	4,2	1,8
Не распределено по услугам	0,0	0,0	57,5	67,3	-	-
Импорт						
Всего	5,4	6,5	7,6	7,5	7,4	2,0
Услуги по обработке материальных ресурсов, принадлежащих другим сторонам	68,5	75,3	83,4	90,5	90,4	21,9
Техническое обслуживание и ремонт	12,4	14,7	13,1	14,0	14,8	2,4
Транспортные услуги	8,5	10,4	10,9	10,9	11,3	2,8
Поездки	4,2	6,2	8,7	6,6	6,1	1,9
Строительные услуги	9,1	9,4	10,8	16,6	19,6	10,5
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	1,8	1,4	2,7	3,1	4,4	2,6
Финансовые услуги	5,4	5,7	4,6	4,4	4,8	-0,5
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	1,0	1,1	1,1	1,0	1,3	0,3
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	8,4	9,7	8,4	8,9	8,6	0,2
Прочие деловые услуги	4,4	3,8	4,0	4,4	3,7	-0,7

Продолжение таблицы 3. Доля внутренней торговли по видам услуг в ЕАЭС, 2014–2018 гг. (в % к суммарному показателю)

Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	2,9	4,4	4,4	5,4	3,7	0,8
Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим категориям	1,1	1,3	1,3	1,6	1,7	0,7
Не распределено по услугам	0,0	0,0	23,1	22,4	28,7	28,7
Внешнеторговый оборот						
Всего	7,4	9,8	9,4	9,4	9,1	1,7
Услуги по обработке материальных ресурсов, принадлежащих другим сторонам	24,3	24,7	21,9	28,1	27,2	2,9
Техническое обслуживание и ремонт	14,8	16,3	14,1	16,3	17,8	3,1
Транспортные услуги	9,1	16,3	9,6	9,3	9,2	0,1
Поездки	6,8	10,7	13,4	11,3	10,1	3,3
Строительные услуги	11,3	11,2	11,5	17,0	18,5	7,2
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	2,9	2,5	4,2	4,9	5,6	2,7
Финансовые услуги	7,5	7,9	7,1	6,6	7,0	-0,6
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	2,4	3,5	2,4	2,1	2,4	0,0
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	9,5	10,3	9,2	8,6	8,3	-1,2
Прочие деловые услуги	5,1	5,2	5,2	5,3	5,0	-0,1
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	5,1	6,4	6,7	8,2	6,1	1,0
Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим категориям	1,5	1,8	2,0	1,7	2,9	1,4
Не распределено по услугам	0,0	0,0	37,8	43,0	28,6	28,6

Источник: составлено авторами по данным /16/.

Примечание: * - данные по Кыргызстану приведены с 2016 г., в связи с чем изменение рассчитано в 2018 г. по сравнению с 2016 г.; ** - суммарные данные по 4 странам, так как данные по Армении отсутствуют.

Таблица 4. Динамика и структура экспорта услуг стран-членов ЕАЭС, 2014–2018 гг.

Сектор услуг	Суммарный экспорт								Экспорт в страны ЕАЭС							
	доля в суммарном экспорте страны за 2014 - 2018 г., %				прирост (снижение) 2018 г. к 2014 г., %				доля во взаимной торговле со странами ЕАЭС за 2014–2018 гг., %				прирост (снижение) 2018 г. к 2014 г., %			
	РБ	РК	КР	РФ	РБ	РК	КР	РФ	РБ	РК	КР	РФ	РБ	РК	КР	РФ
Услуги по обработке материальных ресурсов, принадлежащих другим сторонам	2,2	0,18	н/д	2,5	-0,46	+0,16	н/д	+0,2	5,2	0,16	н/д	3,38	-0,97	+0,11	н/д	-0,46
Техническое обслуживание и ремонт	10,8	0,77	н/д	2,83	+1,65	+0,55	н/д	-0,07	7,3	1,42	н/д	3,95	+4,2	+1,04	н/д	-0,49
Транспортные услуги	45	55	23,5	33,19	-3,32	-1,47	+5,98	+3,02	25,7	51,7	24,9	16,6	-0,7	-14,7	+12,4	-0,51
Поездки	10,4	29,9	53	16,7	-0,9	+2,3	+3,95	-0,11	18,7	34,6	53,2	36,7	+0,45	+9,93	-9,4	+3,87
Строительные услуги	13	0,29	3,7	7,68	-5,96	+0,04	-5,9	+1,23	18,3	0,19	1,18	11,4	-3,7	+0,79	+0,004	+4,5
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	0,25	1,1	0,04	0,77	-0,1	0,14	+0,02	+0,2	0,45	?	0,03	0,67	+0,09	0	+0,07	+0,3
Финансовые услуги	0,43	0,3	1,8	2,23	-0,05	-0,13	+1,07	-0,3	0,56	0,07	2,32	3,23	-0,46	+0,16	+2,74	-1,26
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	0,5	0,02	0,16	1,2	+0,26	-0,01	-0,25	+0,34	0,51	0,02	0,22	2,41	+0,4	-0,01	-0,46	-1,22
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	16,7	1,97	5,1	7,7	+9,7	-0,4	-5,2	+1,29	10,14	3,7	6,9	6	+0,11	-1,13	-6,9	-6,1
Прочие деловые услуги	8,03	6,74	2,9	22,9	-0,6	-1	-2,6	-5,3	12,5	6,8	1,88	14,3	+0,34	+1,94	-3,8	-3,76
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	0,22	0,01	0,1	0,87	+0,04	-0,01	+0,0008	-0,13	0,6	0,03	0,05	1,31	+0,29	-0,05	-0,03	-0,08
Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим	0,35	3,75	1,3	1,54	-0,21	-0,34	+1,08	+0,17	0,08	1,24	0,37	0,08	+0,002	+2,03	+0,46	-0,06
Не распределены по категориям	н/д	н/д	8,5	н/д	н/д	н/д	+1,85	н/д	н/д	н/д	8,9	н/д	н/д	н/д	+3,71	н/д

Источник: составлено авторами по данным /16/.
Примечание: * - данные по Кыргызстану приведены с 2016 г., в связи с чем изменение рассчитано в 2018 г. по сравнению с 2016 г.;
 ** - суммарные данные по 4 странам, так как данные по Армении отсутствуют.

Именно поэтому три из четырех указанных секторов были выбраны для проведения первоочередных мероприятий по созданию общего рынка. Они же показали рост доли в экспорте, импорте и внешнеторговом обороте стран-членов ЕАЭС: рост доли экспорта услуг по техническому обслуживанию и ремонту составил 4,6%, поездок – 3,6%, строительных услуг – 2,4%; рост доли импорта услуг по техническому обслуживанию и ремонту составил 2,42%, поездок – 1,92%, строительных услуг – 10,53%; рост доли оборота услуг по техническому обслуживанию и ремонту составил 3,07%, поездок – 3,32%, строительных услуг – 7,23%.

Безусловно, это небольшой рост анализируемых показателей. Но объясняется это тем, что определенный сектор услуг состоит из множества подсекторов, в каждом из которых идет отдельная работа по либерализации рынков.

Важно отметить, что в секторах, где общие рынки в полной мере еще не созданы, наблюдается снижение долевых показателей экспорта во внутренней торговле услугами: финансовые (-0,8%) и транспортные (-1,7%). В этих секторах остаются страновые барьеры и исключения, которые ухудшили показатели стран-участников ЕАЭС. Например, доля транспортных услуг в экспорте Казахстана велика: в 2018 г. – 55%. Однако отказ страны от участия в Программе либерализации каботажных перевозок /15/ привел к снижению доли данного сектора в период 2015–2018 гг. на 14,7% (табл. 4).

Анализ объемов внутреннего экспорта услуг стран-участников ЕАЭС показывает, что поставки из Беларуси фактически осуществляются только одному основному партнеру – России (95% от всего белорусских экспорта услуг в ЕАЭС). Казахстан экспортирует услуги в основном в Россию (88 %) и Кыргызстан 10,6 %, а Кыргызстан в Казахстан (50%) и Россию (49,69%) /16/.

Экспорта услуг из Беларуси в Казахстан и Кыргызстан, и соответственно, из Кыргызстана и Казахстана в Беларусь не было до создания ЕАЭС (в 2014 г.). Этот показатель существенно не вырос и после создания и функционирования интеграционного объединения. Добавим, что торговля по большинству видов услуг полностью отсутствует.

Незначительными исключениями являются:

- небольшой рост экспорта услуг технического обслуживания и ремонта, транспортных услуг из Беларуси в Казахстан;

- незначительный рост экспорта транспортных услуг за последнее пятилетие из Кыргызстана в Армению (с 0,4 до 0,7 млн долл. США), экспорта услуг «Поездки» из Кыргызстана в Беларусь (с 6 до 10,2 млн долл. США) и государственных товаров и услуг, не отнесенных к другим категориям, в Беларусь (с 3,9 до 5,5 млн долл. США).

Необходимо отметить, что помимо множества изъятий и ограничений из общих рынков услуг в ЕАЭС имеют место барьеры – нарушения взятых на себя обязательств. Это связано с тем, что государства-члены ЕАЭС не закрепили в Договоре /2/ прямых обязательств по приведению национального законодательства в соответствие с правилами единого рынка услуг. Например, в отношении строительных услуг, несмотря на их наличие в едином евразийском рынке услуг, страны до

настоящего времени не признают квалификацию друг друга и разрешения – лицензии, аттестаты. В России требуется вступление в саморегулируемые организации в строительстве для договоров «генподряда». Такого рода барьеры имеются и в отношении услуг спортивных арбитров и тренеров: страны ЕАЭС не обеспечивают автоматическое признание их квалификации.

Выводы и рекомендации

Результаты проведенного анализа позволили выявить тенденции предпринимаемых странами-членами ЕАЭС мер по формированию единого рынка услуг.

Во-первых, следует констатировать, что эти меры недостаточно действенные и требуют дальнейшего совершенствования, поскольку:

- 1) торговля услугами между партнерами по интеграционному объединению так и не началась, по многим секторам между странами-членами она практически отсутствует (Беларусь – Казахстан, Кыргызстан – Беларусь);

- 2) за 5 лет работы ЕАЭС удалось покрыть внутренними услугами лишь 1,7% импорта из третьих стран;

- 3) в течение последних 5 лет долевые показатели внутреннего экспорта стран-членов по многим секторам услуг существенно не увеличились, а по отдельным, напротив, уменьшились;

- 4) в секторах, по которым проведена определенная работа по формированию общих рынков услуг, долевые показатели внутренней торговли увеличились, хотя и незначительно (техническое обслуживание и ремонт, строительство, поездки);

- 5) в секторах услуг, по которым общие рынки еще не созданы, наблюдается снижение доли внутренней торговли (например, финансовые услуги).

Во-вторых, основными причинами, влияющими на текущее состояние развития торговли услугами между участниками интеграционного образования, являются:

- неимплементация правил единого рынка услуг ЕАЭС в национальное законодательство стран-участниц;

- наличие барьеров (нарушений права ЕАЭС) по свободному оказанию услуг;

- множество закрепленных изъятий и ограничений;

- затягивание сроков либерализации отдельных секторов услуг.

Резюмируя изложенное, полагаем необходимым:

- провести работу по имплементации правил единого рынка услуг ЕАЭС в национальное законодательство стран-членов;

- ускорить работу по либерализации торговли услугами по оставшимся секторам услуг;

- ускорить процедуры подписания соглашений об административном сотрудничестве уполномоченных ведомств по обмену информацией;

- осуществить полноценный опрос (мониторинг) субъектов предпринимательства о фактической реализации правил единого рынка услуг во всех подсекторах;

- провести работу по снижению имеющихся изъятий и ограничений во взаимной торговле услугами. ■

Литература

1. International trade in services bulletin 2018. UNCTAD/GDS/DSI/MISC/2019/9. [\[электронный ресурс\]](#)
2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. [\[электронный ресурс\]](#) / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан.
3. Постникова Е.В. Свобода предоставления услуг в Европейском Союзе : правовой аспект : диссертация канд. юрид. наук : 12.00.10 / Постникова Елена Владимировна. – М., 2010. – 260 с.
4. Буренин В.А., Скурова А.В., Марков А.К., Сотников А.В. Достижения и проблемы в формировании единого внутреннего рынка ЕС / Буренин В.А., Скурова А.В., Марков А.К., Сотников А.В. // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – №9. – С. 108-118.
5. Бирюкова О.В. Модели участия стран в региональных торговых соглашениях в области услуг // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. № 4. С. 38-54.
6. Бирюкова О.В. Проблемы и перспективы формирования регионального рынка услуг стран СНГ // Общество и экономика. 2011. № 6. С. 77–92.
7. Кузьмин В.Н., Илюхина Е.А., Воронежская Л.Г., Мелоян С.В. Развитие единого рынка услуг научно-исследовательских работ в Евразийском экономическом союзе // Экономика науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 215–229.
8. Булгакова Л.И. Построение единого рынка аудиторских услуг в ЕАЭС. Colloquim-journal. #13 (37) 2019. стр. 168-169.
9. Васильчук О.И., Михаленок Н.О., Шнайдер В.В. К вопросу современных подходов формирования единого рынка аудиторских услуг. Икономически науки. Балканско научно обозрение. 2019. Т. 3. № 3(5). С. 83-86.
10. Асаул М.А., Мохов А.Е. Формирование единого транспортного пространства и общего рынка транспортных услуг в ЕАЭС. Государство и транспорт. Транспорт Российской Федерации. № 2 (75). 2018. С. 6-9.
11. Шкутько О.Н. Единый рынок услуг ЕАЭС: необходимость и проблемы формирования. Международная торговля и торговая политика. 2018. № 1 (13).
12. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 110 «Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза». / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. [\[электронный ресурс\]](#).
13. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 30 «Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, по которым формирование единого рынка услуг в рамках Евразийского экономического союза будет осуществлено в соответствии с планами либерализации (в течение переходного периода)» [\[электронный ресурс\]](#).
14. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 112 «Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации». [\[электронный ресурс\]](#) / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан.
15. Решение Высшего евразийского экономического совета от 8 мая 2015 г. № 13 «О Программе поэтапной либерализации выполнения перевозчиками, зарегистрированными на территории одного из государств – членов Евразийского экономического союза, автомобильных перевозок грузов между пунктами, расположенными на территории другого государства – члена Евразийского экономического союза, на период с 2016 по 2025 годы». [\[электронный ресурс\]](#) / Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан.
16. Экспорт и импорт услуг в Евразийском экономическом союзе. 2018 год. Статистический Бюллетень. [\[электронный ресурс\]](#) / Евразийская экономическая комиссия.

References

1. International trade in services bulletin 2018. [electronic resource]
2. Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. The Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014. [electronic resource]
3. Postnikova E.V. Freedom of Service in the European Union. Moscow. 2010. 260 p.
4. Burenin V.A., Skurova A.V., Markov A.K., Sotnikov A.V. Achievements and problems of the EU internal market formation. Russian Foreign Economic Bulletin. 2015. No. 9, pp. 108-118.
5. Biryukova O.V. Models of countries' participation in regional trade agreements in the field of services. Russian Foreign Economic Bulletin. 2014. No. 4. pp. 38-54.
6. Biryukova O.V. Problems and prospects of the CIS countries regional services market forming. Society and Economics. 2011. No. 6. pp. 77-92.
7. Kuzmin V.N., Ilyukhina E.A., Voronetskaya L.G., Meloyan S.V. Development of the Eurasian Economic Union research services market. Science of economics. 2019. Vol. 5. No. 3. pp. 215-229.
8. Bulgakova L.I. Building a single market for audit services in the EAEU. Colloquim-journal. № 13 (37) 2019. p. 168-169.
9. Vasilchuk O.I., Mikhalenok N.O., Schneider V.V. On the issue of modern approaches t of the audit services single market formation. Economic science. Balkan Scientific Review. 2019. No. 3 (5). pp. 83-86.
10. Asaul M.A., Mokhov A.E. The EAEU common transport space and transport services market formation. State and transport. Transport of the Russian Federation. No. 2 (75). 2018. pp. 6-9.
11. Shkutko O.N. EAEU Single Services Market: Necessity and Problems of Formation. International trade and trade policy. 2018. No. 1 (13).
12. On approval of the list of service sectors (subsectors) for which the services single market formation will be carried out in accordance with liberalization plans (during the transition period) within the Eurasian Economic Union Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated December 23, 2014 No. 110. [electronic resource].
13. On approval of the list of service sectors (subsectors) for which the services single market formation will be carried out in accordance with liberalization plans (during the transition period) within the Eurasian Economic Union. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated October 16, 2015 No. 30 [electronic resource].
14. On approval of individual national lists of restrictions, exceptions, additional requirements and conditions within the Eurasian Economic Union for the Republic of Armenia, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council dated December 23, 2014 No. 112. [electronic resource]
15. Regulatory legal acts: information and legal system of the Republic of Kazakhstan. Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of May 8, 2015 No. 13 [electronic resource]
16. Export and import of services in the Eurasian Economic Union. Eurasian Economic Commission. 2018. Statistical Bulletin. [electronic resource]

Аңдатпа

Мақалада Еуразиялық экономикалық одақ шеңберінде ортақ нарықтарды құруды ескере отырып, қызметтер саудасын реттеудің халықаралық тәжірибесін зерделеудің маңыздылығы негізделеді. Еуразиялық интеграциялық бірлестік қызметтерінің ортақ нарығын құру бойынша қабылданған шаралардың әсерін авторлық бағалау, проблемалық мәселелер анықталды және оны дамытуға ұсыныстар берілді. Мақала авторымен интеграциялық бірлестіктің ортақ нарығын құру бойынша қол жеткізілген деңгейге мазмұнды сыни талдау жүзеге асырылды, уағдаластықтардың осал орындары анықталды, алып тастаулар мен шектелулердің массасы бар нақты көрініс көрсетілді. Сонымен қатар, автордың жеке есеп айырысу негізінде Еуразиялық экономикалық одақтың жұмыс істеген 5 жыл ішінде онда көрсетілетін ішкі сауда үлесін айтарлықтай ұлғайту мүмкін еместігі дәлелденді.

КРЕДИТНЫЕ РЕСУРСЫ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КАЗАХСТАНЕ И СТРАНАХ ОЭСР¹

Ерлан КАРИМОВ*

Аннотация

Цель – выявление доступности кредитных ресурсов для субъектов малого и среднего предпринимательства. Методология – экономико-статистические и графические методы. Новизна – сравнительная оценка состояния кредитования субъектов предпринимательства в странах Организации экономического сотрудничества и развития и Казахстане.

Результаты – на основе изучения передовой международной практики выявлены тенденции и перспективные направления развития отечественного рынка кредитования субъектов малого и среднего бизнеса. Выводы – необходимо разработать новые правила формирования резервов банков второго уровня с учетом финансовых возможностей заемщика для последующей переоценки залогового имущества, определена необходимость развития альтернативных источников финансирования субъектов предпринимательства (факторинг, лизинг, секьюритизационная платформа, инструменты фондового рынка), предложены рекомендации по дальнейшему совершенствованию сферы кредитования.

Ключевые слова: кредитование, предпринимательство, микрокредитование, процентная ставка, субсидирование.

Abstract

Goal – identify the availability of credit resources for small and medium-sized enterprises. Methodology – economic-statistical and graphical methods. Novelty is a comparative assessment of the state of lending to business entities in the countries of the Organization for Economic Cooperation and Development and Kazakhstan.

Results – based on the study of international best practices, trends and promising areas of development of the domestic lending market for small and medium-sized businesses have been identified. Conclusions – it is necessary to develop new rules for the formation of reserves of second-tier banks taking into account the financial capabilities of the borrower for the subsequent revaluation of collateral, the need to develop alternative sources of financing for business entities (factoring, leasing, securitization platform, stock market tools) is identified, recommendations are proposed for further improvement of the lending sphere.

Key words: lending, enterprise, microcredit, interest rate, subsidies.

¹ Инициативная статья.

* Ведущий эксперт Центра развития предпринимательства АО «Институт экономических исследований».

Введение

Доступ к финансовым ресурсам имеет чрезвычайно важное значение для развития предпринимательства. Недостаток собственных средств и ограниченный доступ к инструментам финансирования является одной из основных причин снижения темпов развития предприятий и/или закрытия бизнеса. Учитывая ключевую роль предпринимательства в обеспечении устойчивого и стабильного роста национальной экономики, правительства многих стран используют различные механизмы поддержки предпринимательства, в т. ч. через предоставление финансовых стимулов. Казахстан не является исключением. На сегодняшний день в стране действует государственная программа поддержки предпринимательства до 2020 г. /5/, направленная на всестороннюю поддержку бизнеса через предоставление как финансовых, так и нефинансовых инструментов поддержки. Эффективность ее реализации способствовала пролонгации сроков реализации до 2025 г. Продление сроков действия программы на следующий пятилетний период предполагает дополнительное ежегодное выделение денежных средств из государственного бюджета в размере 30 млрд тенге. Это позволит создать дополнительные рабочие места (22 тыс. обеспечит поступление налогов в бюджет в размере 224 млрд тенге и увеличит производство продукции на 3 трлн тенге).

Предоставление дополнительных финансовых стимулов для бизнеса будет весьма своевременной мерой. Действительно, отечественный малый и средний бизнес не в полной мере оправился от последствий глобального финансового кризиса. Он по-прежнему нуждается в дополнительных финансовых стимулах со стороны государства. По данным авторитетного

исследования /1/, одной из ключевых проблем, сдерживающей развитие малого и среднего предпринимательства (МСП) в нашей стране, является ограниченный доступ к кредитным ресурсам. Это обуславливает актуальность анализа данной проблемы.

Методология анализа и информационная база

Содержательный обзор казахстанского рынка кредитования субъектов малого и среднего бизнеса за период 2010–2017 гг. осуществлен на основе экономико-статистических и графических методов. Информационной базой послужили данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирного банка, Национального банка Казахстана и Комитета по статистике Министерства национальной экономики (КС МНЭ) страны.

Сравнительный анализ

Анализ данных, представленных в /2/ за период 2010–2017 гг., свидетельствует о росте объемов выделенных кредитов субъектам МСП. Исключение составляет период 2011–2013 гг., в течение которого наблюдались незначительные колебания в сторону увеличения и уменьшения кредитного портфеля МСП. В целом за рассматриваемый период объем выделенных средств субъектам МСП вырос почти вдвое и составил по итогам 2017 г. 2789 млрд тенге. Одновременно наблюдается рост краткосрочных и долгосрочных кредитов. При этом в общем объеме кредитования на протяжении последних семи лет преобладают долгосрочные кредиты (рис. 1).

Сопоставительный анализ показателей объема кра-

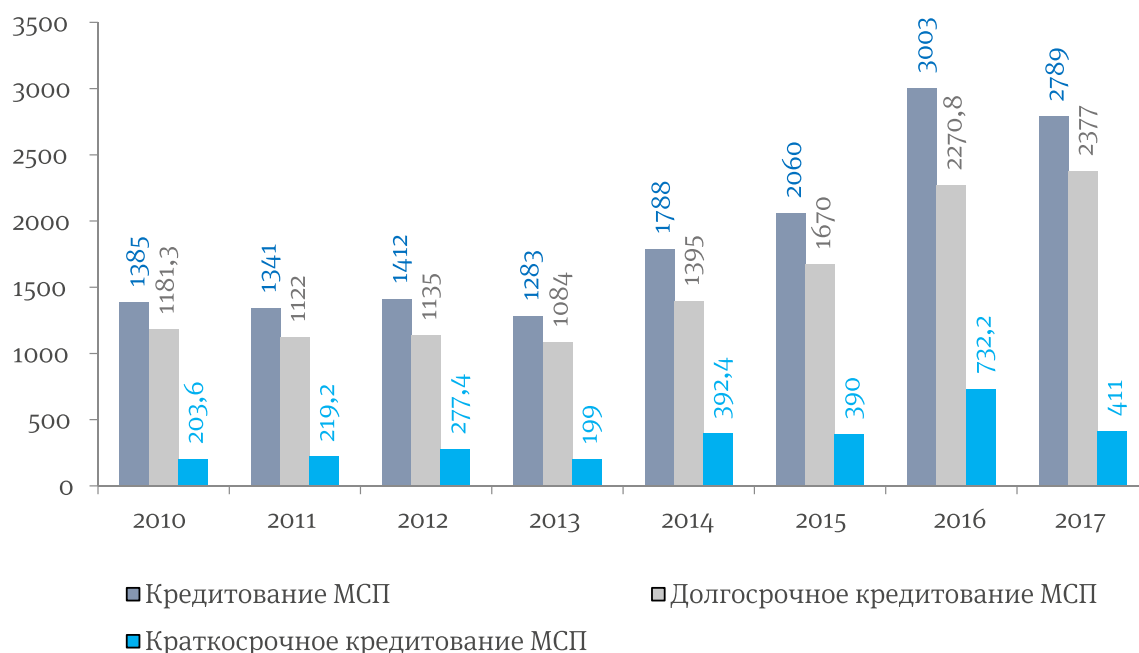

Рисунок 1. Кредитный портфель МСП в Казахстане, 2010–2017 гг. (млрд тенге).

Источник: составлено авторами по данным /3/.

Таблица 1. Доля краткосрочных кредитов МСП в структуре кредитного портфеля в странах ОЭСР и Казахстане, 2010–2016 гг. (в %)

Страна/год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Австрия	54,6	52,2	52,4	51,1	48,8	41,2	40,1
Канада	36,3	35,1	39,0	46,0	55,7	47,2	36,2
Чили	60,2	63,3	60,3	47,8	41,9	36,9	35,8
Эстония	16,8	19,4	18,7	19,2	19,6	18,0	18,5
Финляндия	20,2	20,4	20,8	17,9	18,3	19,6	20,5
Франция	26,8	26,6	25,7	25,5	25,0	24,7	24,3
Венгрия	78,6	77,2	78,9	56,9	59,8	66,1	64,7
Ирландия	86,7	86,9	85,1	83,3	75,5	62,0	67,1
Италия	26,8	26,4	26,6	25,6	25,1	23,6	22,9
Латвия	39,0	38,1	38,2	34,3	31,8	35,1	27,7
Нидерланды	85,1	87,9	87,2	87,3	86,7	85,8	86,4
Норвегия	16,9	16,7	18,9	18,7	19,1	18,2	18,0
Польша	25,2	24,9	24,6	23,2	23,7	23,1	22,8
Португалия	31,1	29,8	23,9	22,9	19,4	17,6	18,8
Словакия	41,4	39,5	40,6	42,2	45,2	43,8	42,6
Словения	28,5	31,6	33,5	30,5	18,2	14,7	17,9
Испания	93,3	95,4	95,2	93,3	92,5	92,8	90,0
Казахстан	14,8	16,3	19,6	15,5	22,0	18,9	26,6

Источник: составлено автором по данным /2/.

ткосрочных кредитов в структуре кредитования МСП Казахстана и стран ОЭСР наглядно свидетельствует, что в Казахстане отмечается их низкий уровень (табл. 1).

Сравнение объема кредитования частного сектора в Казахстане и отдельных странах ОЭСР по отношению к валовому внутреннему продукту (ВВП) показывает, что наша страна значительно отстает от развитых экономик.

В 2017 г. этот показатель составил чуть менее одной

трети ВВП страны (рис. 2).

Низкий уровень финансирования субъектов МСП банками второго уровня (БВУ) и, как следствие, ограниченность финансовых ресурсов для их развития связаны с наличием институциональных ограничений в финансовом секторе Казахстана. Серьезным барьером в получении банковских займов для субъектов МСП выступает в первую очередь высокая процентная ставка по кредитам. Анализ данных за период 2010–2017 гг. показывает, что ставка по кредитам БВУ в нашей стра-

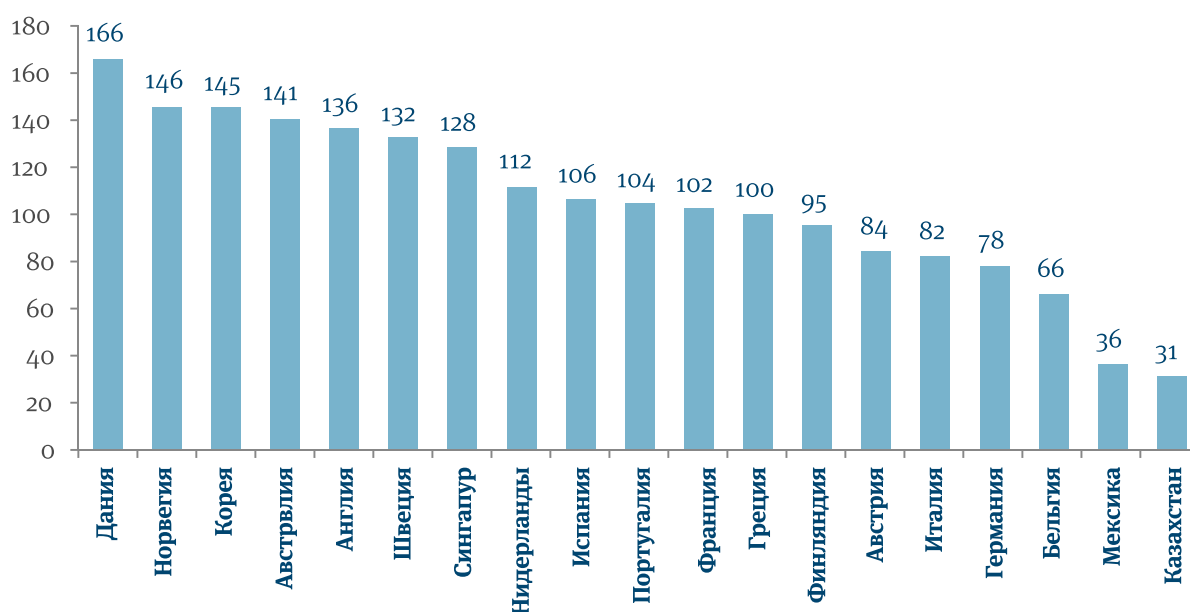

Рисунок 2. Внутреннее кредитование в Казахстане и некоторых странах ОЭСР, 2017 г. (в процентах к ВВП)

Источник: составлено автором по данным Всемирного банка /4/.

Таблица 2. Объем выдачи кредитов в Казахстане, 2010–2017 гг.

Индикатор/год	ед. изм.	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
		Долговые обязательства							
1. Кредитный портфель МСП	Млрд. тг.	1385	1341	1412	1283	1788	2060	3003	2789
2. Кредитный портфель БВУ	Млрд. тг.	5892	6849	7534	8110	8533	9027	9234	10820
3. Доля выданных кредитов для МСП в структуре кредитного портфеля БВУ	%	23,5	19,6	18,7	15,8	20,9	22,8	32,5	25,8
4. Совокупное кредитование бизнеса	Млрд. тг.	3291	4795	5774	6109	8044	7345	7724	н/д
5. Кредитование вновь созданных МСП	Млрд. тг.	690,1	794,5	1050	889,7	1198	1279	1984	1349
6. Доля кредитования новых субъектов МСП в структуре кредитного портфеля	%	20,97	16,57	18,18	14,56	14,90	17,41	25,68	н/д
7. Краткосрочные кредиты для МСП	Млрд. тг.	203,6	219	277	199	392,2	390	732,2	411
8. Долгосрочные кредиты для МСП	Млрд. тг.	1 181,3	1122	1135	1084	1395,8	1670	2270,8	2377
9. Доля краткосрочных кредитов в структуре кредитного портфеля МСП	%	14,7	16,3	19,6	15,5	21,9	18,9	24,4	14,7
10. Субсидирование части ставки вознаграждения по кредитам/договорам финансового лизинга банков/банка развития/лизинговых компаний	Млрд. тг.	5,5	6,1	10,3	24,4	22,6	33,9	30,6	27,5
11. Частичное гарантирование по кредитам БВУ	Млрд. тг.	0,339	2,06	3,85	3,34	7,28	11,02	11,95	н/д
12. Предоставление государственных грантов	Млрд. тг.	...	0,1	0,6	1,7	0,8	0,9	0,6	0,7
13. Развитие производственной инфраструктуры	Млрд. тг.	4,8	15,5	16,7	17,5	14,9	18,2	16,1	15,0
14. Необслуживаемые кредиты, всего (NPL)	%	н/д	н/д	29,8	31,15	23,55	7,95	6,72	7,4
15. Необслуживаемые кредиты МСП (NPL)	%	...	...	22,33	22,40	11,74	12,69	8,79	...
16. Процентная ставка по кредитам для МСП	%	13,34	12,49	12,10	12,46	11,48	12,95	14,01	13,66
17. Процентная ставка по кредитам для крупного бизнеса	%	12,72	11,08	10,58	10,07	10,01	13,47	14,49	16,5
18. Разница в процентных ставках МСП и крупного бизнеса	%	0,62	1,41	1,52	2,39	1,47	-0,52	-0,48	-1,2
Альтернативное финансирование									
1. Лизинг и потребительское кредитование	Млрд. тг.	60,35	80,1	84,5	106,8	129	126,6	167	н/д
Нефинансовая поддержка									
Повышение квалификации и переподготовка кадров в сфере предпринимательства	Млрд. тг.	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Компонент «Обучение топ-менеджмента МСП»	Млрд. тг.	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,3	0,3
Другие индикаторы									
1. Банкротство, всего	единиц	8	40	85	150	174	306	659	1458
2. Банкротство, в % к предыдущему году	%	300	400	112,5	76,47	16	75,86	115,4	121,2

Источник: составлено автором по данным /з/ и Национального банка Казахстана.

Примечание: н/д – данные отсутствуют.

Таблица 3. Процентная ставка для МСП в странах ОЭСР и Казахстане, 2010–2017 гг.

Страна/год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Австралия	8,29	7,94	7,07	6,43	6,18	5,58	5,29	5,23
Бельгия	2,51	2,88	2,32	2,06	2,09	1,83	1,73	1,66
Канада	5,8	5,3	5,4	5,6	5,1	5,1	5,3	5,20
Чили	н/д	н/д	н/д	11,8	10,33	9,29	9,25	8,42
Чехия	4,01	3,73	3,48	3,13	3,76	2,7	2,5	2,50
Дания	4,39	4,38	3,91	3,78	3,44	3,0	2,74	2,49
Эстония	5,06	4,92	4,02	3,41	3,36	3,04	2,96	2,99
Финляндия	2,66	3,23	2,86	2,81	2,94	2,96	2,76	2,75
Франция	2,48	3,11	2,43	2,16	2,08	1,78	1,5	1,40
Греция	5,53	6,77	6,87	6,51	5,8	5,38	5,32	4,91
Венгрия	8,99	9,38	9,7	7,4	5,1	4,7	4,2	3,30
Ирландия	3,88	4,68	4,34	4,3	4,78	4,77	4,65	4,28
Израиль	5,0	5,62	5,52	4,89	4,22	3,16	3,23	4,01
Италия	3,7	5,0	5,6	5,4	4,4	3,84	3,2	3,10
Корея	6,12	6,31	5,52	4,91	4,41	3,74	3,58	3,62
Латвия	7,1	5,8	4,5	4,5	4,7	4,5	4,4	3,80
Люксембург	2,71	2,68	2,22	2,05	2,08	1,88	1,75	1,76
Мексика	11,7	11,26	11,04	9,8	9,14	9,08	9,2	16,99
Нидерланды	6,0	6,4	5,1	4,3	4,1	4,4	3,7	2,90
Новая Зеландия	10,12	10,02	9,55	9,53	10,26	9,41	9,21	9,31
Польша	4,31	4,57	4,86	3,85	3,52	3,0	2,86	2,95
Португалия	6,16	7,41	7,59	6,82	5,97	4,6	3,83	3,42
Словакия	3,2	3,2	3,8	3,6	3,8	3,4	3,1	3,00
Словения	6,12	6,33	6,25	6,24	5,75	4,4	3,57	2,73
Испания	3,78	4,95	4,91	4,79	3,86	3,01	2,44	2,15
Швеция	2,59	4,17	4,07	3,29	2,71	1,75	1,57	1,50
Швейцария	2,11	2,08	2,01	1,99	2,05	2,07	2,04	2,09
Великобритания	3,49	3,52	3,71	3,6	3,43	3,33	3,22	3,16
США	3,94	3,72	3,48	3,23	3,03	2,95	3,02	4,94
Казахстан	13,34	12,49	12,1	12,46	11,48	12,95	14,01	13,66

Источник: составлено автором по данным /2/.

Примечание: н/д – нет данных.

не держится на стабильно высоком уровне от 11 до 14% (табл. 2). Более того, их сравнение со ставками в странах ОЭСР свидетельствует о значительной дороговизне банковских займов для отечественных субъектов МСП (табл. 3).

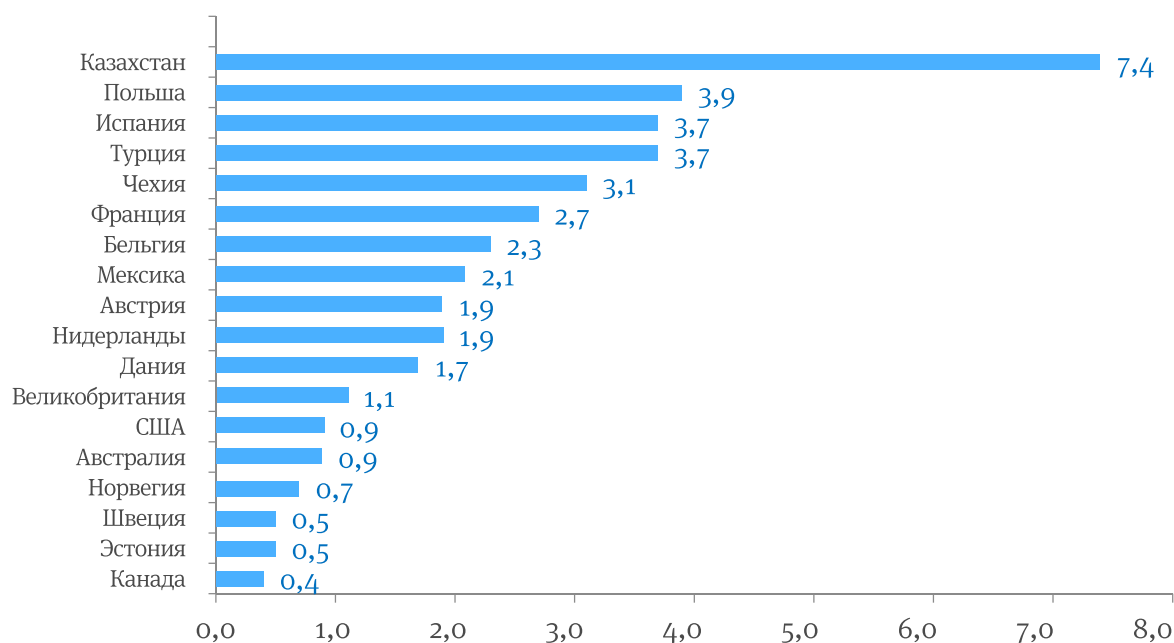
Проблему высоких процентных ставок подтверждают эксперты «Halyk Finance» /19/ и рейтингового агентства «RFCA Ratings» /20/. В частности, они отмечают две ключевые причины высоких рыночных процентных ставок в Казахстане: во-первых, сравнительно высокий уровень инфляции и, как следствие высокие ставки привлечения денег на рынке (депозиты, облигации и т.д.); во-вторых, высокий кредитный риск заемщиков (юридических и физических лиц).

Одной из причин дороговизны банковских займов для субъектов МСП является наличие значительных рисков при их финансировании. Риски обусловлены высоким уровнем невозвратности кредитов и значительным уровнем банкротства субъектов МСП.

По данным Всемирного банка /4/, на протяжении последних нескольких лет в стране сохраняется высокий уровень необслуживаемых кредитов – NPL (рис. 3). Несмотря на значительное увеличение финансирования в рамках государственной поддержки МСП (в частности, увеличения кредитных гарантий) и, как следствие, снижения уровня необслуживаемых кредитов, показатель NPL в РК (7,4%) существенно превышает аналогичный параметр в странах с высоким уровнем развития.

Одновременно наблюдается негативная динамика банкротства, характеризующаяся его ростом, среди субъектов МСП (табл. 4). Сравнительный анализ показателей Казахстана и стран ОЭСР по росту банкротства среди субъектов МСП свидетельствует о наличии серьезной проблемы в нашей стране с их закрытием и/или прекращением деятельности. Это обусловлено отсутствием средств для дальнейшего осуществления предпринимательской деятельности субъектов МСП, а

Рисунок 3. Показатель NPL в странах ОЭСР и Казахстане, 2018 г. (в %)
Источник: составлено автором по данным Всемирного банка /4/.

также низкой прибыльностью бизнеса.

В то же время, как отмечается в /1/, отсутствие финансовых ресурсов не всегда является основной причиной закрытия предприятия. По результатам их исследования, опрошенные респонденты в качестве основной причины закрытия бизнеса отметили недостаточную прибыльность предприятий (46,8%), проблемы в финансировании отметили лишь 5,6% респондентов.

В исследованиях по вопросам финансирования субъектов МСП (см., например, /2/) отмечается, что их кредитование отягчено не только высокими процентными ставками, но и наличием более высоких требований к ним в сравнении с крупными компаниями. Однако в Казахстане разница между процентными ставками для субъектов малого, среднего и крупного бизнеса незначительна и колеблется в диапазоне 0,5–2,5% (табл. 5).

Одна из серьезнейших проблем кредитования субъектов МСП связана с отсутствием ликвидных залогов. Многие БВУ полагают, что отсутствие надежных залогов является самой распространенной причиной отказа в выдаче кредита МСП. Нередко МСП не имеет ликвидного недвижимого/движимого имущества или ликвидных фондов, таких как новая техника, дорогостоящее оборудование и др. Поэтому часто единственным обеспечением возвратности кредита является товар, находящийся в обороте. Однако БВУ не рассматривают товар как ликвидный залог и отклоняют заявку о выдаче кредита.

К сожалению, в Казахстане БВУ в основном используют «ломбардную модель» кредитования. Это означает, что банки при выдаче кредитов в большей степени ориентируются на оценку стоимости залога, а не на качество заемщика (финансовые возможности). Поэтому нам представляется, что необходимо разработать новые правила формирования резервов по залоговым ссудам БВУ с учетом финансовых возможностей заем-

щика.

Несмотря на дороговизну кредитов БВУ, в последние годы наблюдаются положительные тенденции в финансировании стартапов. Как показывает статистика ОЭСР, за период 2010–2016 гг. объем кредитного портфеля по новым субъектам МСП вырос в 2,9 раза и составил 1984 млрд тенге. Однако, в 2017 г. по сравнению с 2016 г. этот показатель снизился почти на треть (32,0%) (см. табл. 2).

Одной из государственных мер по развитию стартапов является программа «Startup» Фонда «Даму», которая направлена на поддержку начинающих предпринимателей. В рамках этой программы предусмотрено частичное гарантирование кредитов с максимальной суммой займа на одного предпринимателя до 50 млн тенге /18/. Анализ показывает, что наблюдается положительная динамика по государственным кредитным гарантиям МСП. Так, в период 2010–2017 гг. этот показатель увеличился в 30 раз, составив около 12 млрд тенге. (табл. 2). Почти в 2 раза увеличены прямые государственные кредитные гарантии МСП, которые реализуются Фондом «Даму» в рамках государственной программы развития бизнеса /5/. Данная программа в первую очередь направлена на повышение доступности финансирования для субъектов МСП из сельских населенных пунктов, малых городов и моногородов Казахстана.

Компаративный анализ затрат в нашей стране на государственные гарантии с другими странами мира показывает, что объем гарантирования в Казахстане не столь высок и составляет порядка 0,13% от ВВП (рис. 4). Абсолютными лидерами по объему предоставленных государственных гарантий являются Турция, Япония и Республика Корея. В этих странах на предоставление государственных гарантий субъектам МСП расходуется примерно от 4 до 8% ВВП.

Дороговизна кредитной продукции БВУ и наличие системных ограничений в финансовом секторе нашей

Таблица 4. Темпы роста банкротств МСП в странах ОЭСР и Казахстане, 2010–2017 гг. (в % к предыдущему году)

Страна	Ед. изм.*	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Бельгия	Все субъекты	1,6	6,8	3,6	10,9	-8,6	-9,1	-6,1	8,8
Чехия	МСП	1,6	-2,9	6,5	2,5	-10,9	-18,5	-9,7	-14,9
Дания	МСП	0,8	-25,0	1,0	-13,3	-21,8	19,3	17,0	1,9
Эстония	МСП	-2,6	-39,4	-20,6	-7,3	-6,8	-12,2	-10,9	2,4
Финляндия	МСП	-12,6	2,9	0,5	5,7	-4,6	-13,8	-6,5	-10,3
Франция	МСП	-4,5	-1,4	2,7	2,4	-0,2	1,0	-7,9	-5,8
Греция	МСП	0,0	25,4	-6,7	-5,5	-15,8	-42,7	-42,9	13,9
Ирландия	МСП	11,3	1,7	-6,6	-15,0	-10,0	-19,0	-21,3	12,2
Израиль	МСП	37,5	31,9	33,8	12,2	-5,1	-2,8	52,7	...
Италия	Все субъекты	19,7	8,2	3,2	12,7	11,0	-6,1	-8,2	-10,9
Япония	МСП	-14,0	-4,2	-4,8	-10,2	-10,4	-9,4	-4,2	-0,5
Корея	МСП	-21,4	-13,4	-9,6	-18,5	-16,0	-14,4	-22,9	-11,0
Латвия	МСП	-1,3	-67,7	7,2	-7,0	16,8	-16,4	-11,4	-19,5
Люксембург	Все субъекты	32,5	6,5	7,4	-0,1	-19,0	2,7	10,1	-5,9
Нидерланды	МСП	-10,6	-0,4	20,9	16,7	-20,5	-20,6	-16,5	-25,2
Новая Зеландия	Все субъекты	21,1	-11,0	-10,5	-15,9	-6,9	4,3	-1,1	-6,7
Норвегия	МСП	-12,4	-4,4	-11,6	16,3	3,1	-1,9	-0,7	...
Португалия	МСП	7,2	16,0	40,9	-9,8	-33,3	17,3	-23,3	-16,9
Словакия	МСП	24,6	5,5	-6,6	11,2	8,5	-14,4	-22,0	4,4
Испания	МСП	-6,2	17,3	34,9	13,4	-32,2	-22,9	-20,7	-5,2
Швеция	МСП	-4,8	-4,3	7,4	3,1	-7,1	-10,1	-6,4	7,0
Швейцария	Все субъекты	19,9	6,5	2,7	-5,1	-9,7	3,9	6,7	-21,8
Турция	Все субъекты	36,0	5,9	95,8	-51,0	43,5	9,1	105,6	-41,0
Великобритания	Все субъекты	-13,8	2,7	-4,2	-10,9	-6,7	-9,5	12,2	3,6
США	МСП	-8,6	-16,8	-17,7	-18,4	-20,2	-9,3	-3,8	-4,0
Казахстан	Все субъекты	300,0	400,0	112,5	76,5	16,0	75,9	115,4	283,3

Источник: составлено автором по данным /2/.

Примечание: * - единица измерения зависит от метода учета в каждой конкретной стране.

страны предопределяют необходимость развития альтернативных источников финансирования, так как предприниматели не всегда могут прибегнуть к дорогостоящим банковским продуктам.

Стимулом БВУ для кредитования МСП остаются государственные программы, которые в значительной части гарантируют возврат кредитов. Однако, как отмечалось ранее, БВУ всегда осторожно кредитуют малый бизнес, так как существует высокая просрочка по этим кредитам. Для сравнения: уровень проблемных кредитов в общем кредитном портфеле в 2016 г. составил 6,72%, а в портфеле МСП – более 8,79%. В этой связи, государство и финансовые институты стремятся развивать альтернативные инструменты финансирования МСП, в частности лизинговые и факторинговые программы. По данным за 2016 г., объем лизингового и потребительского портфеля кредитов за последние 6 лет вырос почти втрое (более чем 106,7 млрд тенге).

Казахстан в плане развития лизинга в сегменте МСП следует мировым тенденциям. Так, по данным /3/, Казахстан в 2016 г. увеличил операции по лизингу на 19,1% по сравнению с предыдущим годом. Добавим, что это является хорошим показателем среди стран ОЭСР (рис. 5).

Основная причина активного роста рынка лизинга в Казахстане – реализация государственной программы по субсидированию лизинга отдельных видов транспорта (в основном автотранспорта и авиатехники) через Фонд «Даму» /12/.

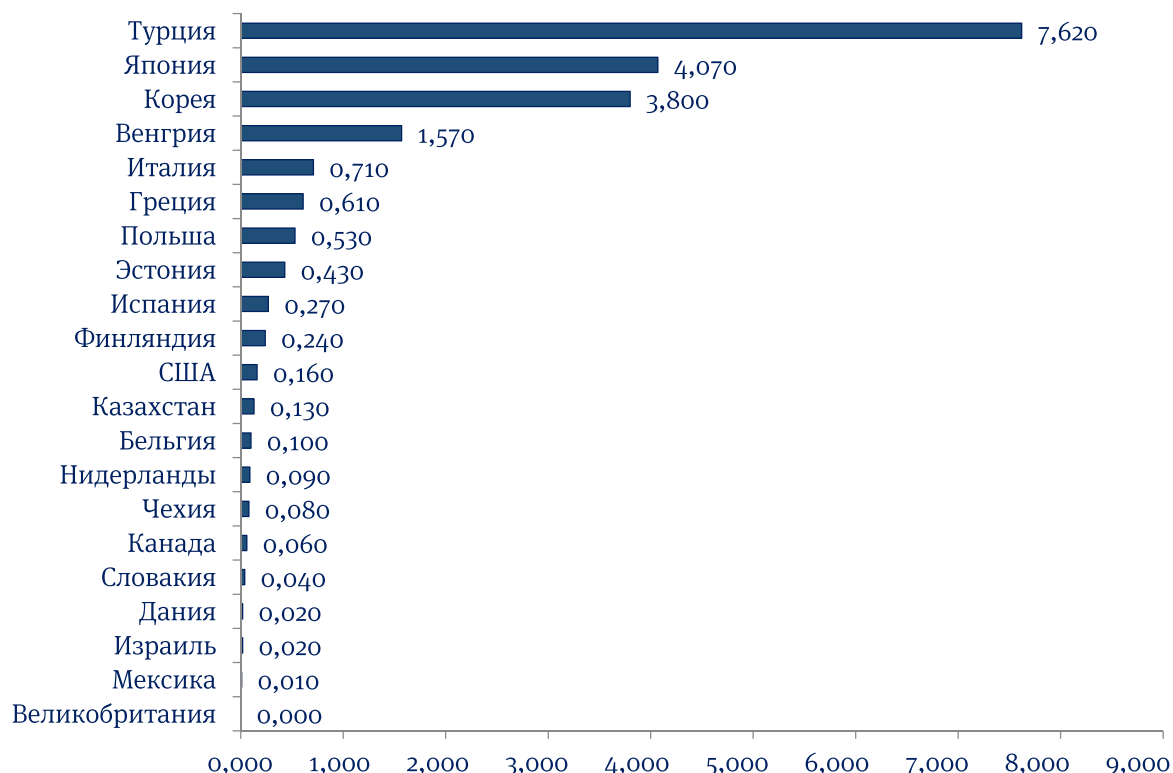
Программа с использованием факторинга предполагает создание альтернативного финансирования для субъектов МСП. Ее цель заключается в увеличении охвата компаний государственной поддержкой. Она направлена на обеспечение непрерывного оборота капитала предпринимателей, стимулирование отечественного рынка факторинга и обеспечение его про-

Таблица 5. Разница в процентных ставках между МСП и крупным бизнесом в странах ОЭСР и Казахстане, 2010–2017 гг.

Страна/год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Австралия	1,62	1,57	1,78	2,14	2,03	1,99	2,09	2,00
Австрия	0,47	0,37	0,48	0,51	0,53	0,41	0,38	н/д
Бельгия	0,81	0,66	0,58	0,3	0,32	0,23	0,25	0,26
Канада	3,2	2,3	2,4	2,6	2,1	2,3	2,6	2,3
Чили	н/д	н/д	н/д	7,13	6,31	5,49	5,29	4,73
Чехия	0,67	1,1	1,05	1,24	1,76	0,9	0,7	0,6
Дания	1,9	1,98	1,77	2,05	1,79	1,46	1,4	1,26
Эстония	1,16	1,16	0,98	0,56	0,68	0,99	0,88	0,87
Финляндия	0,8	0,64	0,79	0,9	1,02	1,5	1,43	1,40
Франция	0,91	0,89	0,71	0,7	0,78	0,59	0,35	0,30
Греция	1,26	1,03	0,95	0,74	0,25	0,56	0,71	0,71
Венгрия	1,74	1,3	0,8	1,5	1,0	2,3	1,4	1,50
Ирландия	1,02	1,35	1,53	1,54	1,8	2,34	2,47	2,15
Израиль	2,0	2,47	1,9	1,44	1,35	1,15	1,27	0,91
Италия	1,5	1,7	1,8	2,0	1,8	1,78	1,4	1,30
Корея	0,54	0,55	0,43	0,24	0,18	0,16	0,23	0,31
Латвия	2,8	1,8	0,9	0,7	1,4	1,4	1,9	1,20
Люксембург	0,41	0,06	0,35	0,41	0,62	0,46	0,56	0,55
Мексика	3,78	3,57	3,45	3,24	3,1	3,08	3,51	6,37
Нидерланды	н/д	2,9	1,5	0,9	1,3	2,0	0,5	0,40
Новая Зеландия	3,82	3,97	3,54	4,15	4,31	4,03	4,61	н/д
Польша	0,3	0,12	0,12	0,02	0,12	0,09	0,09	0,08
Португалия	2,25	2,01	2,16	1,85	1,6	1,35	1,14	1,28
Словения	0,2	0,42	0,88	0,87	0,87	0,65	0,23	0,49
Испания	1,21	1,59	2,3	2,1	1,87	1,04	0,88	0,59
Швеция	0,95	1,16	1,04	0,65	0,56	0,4	0,35	0,37
Швейцария	0,88	0,92	0,9	0,83	0,89	0,78	0,79	0,79
Великобритания	1,39	1,27	1,3	1,4	0,98	1,22	0,82	0,95
США	0,83	0,82	0,89	0,92	0,82	0,93	0,86	0,84
Казахстан	0,62	1,41	1,52	2,39	1,47	-0,52	-0,48	1,27

Источник: составлено автором по данным /3/.

Примечание: н/д – нет данных.

Рисунок 4. Доля государственных гарантий по отношению к ВВП, 2017 г. (в %)
Источник: составлено автором по данным /2/.

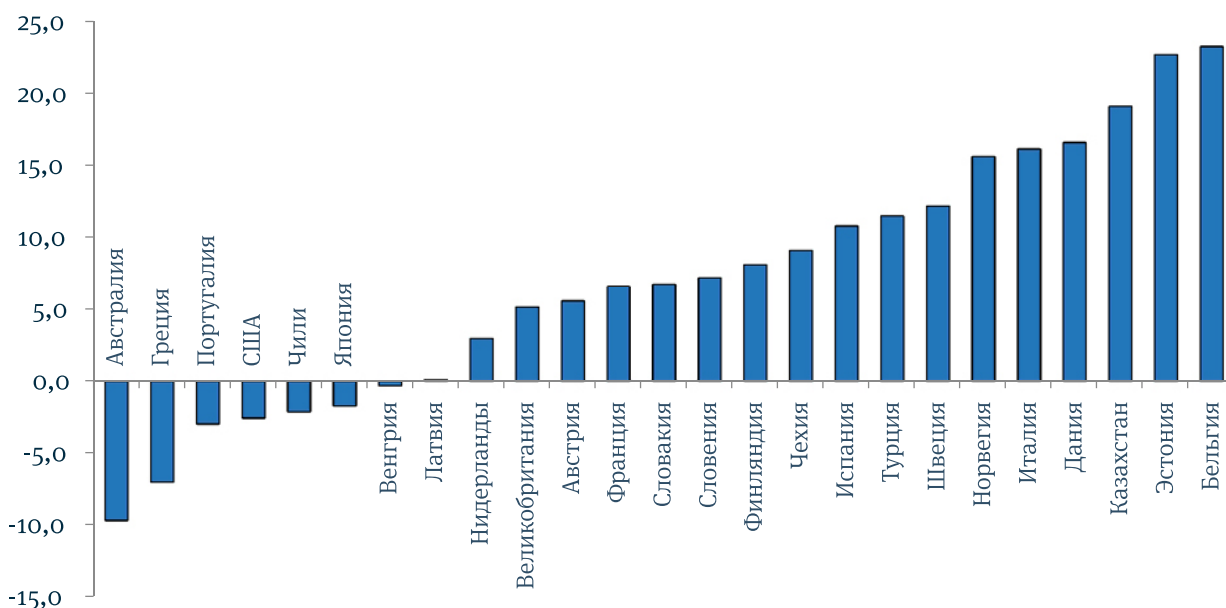
зрачности.

Немного о секьюритизации. В данном контексте для Казахстана, по нашему мнению, представляет интерес опыт Канады. В этой стране внедрен такой инструмент – малые, средние финансовые организации и лизинговые компании получают доступ к секьюритизационной платформе (как правило, мелкие финансовые компании не соответствуют критериям (листингу) фондовой биржи или не имеют достаточного объема портфеля для того, чтобы самостоятельно осуществить выпуск

ценных бумаг, обеспеченных кредитами или займами).

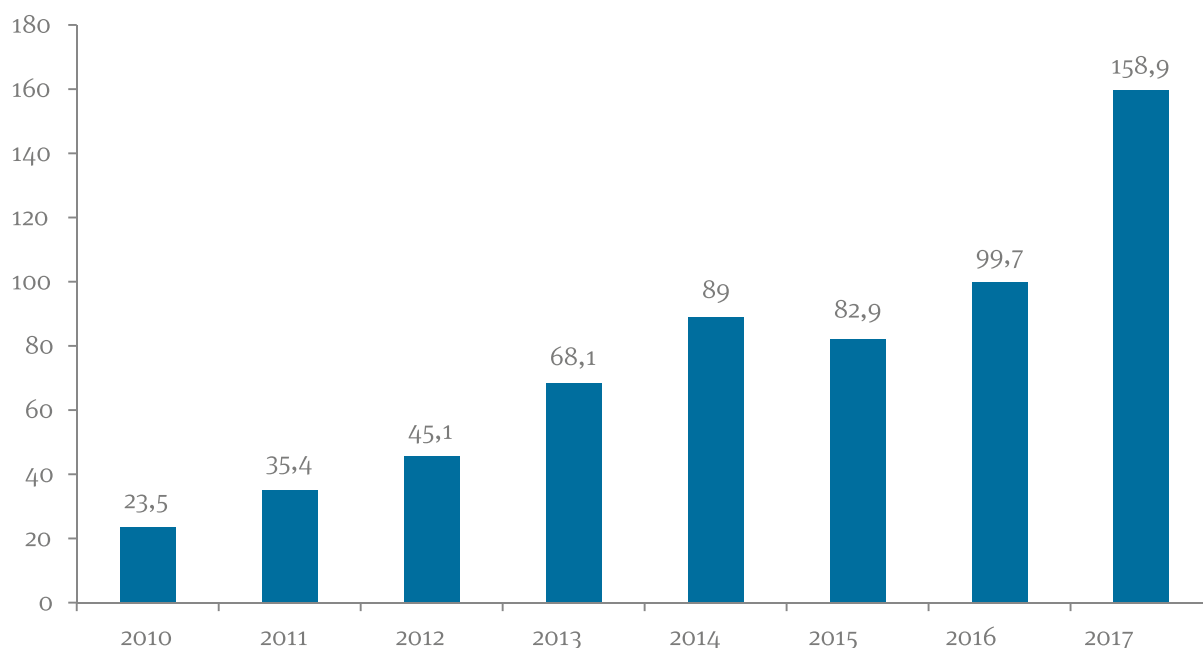
Интересен также опыт России, где разработаны и утверждены механизмы доступа субъектов МСП к фондовому рынку /16/, в том числе:

- гарантийная поддержка институтов развития в части выхода предприятий на фондовый рынок;
- специальные биржевые тарифы для эмитентов – субъектов МСП;
- участие институтов развития в качестве «якорных» инвесторов в выпусках ценных бумаг субъектов

Рисунок 5. Финансирование лизинга в странах ОЭСР (в % к предыдущему году), 2016 г.
Источник: составлено автором по данным /3/.

Рисунок 6. Объем выдачи кредитов микрокредитными организациями, 2010–2017 гг. (млрд тенге)

Источник: составлено автором по данным Национального банка Казахстана

МСП;

- стимулирование выхода компаний малой и средней капитализации на фондовый рынок, в том числе посредством предоставления им государственной поддержки;

- развитие финансирования субъектов МСП с помощью краудинвестинговой платформы.

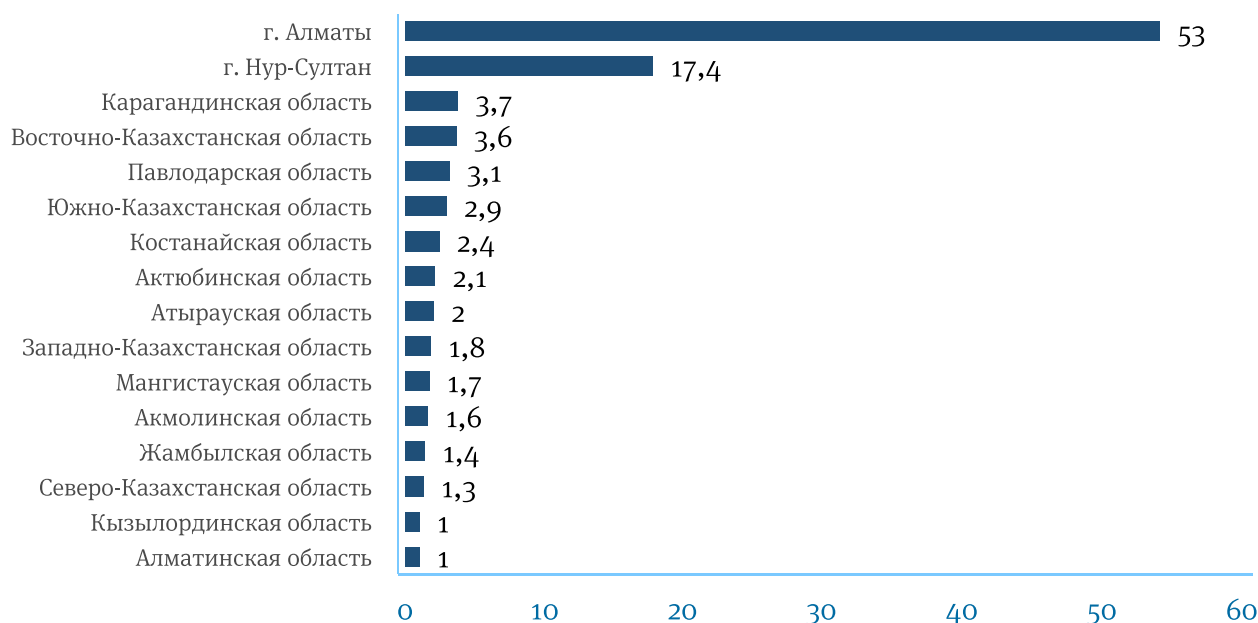
Наряду с ранее указанными инструментами финансирования инициативу на рынке кредитования малого бизнеса все больше перехватывают микрокредитные организации. По данным Национального банка /13/, в Казахстане на начало 2018 г. зарегистрировано 150 микрокредитных организаций. В 2017 г. они выдали отечественным предпринимателям микрокредиты на 158,9 млрд

тенге, что в 6,8 раз больше, чем в 2010 г. (рис. 6).

Безусловно, развитие микрокредитных организаций является положительным явлением на рынке кредитования МСП. Тем не менее, финансовый рынок Казахстана все еще является относительно слабым. Естественно, это оказывает негативное влияние на предоставление финансирования субъектам МСП.

Анализ выданных кредитов субъектам малого предпринимательства (МП) свидетельствует о наличии значительной диспропорции в региональном распределении займов БВУ.

В 2017 г. абсолютным лидером по кредитованию субъектов малого бизнеса является г. Алматы. По сути, каждый второй кредитующий субъект МП является жи-

Рисунок 7. Кредитование МСП в разрезе регионов 2017 г. (в %)

Источник: составлено автором по данным Комитета по статистике

Рисунок 8. Кредиты БВУ малому бизнесу в разрезе отраслей экономики, 2010–2017 гг. (млрд тенге)

Источник: составлено автором по данным Национального банка Казахстана.

телем г. Алматы /14/ (рис. 7).

В отраслевом разрезе кредитования в анализируемом периоде абсолютным лидером по распределению банковских займов БВУ являются субъекты малого бизнеса, работающие в сфере торговли. На их долю в 2017 г. приходилась одна треть всех займов БВУ. На втором месте находятся малые предприятия, работающие в промышленности и строительстве – в среднем по 13%, на третьем – сельского хозяйства – 6% (рис. 8).

Выводы

Проведенный анализ состояния кредитования МСП в нашей стране позволяет сделать следующие выводы:

- несмотря на рост объемов выделенных кредитов субъектам МСП в течение 2010–2017 гг., они все еще нуждаются в доступных финансовых ресурсах. Зачастую традиционные финансовые источники (банковские займы) обходятся дорого для таких субъектов; отсутствует развитый рынок альтернативного финансирования;
- сравнительный анализ объемов кредитования частного сектора Казахстана со странами ОЭСР показывает, что наша страна значительно отстает от развитых экономик;
- серьезным барьером в получении банковских займов для отечественных субъектов МСП выступает высокая процентная ставка по кредитам; ситуацию с кредитованием усугубляет отсутствие на отечественном рынке «длинных денег»;
- наблюдается негативная динамика по росту банкротства среди отечественных субъектов МСП; сопоставительный анализ показателей Казахстана со странами ОЭСР показал наличие серьезной проблемы с закрытием и/или прекращением деятельности субъектов МСП, связанной с отсутствием средств для осуществления предпринимательской деятельности и

низкой прибыльностью бизнеса;

- наблюдаются положительные тенденции в финансировании стартапов и выдаче государственных кредитных гарантий субъектам МСП, но объем гарантирования в нашей стране по сравнению со странами ОЭСР недостаточно высок.

Рекомендации

Резюмируя проведенный анализ, представляется целесообразным:

- во-первых, по опыту Канады внедрить инструмент секьюритизации, чтобы малые и средние финансовые организации и лизинговые компании получили доступ к секьюритизационной платформе для получения доступа к финансовым ресурсам;
- во-вторых, необходимо развивать альтернативные источники финансирования, такие как факторинг и лизинг, что позволит, по нашему мнению, снизить зависимость субъектов МСП от банковских займов, а также расширит возможности финансирования;
- в-третьих, необходимо внимательно изучить возможность внедрения опыта России по разработке и использованию инструментов для доступа субъектов МСП к фондовому рынку;
- в-четвертых, с учетом опыта некоторых стран ОЭСР, необходимо рассмотреть возможность внедрения механизмов венчурного и акционерного финансирования, поддержки бизнес-ангелов, которые представляют собой довольно действенный инструмент развития стартап-проектов в нашей стране;
- в-пятых, предлагается разработать новые правила формирования резервов по залоговым ссудам БВУ с учетом финансовых возможностей заемщика для переоценки залогового имущества. ■

Литература

1. Глобальный мониторинг предпринимательства: национальный доклад 2016/2017 гг.
2. Страновой обзор ОЭСР «Financing SMEs and Entrepreneurs 2019» www.oecd.org
3. Отчет ОЭСР «Financing SMEs and Entrepreneurs 2018». www.oecd.org
4. База данных «Показатели мирового развития», Всемирный банк databank.worldbank.org
5. Государственная программа «Дорожная карта бизнеса 2020». www.damu.kz
6. Грантовое финансирование в РК. business.gov.kz
7. OECD (2011b), Competitiveness and Private Sector Development: Eastern Europe and South Caucasus, OECD, Paris. www.oecd.org
8. Отчет ОЭСР «The Impact of the Global Crisis on SME and Entrepreneurship Financing and Policy Responses». www.oecd.org
9. НПП «Атамекен». Проект Концепции создания региональной сети бизнес-инкубаторов в Республике Казахстан. atameken.kz
10. Стратегия развития Фонда «Даму» на 2014-2023 годы. www.damu.kz
11. НПП «Атамекен». Национальный доклад о состоянии предпринимательской активности в Республике Казахстан. atameken.kz
12. Годовой отчет АО «Фонд развития предпринимательства «Даму» за 2018 год. www.damu.kz
13. Данные Национального Банка РК. Текущее состояние банковского сектора Республики Казахстан по состоянию на 1 января 2018 года (без учета заключительных оборотов). nationalbank.kz
14. Министерство национальной экономики Республики Казахстан Комитет по статистике. Малое и среднее предпринимательство (МСП). stat.gov.kz
15. Multi-Seller Platform for Small Originators in Canada canadiansinternet.com
16. Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. N 16)) www.consultant.ru
17. Портал статистических данных ОЭСР. stats.oecd.org
18. Отчет о развитии малого и среднего предпринимательства в Казахстане в 2018 году в разрезе регионов. atameken.kz
19. Аналитическая справка компании «Halyk Finance»: «Обзор МСБ Казахстана 2018». halykfinance.kz
20. Данные РА «RFCA Ratings»: Банковский сектор РК: Итоги I полугодия 2017 г. kase.kz

References

1. Global Entrepreneurship Monitoring: 2016/2017 National Report
2. OECD Country Survey Financing SMEs and Entrepreneurs 2019 www.oecd.org
3. OECD Report “Financing SMEs and Entrepreneurs 2018”. www.oecd.org
4. World Development Indicators Database, World Bank databank.worldbank.org
5. The Business Roadmap 2020 state program. www.damu.kz
6. Grant financing in the Republic of Kazakhstan. business.gov.kz
7. OECD (2011b), Competitiveness and Private Sector Development: Eastern Europe and South Caucasus, OECD, Paris. www.oecd.org
8. The Impact of the Global Crisis on SME and Entrepreneurship Financing and Policy Responses OECD Report. www.oecd.org
9. NPP Atameken. Draft Concept of creating a regional network of business incubators in the Republic of Kazakhstan. atameken.kz
10. The development strategy of the Damu Fund for 2014-2023. www.damu.kz
11. NPP Atameken. National report on the state of entrepreneurial activity in the Republic of Kazakhstan. atameken.kz
12. The annual report of Damu Entrepreneurship Development Fund JSC for 2018. www.damu.kz
13. Data of the National Bank of the Republic of Kazakhstan. The current state of the banking sector of the Republic of Kazakhstan as of January 1, 2018 (excluding final turnovers). nationalbank.kz
14. The Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan Committee on Statistics. Small business (SME). stat.gov.kz
15. Multi-Seller Platform for Small Originators in Canada canadiansinternet.com
16. Passport of the Small and Medium-Sized Businesses and Supporting Individual Entrepreneurship Initiatives national project (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects (Minutes No. 16 of December 24, 2018)) www.consultant.ru
17. OECD Statistics Portal. stats.oecd.org
18. Report on the development of small and medium-sized enterprises in Kazakhstan in 2018 by regions. atameken.kz
19. Analytical report of the company HalykFinance: Overview of SMEs in Kazakhstan 2018. halykfinance.kz
20. Data of RA “RFCA Ratings: Banking sector of the Republic of Kazakhstan: Results of the first half of 2017 kase.kz

Аңдатпа

Мақсаты – шағын және орта бизнес үшін несиелік ресурстардың қол жетімділігін анықтау. Әдістеме – экономикалық-статистикалық және графикалық әдістер. Жаңашылдығы – бұл Экономикалық ынтымақтастық және даму ұйымы елдеріндегі және Қазақстанның кәсіпкерлік субъектілеріне несие беру жағдайының салыстырмалы бағасы. Нәтижелер – халықаралық озық тәжірибені зерделеуге негізделген, шағын және орта бизнесті несиелеу бойынша ішкі нарықтың даму бағыттары мен перспективалық бағыттары анықталды. Қорытындылар – кепілзатты кейіннен қайта бағалау мақсатында қарыз алушының қаржылық мүмкіндіктерін ескере отырып, екінші деңгейдегі банктердің резервтерін қалыптастырудың жаңа ережелерін әзірлеу қажет, шаруашылық жүргізуші субъектілерді қаржыландырудың балама көздерін (факторинг, лизинг, секьюритизация платформасы, қор нарығы құралдары) әзірлеу қажеттілігі анықталды, несиелеу саласын одан әрі жетілдіру бойынша ұсыныстар ұсынылды.

В КАКОМ ОБЩЕСТВЕ ЖИВУТ И С КАКОЙ ЭКОНОМИКОЙ ИМЕЮТ ДЕЛО В ПЕРЕДОВЫХ СТРАНАХ МИРА¹

*(обращение к постсоветской школе критического
марксизма и критика мейнстрима)*

Нурлан АКИМОВ*

Аннотация

Цель – исследование экономического развития в передовых странах мира. Методология – диалектический метод познания. Новизна – раскрытие современного способа общественного производства и создание системы категорий и законов его функционирования и развития. Результаты – разработка концептуальных основ экономической теории, альтернативной мейнстриму.

Ключевые слова: способ производства, макроэкономика, общественный труд, рабочий день, экономический рост, постбуржуазное развитие.

Abstract

Purpose – study of economic development in the advanced countries of the world. Methodology – dialectical method of cognition. Novelty – the disclosure of the modern method of social production and the creation of a system of categories and laws of its functioning and development. Results - development of the conceptual foundations of economic theory, alternative to the mainstream.

Key words: mode of production, macroeconomy, social labor, working day, economic growth, post-bourgeois development.

¹ Статья отражает результаты исследований автора /¹⁻⁵/ и представляет первую часть дискуссии, к которой редакционный совет и автор призывают неравнодушных к науке читателей.

* Кандидат экономических наук.

Введение

Какие только определения не даются способу производства, служащему остовам экономик современных высокоразвитых стран мира². Соответственно, какие только определения не даются обществу, экономика которого функционирует на основе этого самого способа производства, по формальным признакам идентифицируемого как капиталистический. Эти формальные признаки, главный из которых состоит в ориентированности капитала на получение прибыли, настолько застят глаза людям, полагающим, что они по-прежнему живут при капитализме: только не старого, а нового образца, ибо всем понятно, что нынешний капитализм совсем не тот, каким он был еще век назад.

Как ни парадоксально, но и представители постсоветской школы критического марксизма, которым на роду написано противиться обыденным, ненаучным взглядам на происходящие явления, ибо как-никак они – марксисты, разделяют подобные поверхностные формулировки, определяя современное производство, а вслед за ним и общество, как поздний капитализм. Поскольку спрос с других школ, антимарксистских по духу и сути, невелик, так как по призванию в своем большинстве они – антинаучные, вступим в полемику с постсоветской школой критического марксизма, в частности, с ее главным представителем – А.В. Бузгалиным.

Вот как он определяет поздний капитализм, придерживаясь в этом вопросе, как сам говорит, традиции Е. Мандела и близких к нему ученых. Поздний капитализм есть «этап в развитии капиталистического способа производства, когда его прогресс (технологическое развитие, экономический рост) требует использовать элементы посткапиталистических отношений: сознательное регулирование экономики; бесплатное для потребителя предоставление широкого спектра благ и услуг в таких сферах, как образование, здравоохранение и др.; перераспределение части прибыли в пользу наемных работников и социально незащищенных слоев и др.» /7, с. 11/. И далее поясняет, что «категория «поздний капитализм» используется в мировой марксистской и близкой к марксизму литературе... для характеристики специфических черт капитализма, возникших в XX в.» /там же/.

Понятно, мы не приемлем характеристику современного способа производства, сложившегося в передовых странах мира, как позднекапиталистического, т.е. все еще капиталистического. Ниже постараемся обосновать свою точку зрения. Но предварительно поясним: современное высокоразвитое производство, ко-

нечно же, можно назвать позднекапиталистическим, но только формально, ибо сущностно оно другое. Так с чем же мы имеем дело?

Это не поздний капитализм

С А.В. Бузгалиным трудно согласиться, потому что современное производство функционирует на принципах, совершенно не свойственных капитализму, хотя внешне эти принципы остаются капиталистическими. Действительно, капитал, как и прежде, нацелен на производство прибавочной стоимости. Но если раньше увеличения производства он достигал путем удешевления стоимости товаров, последующего снижения стоимости рабочей силы, соответственно сокращения необходимого рабочего времени и удлинения прибавочного рабочего времени, то теперь капитал настроен на производство все более и более дорогих товаров. Разумеется, качество и продвинутость этих товаров только повышаются, поскольку так называемая объективная инфляция способствует не только целевому росту прибылей, но и росту заработных плат, что ранее было неприемлемым³.

Несогласие связано еще и с тем, что старый капитал был занят упрощением наемного труда. Причем упрощающийся наемный труд не только нарастающе воспроизводился, но и в растущих масштабах безжалостно растрачивался. Иначе говоря, постоянно деквалифицирующиеся работники образовывали постоянно растущую резервную армию труда, превращая низкоквалифицированный трудовой ресурс в безграничный. Современный капитал, напротив, вовлечен в процесс усложнения общественного труда, результирующий в задействовании в производстве все большего числа высококвалифицированных специалистов. Впрочем, это не мешает превращению этих работников в дефицитный ресурс. Вовлеченность капитала в последний процесс кроме того сопровождалась изменением отношения капитала к высококвалифицированному наемному труду: данное отношение, образно говоря, «очеловечилось», ибо прежняя бесчеловечность к работникам практически исчезла. Изменилось, впрочем, не только отношение капитала к труду. Изменился способ задействования наемной рабочей силы: квалифицированные работники не высвобождаются из непосредственного производства, а просто не рекрутируются в него. Они сразу нанимаются и переходят в сферу управления и контроля в автоматизированном и роботизированном производстве, т.е. становятся рядом с производством.

При разграничении старых и новых реалий обще-

² Этот вопрос не является сейчас таким актуальным, каким он был еще лет 15 назад, когда один политик написал следующее: «Именно потому, что Россия снова становится частью современного мира, необходимо понимать, как он устроен, как и почему он стал таким, каковы важнейшие тенденции, определяющие мировое развитие, какие над ним повисают проблемы и противоречия» /6, с. 8/. Однако утрата вопросом актуальности не должна волновать настоящих ученых, тем более что данный вопрос до сих пор не нашел своего ответа. А вопрос-то невероятно важный, поэтому поиски ответов на него востребованы по сей день.

³ Как известно, в периоды подъемов буржуазного производства совместный рост заработных плат и прибылей все же имел место. Однако этот рост входил в противоречие с законами буржуазного производства. Поэтому в периоды кризисов перепроизводства, посредством которых разрешалось в том числе и данное противоречие, заработные платы, как и положено, сокращались.

ственного производства очень важно отметить то, что производство большей прибавочной стоимости происходит ныне в условиях не удлинения, а, как это ни парадоксально, сокращения прибавочного рабочего времени /1/. И это обстоятельство уже совсем не соответствует канонам буржуазного производства. Более того, производство прибавочной стоимости в условиях сокращения прибавочного рабочего времени не только не усилило тенденции снижения средней нормы прибыли, а наоборот, развернуло эту тенденцию в сторону повышения. Причем этому повышению не препятствуют ни растущие заработные платы, ни увеличивающиеся ставки налогов, которыми облагается бизнес, что также представляется парадоксальным.

Далее. Капитал не приемлет общественного контроля и регулирования общественного процесса производства /8, с. 369/, считая его покушением на неприкосновенные права собственности. Сейчас капитал не считает зазорным подвергаться государственному регулированию и контролю.

Можно и далее перечислять произошедшие с буржуазным производством метаморфозы. Например, как тут не указать, что современное производство оказалось наделенным тягой (напрочь отсутствовавшей у буржуазного производства) к превращению в такое производство, в котором участвуют все более и более социально и экономически равноправные члены общества. Думается, перечисленного достаточно, чтобы убедиться в разительном расхождении принципов хозяйствования до и после принятия и реализации в 30-х годах XX в. программ по реформированию капитализма (знаменитый «Новый курс» и ему подобные). Остается только показать, как и почему случились подобные перемены. Это позволит охарактеризовать современное производство, т.е. ответить на вопрос: в каком обществе мы живем?

Итак, задача поставлена.

Самым революционным для рождения и функционирования нового способа производства послужило то, что у общества в лице государства появился особого рода ресурс. Обладание последним позволило получать средства для развития общества в целом и каждого его члена в отдельности, не прибегая к экспроприации средств производства в общенародную собственность. Скажем больше, экономическое развитие в странах с высокоразвитой буржуазной экономикой к 30-м годам XX в. подошло к такой черте, за которой от общества в лице государства потребовалось постоянно создавать условия для появления особого рода ресурса. Присвоение его результатов позволяет обеспечить развитие не одной привилегированной части общества, владеющей средствами производства, а всего общества в целом и каждого его индивида в отдельности, добываясь при этом постепенного сокращения неравенства между людьми.

Таковым возобновляемым ресурсам особого рода,

точнее, макроресурсом, который может создавать только общество в целом и результаты использования которого будет присваивать общество, является экономия рабочего времени общества, или просто макро-экономия.

Макромасштаб для экономии рабочего времени обязателен, ибо экономии рабочего времени на своих предприятиях капиталисты добивались и без помощи государства. Но эта микроэкономия, подчиненная целям производства прибавочной стоимости, в конечном счете результировалась в сокращении только необходимого рабочего времени и удлинении прибавочного рабочего времени. Следовательно, макроэкономия не образовывалась. Отметим, что вместо экономии живого труда капитал, как говорилось ранее, безжалостно растрчивал этот живой труд. Поэтому, когда общественный характер буржуазного производства стал всеохватным, когда затраты труда из прямых превратились в полные⁴, т.е. обрели макромасштаб, а значит их транжирование в части живого труда не могло не принять, особенно в периоды последних кризисов перепроизводства, катастрофических размеров и оттого сделалось нетерпимым, от государства, пусть даже оно было тогда однозначно буржуазным, сам капитал потребовал сделать все возможное, чтобы остановить смертельное для капитализма растрчивание человеческих ресурсов и вместо этого в последующем добиваться макроэкономии, что выразилось в возложении на государство обязанностей по эффективному регулированию рыночной экономикой.

Конечно, регулируя экономику, государство напрямую не заявляет о задаче экономии рабочего времени общества, да и капитал не ведает о такой задаче, а просто печется о своем самосохранении. Государство призвано обеспечить, как сказано, эффективное функционирование экономики спроса и предложения. Но об эффективном ее регулировании речь заходит потому, что оно есть форма реализации процесса экономии рабочего времени общества, что доказано в наших ранних трудах /1, 4/. Заставляя функционировать экономику в наиболее эффективном режиме с помощью определенного рода политик, государство на самом деле обеспечивает образование макроэкономии.

Итак, кроме государства никакой другой агент общественного производства не в силах обеспечить образование макроэкономии. Поэтому последняя ему и будет принадлежать. Соответственно ему предстоит присвоить то, что может создаться в течение сэкономленного рабочего времени общества. Если не отвлекаться на превращение макроэкономии в свободное время и/или время досуга и отдыха, – но это превращение обязательно должно быть отдельно рассмотрено, – то государству, очевидно, предстоит присвоить стоимость, создаваемую в течение времени, которое из сэкономленного обратно превратится в рабочее.

Превратить большую часть макроэкономии в рабочее время государству потребуется по многим при-

⁴ Прямые и полные затраты – по-другому микро- и макрозатраты из межотраслевого баланса.

чинам. Государство не может самостоятельно использовать макроэкономию в производственных целях, поскольку средства производства находятся в частнокапиталистической собственности. Следовательно, напрямую присваивать то, что создается в это время, у государства не получится. Присвоение будет иметь опосредованный характер.

Задействовать в производственных целях макроэкономии способен лишь частный капитал. Поэтому государство поставлено перед необходимостью позволения частному капиталу использовать общественный временной ресурс в производственных целях. Если кто-то полагает, что этого позволения капиталу не требуется, ему следует напомнить ситуацию с призывом небезызвестного М. Прохорова удлинить рабочий день. Тогда общество четко продемонстрировало капиталу, кому принадлежит общественный временной ресурс. Будем, однако, полагать, что негласное позволение дано, но взамен предоставления макроэкономии капиталу государство присвоит часть создаваемой капиталом в это время стоимости. Другая часть стоимости присваивается капиталом, ибо он непосредственно осуществляет производственный процесс.

Изначально капиталом присваивается вся стоимость, создаваемая в предоставленное ему государством время. Поэтому присвоение государством определенной части этой стоимости может осуществиться лишь посредством ее безусловного изъятия у капитала в свою пользу, иначе говоря, путем взимания налога на доход. Поскольку взимание налогов происходит в форме платежей бизнесом определенных сумм в государственный бюджет, то у них создается иллюзия, что они вправе требовать у государства особого к себе отношения. Только никакого особого отношения быть не может, ибо капитал присваивает часть стоимости, создаваемой в течение задействованной макроэкономии – временного ресурса общества, а не капитала. Наоборот, у государства будет постоянно возникать вопрос, а не низки ли ставки налогов?

Взимание налогов есть только подготовительный этап в финансировании государством определенных программ. Эти финансовые средства образуются у государства благодаря появлению у него макроэкономии. Последняя, в свою очередь, обязана своим возникновением не только эффективному государственному регулированию экономики, но и всестороннему развитию общества и каждого его члена. Это значит, что финансирование должно быть направлено как на совершенствование государственного управления, так и на всестороннее развитие: образование, науку, здравоохранение и т.д.

В данном контексте апологетам капитализма открывается широкое поле для написания теорий, «согласно которым капитализм представляет собой систему, работающую для национальных потребностей (теории «общество всеобщего благоденствия», «общество

изобилия» и т.п.)»⁵, ведь они «свято веруют» в то, что капитализм по-прежнему функционирует, значит, и работает теперь на благо всех людей.

Им в ответ необходимо привести следующий тезис К. Маркса, на основании которого делался вывод, что не с капитализмом мы сейчас имеем дело: «Ложная абстракция рассматривать нацию, способ производства которой основан на стоимости, которая, далее, организована капиталистически, как целостный механизм... , работающий только для удовлетворения национальных потребностей» /10, с. 927/.

В деле задействования макроэкономии в производственных целях соединяются две стороны: общество в лице государства и капитал. До сих пор речь велась преимущественно о стороне государства. Настала очередь рассмотрения стороны капитала.

Сразу отметим, кардинально новым для капитала явилось то, что в рабочем дне наряду с необходимым и прибавочным компонентами стало нужным выделять еще один временной отрезок, третий по счету, о котором в научном мире до сих пор не было произнесено ни слова, хотя по своему содержанию и значимости он резко отличается от первых двух⁶. Своеобразие третьего временного отрезка обусловлено тем, что в период его продолжительности создается стоимость, которая в конечном счете будет присвоена обществом в лице государства. Причем для такого присвоения обществу не потребовалась и уже не потребуется экспроприация средств производства в общенародную собственность. Достаточным условием оказалась способность государства обеспечить образование макроэкономии посредством мер государственного регулирования экономики и его позволение капиталу на задействование макроэкономии в производственных целях.

Разумеется, экспроприация средств производства не исключается из способов присвоения жизненных благ и отличается тем, что после нее государство уже не опосредованно, а напрямую будет присваивать последние. Но прямой путь не всегда есть оптимальный, и история, особенно советская, не единожды свидетельствовала об этом. К тому же надо иметь в виду и различные для экономики последствия, вытекающие из непосредственного и опосредованного способов государственного присвоения, чтобы делать выбор в пользу одного из этих способов. Но что об этом говорить, если выбор уже сделан...

Конечно, капиталу не очень комфортно «трудиться» на общество, ибо он привык заставлять всех вокруг работать на себя. Но поскольку это сулит дополнительную прибавочную стоимость, ведь часть создаваемой в течение макроэкономии стоимости капитал присваивает себе, приходится «трудиться». Появление третьего временного отрезка приводит к сокращению прибавочного времени и соответствующей прибавочной стоимости. Вполне вероятна ситуация, когда сокращение прибавочной стоимости перевесит вышеуказан-

⁵ Данная цитата вырвана из контекста. В самом тексте не излагаются указанные теории, а доходчиво разъясняется, в чем состоит нелепость этих теорий (см.: /9, с. 144/).

⁶ Открытие и доказательство существования третьего временного отрезка рабочего дня осуществлено автором в /1, с. 474-475/.

ную дополнительную прибавочную стоимость. Капиталу такая ситуация неприемлема и противопоказана. Поэтому либо капитал уйдет в тень, либо государство создаст условия, при которых негативная для капитала ситуация будет невозможна. Создание же таких условий /1/ есть возобновление (перезапуск) государством все того же процесса экономии рабочего времени общества.

Перезапуск именно процесса макроэкономии необходим потому, что если запуск процесса макроэкономии порождает затруднения, в данном случае связанные с рисками потери капиталом прибыли, то внутри этого процесса должны существовать силы, которые, наоборот, создают барьеры указанным затруднениям. «Задача возникает одновременно со средствами ее разрешения» /8, с. 98/.

Действительно, противодействующие указанным рискам силы существуют. Но чтобы их распознать, требуется разрешить так называемый парадокс Варги /12, с. 23/. Позже этот парадокс будет описан, как и способ его разрешения. Сейчас же можно просто указать на то, что в результате инициализации нужных сил не только капитал не уменьшает свои прибыли при сокращении прибавочного рабочего времени, не только государство увеличивает свои финансовые ресурсы, но и наемные специалисты начинают получать растущие заработные платы. Такой одновременный рост прибылей, налоговых поступлений и заработных плат буржуазному капитализму и не снился. Но и не буржуазный капитализм здесь описывается.

И еще. Запуск и последующий перезапуск (причем постоянный) процесса макроэкономии означают, что в 30-х годах XX в. властями самых развитых на тот момент стран были созданы лишь исторические предпосылки нового способа общественного производства. Но впоследствии данные предпосылки превратились в результаты функционирования нового способа общественного производства. Поэтому задачей настоящего исследования был анализ производственных отношений, в которых макроэкономия и третий временной отрезок рабочего дня воспроизводятся экономически и ареал которых разрастается.

В продолжение темы третьего временного отрезка и новых производственных отношений по поводу его задействования и присвоения результатов этого задействования необходимо отметить следующее. Ввиду создания в этот временной отрезок стоимости для государства оно само выступает своеобразным агентом. Думается, это происходит потому, что создание указанной стоимости осуществляется по сути для каждого члена общества в равной степени. Ведь общество в процессе макроэкономии действует не просто как единое целое, но и как единство равноправных участников процесса, так как макроэкономия образуется благодаря усилиям всех членов общества. Тем самым члены общества независимо от положения обретают не только права, но и обязанности участвовать в процессе макроэкономии. В свою очередь, у государства появляется обязанность обеспечить всем своим членам занятость

и социальную защищенность, которая с каждым новым возобновлением данного процесса только укрепляется.

Конечно, члены общества в социально-экономическом плане отнюдь не равны. Поэтому с началом функционирования нового способа производства, в основании которого лежит процесс макроэкономии, возникает противоречие. Оно состоит в устремленности общества к социально-экономическому равенству между своими членами и воспроизведении неравенства.

Когда выявлено указанное противоречие и обозначены обе его стороны, сразу констатируется односторонность существующих в экономической литературе взглядов на описываемую ситуацию. К примеру, представители современного мейнстрима в попытках изобразить в радужных цветах капитализм (всегда надо помнить их призвание) устраняют из своих исследований классовый подход, игнорируют классовую структуру общества, отталкиваясь от «изолированных, максимизирующих полезность экономических агентов с их произвольным распределением ресурсов, между которыми власть поделена ПОРОВНУ» /13, с. 72, 100/.

Можно апеллировать к тому, что новые апологеты капитализма все же замечают произвольное распределение ресурсов. Следовательно, они предполагают разделение общества на владеющих и не владеющих средствами производства и, как следствие, возникающим неравенством внутри общества. Однако ссылка на произвольное распределение ресурсов, как показывает анализ их работ, не служит доказательством, что классовая структура общества всерьез принимается в расчет. Наоборот, в умы читателей вбивается мысль о том, что современное общество превратилось в бесклассовое. Внимание приковывается к неравенству доходов, обрешему в последнее время особую остроту. Но обращая все наше внимание только на неравенство в доходах, апологеты имеют своей целью выбить из наших мозгов понимание, что истинное равенство достигается в равном совладении средствами производства, которое (равное совладение) реализуется не экспроприацией средств производства из частнокапиталистической собственности в общенародную, а путем расширения масштабов перекрестного акционирования капитала. Обоснование этого пути было проведено в /1-3/.

Таково вкратце существо перемен, предпринявших судьбу капитализма, в том числе позднего, законы функционирования и развития которого вскрыл К. Маркс. Поскольку эти перемены были обусловлены запуском процесса экономии рабочего времени общества, то необходимо поделиться результатами исследования самого этого процесса. Ибо без знания процесса макроэкономии невозможно понять сути не только произошедшего с капитализмом, но и новых его веяний. Многие из этих результатов до сих пор числятся в разряде неизвестных. Однако все они послужили построению системы категорий и законов современного общественного производства, которое мы предвари-

тельно именуем постбуржуазным производством. Но прежде, раз уж был упомянут К. Маркс, выскажем ряд замечаний в защиту его теории, которую сейчас отрицают и ругают все кому не лень.

Сделаем ремарку. Буржуазным является способ производства, при котором нанимаемые частным капиталом рабочие в силу известных обстоятельств помимо необходимого рабочего времени вынуждены трудиться еще и прибавочное рабочее время, причем на безвозмездной основе, создавая в течение последнего прибавочную стоимость. Частному капиталу при этом требуется производство не просто некоей прибавочной стоимости, а как можно большей прибавочной стоимости. Это достигается как за счет удлинения рабочего дня, когда рабочий день не ограничен, и соответствующего абсолютного удлинения прибавочного рабочего времени, так и за счет сокращения необходимого рабочего дня, когда он уже ограничен, т.е. за счет относительного удлинения прибавочного рабочего времени. К. Маркс показал, что абсолютное удлинение прибавочного рабочего времени можно рассматривать и как относительное, равно как относительное – абсолютным. Только для буржуазного способа производства ключевым служит само требование удлинения прибавочного рабочего времени, все равно какого: абсолютного или относительного.

Для способа производства, сменяющего буржуазный и как определенный для начала как постбуржуазный (в последующем определение будет изменено), востребованным становится совершенно противоположное, а именно: сокращение прибавочного рабочего времени. При этом время, прекращающее быть прибавочным рабочим временем, не перестает быть рабочим. Оно, как описано ранее, задействуется для создания стоимости, подлежащей присвоению обществом в целом. Тем самым порождается замещение, преобразующее прежние буржуазные отношения и обеспечивающее постоянно растущий ареал для функционирования новых отношений, одной из отличительных черт которых является их целообщественный и непосредственно общественный характер. Иначе говоря, там, где раньше имели место атомистического и опосредованного характера отношения, теперь установлены и развиваются отношения противоположного рода. Они требуют появления на рыночном поле принципиально нового игрока – игрока с калибром «макро», т.е. макроигрока. В обязанности ему вменяются ранее никем не исполнявшиеся функции регулирования экономики спроса и предложения и превращения последней в экономику для всех и ради и каждого. Таким игроком может быть только государство. Соответственно от него будет требоваться все более активное регулирование (по преимуществу косвенное) экономики вместо прежнего невмешательства (LAISSEZ FAIRE) в рыночные процессы и перерождение из сугубо буржуазного государства в иное, действующее в интересах всех своих граждан, а не только богатой их части. Следовательно, постбуржуазный способ производства включает в свое бытие и соответственно определение не только

сокращающееся на микроуровне прибавочное рабочее время, но и отсутствовавший ранее на макроуровне регулятор производства – становящееся все более общенародным государством.

Характеристика постбуржуазного способа общественного производства будет неполной, если не указать следующее. Отмеченное сужение ареала буржуазных отношений, если взять их действительно главный аспект, должно знаменовать собой в первую очередь ликвидацию отчуждения трудящихся от средств производства. Соответственно расширение этого ареала должно включать в себя превращение этих средств производства в объекты перекрестной акционерной собственности. В таком случае сокращение прибавочного рабочего времени должно и будет индикатизировать собой в том числе и результативность усилий общества в лице государства, становящегося все более общенародным, по постепенному преодолению отчуждения своих членов от средств производства и расширению масштаба и участников перекрестного акционирования общественного производства. Иными словами, усилий по преодолению социально-экономического неравенства.

Защита Маркса...

Указание на рождение в 30-х годах XX в. нового (постбуржуазного) способа общественного производства и помещение макроэкономии (экономии рабочего времени общества) в основание этого способа объясняет следующие вопросы.

Буржуазное производство до предела накопило социальные противоречия (в первую очередь между капиталом и трудом, между частнокапиталистическим присвоением и общественным характером производства). Поэтому казалось, что новый строй своим рождением и функционированием разрешит именно эти противоречия, т. е. разрешит вопрос справедливого присвоения условий и результатов общественного производства. Однако развитие пошло по иному пути.

Прежде чем решить вопросы социальной справедливости, нужно сначала, как свидетельствует история, решать проблему экономической эффективности. В СССР мы были все равны, но при этом и почти все, как нам казалось, небогаты. Тяга к лучшей жизни и сделала насущным возврат к истокам экономической эффективности. Вот только СССР развалился как система, не обеспечившая наивысшую экономическую эффективность.

Вот и с буржуазным производством, точнее, с его финалом, приключилась подобная история. Нараставшие в своей силе кризисы перепроизводства обуславливали не только социальное загнивание существующего строя, но и огромные растраты общественного труда /8, с. 105/. Во время последнего кризиса, самого разрушительного по своим последствиям, Великой депрессии, передовые страны, экономики которых как раз зиждидились все еще на буржуазном способе производства, были отброшены в своем развитии, кто на 30,

кто на 35, кто на 40 лет /12, с. 27; 14, с. 39/. Достигнутые за треть века результаты были растрчены. Поэтому там, где государства взяли под свой контроль рыночные процессы, т.е. функционированию частного монополистического капитала было навязано государственное регулирование, что равнозначно тому, что макроэкономика была превращена в основание экономики, социально-экономическое развитие пошло по пути, который сейчас признан самым успешным и верным. Там, где основанием экономики была принята общенародная собственность на средства производства, при одновременном уничтожении частной собственности, социально-экономическое развитие зашло в тупик. Для этого потребовалось совсем немного времени: каких-то 74 года.

А ведь не просто так К. Маркс в качестве первого закона постбуржуазного производства определял именно макроэкономиию. Правда, вместе с этим он постулировал уничтожение частной собственности. Но это исключает макроэкономиию в качестве первого закона. Построение постбуржуазного производства в советском государстве было осуществлено именно по тому пути, который на деле оказался тупиковым, тогда как первый, реализованный не в СССР, стал столбовым. Поэтому рождение нового способа общественного производства, приходящего на смену буржуазному, нужно связывать с началом реализации «Нового курса» Ф. Рузвельта в 30-х годах XX в. в США /2; 5, с. 14/. Только вот как Голландия не стала образцом буржуазного развития, хотя и является родиной капитализма, так и США перестают быть образцом постбуржуазного развития, поскольку превратились в страну-агрессора, опасную и неприятную для нормальной части человечества. Новый строй призван стать справедливым (после решения вопросов экономической эффективности), а потому негоже быть агрессором, несущим разрушения другим странам. Мир найдет альтернативу американскому господству и беспределу.

Итак, кроме несправедливости буржуазное производство генерировало макронеэффективность. Последний давал о себе знать все больше и больше с каждым новым кризисом перепроизводства, ибо каждый новый кризис по сравнению с предыдущим нес еще большую разрушительную силу. Разумеется, это не осталось незамеченным не только для К. Маркса и его сподвижников. Уже с 60-х годов XIX в. наиболее проницательные экономисты (не из марксистской среды⁷) стали задумываться над повышением эффективности функционирования механизма рынка. Эти экономисты стали создавать теорию, которая, как они считали, поможет сделать механизм спроса и предложения (т.е. рынка) более эффективным. Данная теория явилась теорией предельной полезности.

Сейчас не время затрагивать вопрос о борьбе представителей этой теории с марксизмом, о том, что эта теория подошла ко двору людей, защищавших буржуазный строй. Нужно сказать о том, что теория эф-

фективного рыночного механизма могла найти свое по-настоящему действенное воплощение только с трансформацией буржуазного производства в постбуржуазное. Иными словами, только с установлением системы государственного регулирования экономики спроса и предложения. До этой трансформации теория предельной полезности в частности и теория эффективного функционирования рыночного механизма в целом носили схоластический характер. Это обусловлено тем, что функционирование буржуазного производства описать могла лишь марксистская политическая экономия. Так что все навязывания постулатов указанных теорий тому, как на самом деле функционировало и развивалось буржуазное производство, оказываются неправомерными.

Уяснение обстоятельств рождения и применимости вышеуказанных теорий позволяет понять, почему на Западе считается, что основы планового ведения хозяйства заложили представители именно этих теорий, такие как Л. Вальрас, В. Парето и т.д. /15, с. 132/. Скажем больше, в теории экономии рабочего времени общества (макро-экономии) ключевое значение имеет не рабочее время как таковое, а вынужденное рабочее время, перекликающееся с рабочим временем как тягостью (rain), как рассуждал У.С. Джевонс /15, с. 58/.

После сделанных замечаний очевиден вывод, что теория предельной полезности зашла во временном измерении на территорию, которую правильно описал только К. Маркс. Потому критика марксова учения о буржуазном производстве со стороны адептов теории предельной полезности, а теперь и теорий, образующих современный мейнстрим, просто безосновательна. Кстати, об одной из них, а именно теории экономического роста, далее пойдет речь. Ценители этой теории, наоборот, приплетают реалии буржуазного производства к нынешним дням.

Позволим себе еще раз озвучить тезис, что в 30-х годах XX в. произошли события, предопределившие только лишь формально наступление нового этапа в развитии капиталистического производства. До этих событий производство прибавочной стоимости, составляющее суть капиталистического производства, носило безусловный характер. Оно обуславливало упрощение труда, а также многие другие моменты, которые в совокупности придали капиталистическому производству буржуазную форму. Иначе говоря, до 30-х годов прошлого столетия осуществлялось не просто капиталистическое, а именно буржуазное производство.

После «запуска» в 30-х годах XX в. процесса макроэкономии, материализовавшегося в установлении системы государственного регулирования экономики, производство прибавочной стоимости потеряло свой безусловный характер. Так, для наиболее успешного осуществления данного производства стало необходимым следование требованиям процесса макроэкономии, в числе которых значились усложнение общественного труда и очеловечивание отношения

⁷ Первым из них был У.С. Джевонс.

капитала к труду. Суть трансформации можно изложить еще и так, что была сформирована своего рода макрооболочка. Ее функционирование побудило производство прибавочной стоимости осуществляться сообразно своим требованиям. И именно законы функционирования и развития этой макрооболочки (макросистемы), а не производства, нацеленного на создание и присвоение прибавочной стоимости, определяют характер социально-экономического развития в передовых странах мира после 30-х годов XX в. Поэтому можно утверждать, что современный способ общественного производства уже не может характеризоваться как буржуазный. В предыдущем разделе современный способ общественного производства был охарактеризован как постбуржуазный. Такая характеристика дана, чтобы отделить периоды, когда капиталистическое хозяйство функционировало самостоятельно, без каких-то макрооболочек, в буржуазной форме, и когда оно утратило полную свободу своих действий, попав под внешнее управление и заодно сняв с себя буржуазную форму.

Далее, как буржуазное производство развивалось поэтапно, – последняя стадия, как известно, определяется как империалистическая, – так и постбуржуазному производству суждено развиваться по стадиям. По крайней мере вторая стадия уже стала явью. Ее наступление примерно в 50-60-е годы XX в. в передовых странах мира было обусловлено тем, что процесс макроэкономики подготовил почву для появления процесса, противоположного макроэкономии. Только это было предсказуемым событием. Поскольку процесс макроэкономики своим воплощением имеет рациональное распределение и использование ограниченных ресурсов, а достигаемый эффект имеет краткосрочный характер, ибо не востребуется воспроизводство ограниченных ресурсов, то императивом экономической деятельности процесс макроэкономики делает обеспечение краткосрочной эффективности общественного производства. Понятно, что со временем обеспечения одной только краткосрочной эффективности окажется недостаточно. Необходимо, чтобы экономика эффективно функционировала и в долгосрочной перспективе. Это предполагает также и эффективное осуществление общественного воспроизводства.

Процессом, с запуском которого связывается наступление второй стадии постбуржуазного развития и который становится заглавным, ибо долгосрочная эффективность выступает его атрибутом, является рост производительности общественного труда. Рост производительности общественного труда как заглавный выходит на авансцену постбуржуазного развития не одновременно с процессом макроэкономики. Он выходит лишь после того, как процесс макроэкономики реализовался, востребовался не разовый абсолютный, а постоянный относительный рост производительности общественного труда, отражаемый в положитель-

ных темпах прироста. Кроме того, подобно процессу макроэкономики, который напрямую себя не позиционирует, иначе все было бы очевидно, а прячется за необходимостью рационального распределения и использования ограниченных ресурсов, непрерывный рост производительности общественного труда на поверхности явлений реализует себя, и это доказуемо ^{2/}, посредством постоянного относительного роста валового внутреннего (или национального) продукта, повышения благосостояния граждан и роста экономического потенциала.

Три последних вышеуказанных процесса составляют основное содержание явления, которое в современной литературе определяется как экономический рост. Поэтому рост производительности общественного труда реализует себя не иначе как через экономический рост в его современном понимании. Вследствие этого уже от экономического роста требуется такое его протекание, чтобы при этом обеспечивался непрерывный рост производительности общественного труда. Поскольку далее рост производительности общественного труда только содержательно определяет происходящее с 50-60-х годов XX в. в экономиках передовых стран мира, то вторую стадию постбуржуазного развития требуется ассоциировать с осуществлением именно экономического роста, что, собственно, и делается. Рост производительности общественного труда остается как бы за кадром, хотя этот рост есть причина всех причин, особенно для удлинения третьего временного отрезка рабочего дня...

Автору так долго пришлось рассказывать про стадию постбуржуазного развития⁸, чтобы показать коренные различия между тем, что двигало экономическое развитие в доимпериалистическую капиталистическую эпоху и что двигает его сейчас. Когда этих различий не приводят, чем грешат теоретики, описывающие и моделирующие экономический рост, ибо в их исследованиях, да и не только в них, а во всех без исключения, отсутствует понимание сути произошедшей в 30-х годах XX в. трансформации, то полагают, что тогда и сейчас действуют практически одни и те же законы, вследствие чего случаются неприличные казусы.

Так, согласно теоретическим постулатам, экономический рост в его современном толковании ни с того, ни с сего взял старт не с 50-60-х годов XX в., а с 1870 г., причем ни годом позже. Сомневающимся в точности этой даты нужно просто заглянуть в любой из современных учебников по экономическому росту⁹. Таким датированием мало того что распространяют действие современных законов на совершенно иную эпоху и тем самым, кстати, повторяют нечестный трюк создателей теории предельной полезности, так еще обеляют бесчеловечный (буржуазный) капитализм, будто последний и не знал закона всеобщего накопления капитала, т.е. нищета не плодилась, наоборот, искоренялась, а благо-

⁸ С конца XX - начала XXI вв. наступила третья стадия, но это предмет отдельного исследования.

⁹ Выбор этой даты связан с тем, что с нее, как считается, начинает иметь место один из так называемых стилизованных фактов Н. Калдора, касающихся экономического роста (см., например, /17, с. 7-8; 12, с. 26-27/).

состояние людей, не входящих в буржуазные круги, соответственно и в общество, увеличивалось /10, с. 218/.

Можно было избежать вменения экономического роста буржуазному развитию и по «техническим» признакам. Атрибутом современного экономического роста, как было отмечено выше, являются положительные темпы прироста валового внутреннего продукта в передовых странах мира. Буржуазное же производство в периоды кризисов перепроизводства испытывало спады в абсолютном выражении, отбрасывавшие его на много лет назад. Причем периодическое тестирование отрицательных темпов являлось закономерным, а потому неизбежным. Вот только избежать указанного вменения не удастся ввиду огромной теоретической дыры, зияющей в мейнстриме.

Рассмотренная ситуация с вменением современных реалий действительности двухвековой давности, в принципе, легко обратима. В том смысле, что уже двухвековая давность послужит материалом для инкрустации в сегодняшний день. Разумеется, мало кто, находясь в здравом уме и твердой памяти, поверит в небылицы о том, что тогда и сейчас мир живет по одним и тем же законам. Но разве миф о спасении капитализма в 30-х годах XX в. не то же самое? В самом деле, если считать, что в эти годы капитализм чудесно спасся от коммунистического будущего, то логично далее утверждать, что и прежние законы функционирования и развития капиталистического производства сохранили свою актуальность, а поскольку других законов мейнстрим не выявил, то и вовсе поучать, что мир все так же развивается согласно этим законам, т.е. капиталистическим. В этом отношении концепция позднего капитализма принципиально и идейно далеко не ушла от подобных воззрений, как бы обидно это не звучало для ее последователей, ибо они также не в курсе как о рождении нового, постбуржуазного производства, так и о законах функционирования и развития последнего, стало быть, не могут предложить ничего принципиально нового относительно появления у капитализма элементов посткапиталистических отношений, к которым (элементам) они относят и экономический рост.

Вообще-то это вменение буржуазных законов другим небуржуазным формациям есть давний фирменный трюк апологетов буржуазного строя. Очень-очень жаль, что до этого времени им, надевшим новую личину, удастся проворачивать свою антинаучную аферу. Естественно, они модернизируют свои уловки. Вот как, например, полощутся современные мозги при помощи теории экономического роста, возникшей на Западе после создания Р. Солоу в 1956 г. своей знаменитой модели. «Предсказания модели Солоу... (и успех этих предсказаний) особенно ценны, если сопоставить их с теорией Карла Маркса о развитии капиталистической экономики. Маркс предсказал, что эффективность капитала будет со временем падать, что приведет к экономическому и политическому кризису. Экономическая история не подтвердила предсказаний Маркса, что частично объясняет причину того, почему мы сейчас изучаем теорию роста Солоу, а не теорию роста

Маркса» /18, с. 178/.

Снова ненавязчиво и гипнотически внушается мысль, что продолжают действовать законы буржуазного развития и что не К. Маркс, а теперь уже

Р. Солоу (сколько их еще новых Кассандр появится?) наиболее верно познал их, раз дает наилучшие предсказания. Но в настоящей статье уже перестало быть секретом, что теория экономического роста, в которую включена модель Солоу, призвана раскрывать реалии следующего за буржуазным способом производства. В отношении же К. Маркса и его учения о буржуазном производстве следует повторить замечательные ленинские слова: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно»...

Больше в защиту К. Маркса сказать нечего, может быть, только следующее: «Тот факт, что капитализм на Западе почти безвозвратно ушел в небытие тем путем, который предсказывали фабианцы, не умаляет величия труда, совершенного Марксом, – разве что в деталях. Ведь мы везде видим такое положение, когда на смену открытой эксплуатации рабочих, приватизации прибавочной стоимости пришла социализация в форме налогового обложения, которое во все возрастающей степени применяется ради того, чтобы сделать мир лучшим для каждого человека. Современное общество не стало себя утруждать отнятием у собственников принадлежащих им средств производства – оно оставило им психологическую удовлетворенность фактом «владения», но взамен этого стало выкачивать в свою пользу большую часть доходов, которые в раннем капитализме присваивались частными собственниками» /19/.

В приведенной цитате не только выражено отношение к научному подвигу Карла Маркса. В ней в сжатом виде отражено случившееся с капитализмом, хотя случившемуся (безвозвратному его уходу в небытие и социализации), надо специально повторить, прежде не было найдено объяснения причин. Все потому, что не был должным образом изучен процесс макроэкономики. Тогда бы сразу нашлось объяснение не только причинам случившегося с капитализмом, но и тому, когда и почему был дан старт кардинальным переменам. Место и значение макроэкономики для постбуржуазного способа общественного производства автором тезисно описаны. Далее следует защитить уже свои ранее выдвинутые тезисы. Иначе, требуется выполнить обещание, сделанное еще до защиты

К. Маркса: представить систему категорий и законов постбуржуазного способа общественного производства, основанием (исходным пунктом) которого является макроэкономика, – разумеется, насколько позволяет формат статьи.

P.S. Подчеркнем, что определение этапа социально-экономического развития как позднего капитализма, данное А.В. Бузгалиным, неверно во всем. Прогресс капитализма на позднем этапе его развития есть создание предпосылок для наибо́льшего ухода в небытие его буржуазной формы производства. С этим капитализм довольно-таки оперативно справился с

конца XIX в. до первой трети XX в. Это первое. Никакого требования к инициализации экономического роста, как он был описан выше, и задействию перечисленных

А.В. Бузгалиным элементов посткапиталистических отношений поздний капитализм не мог, да и не может выдвинуть, ибо их генерирование есть прерогатива постбуржуазного производства. Это второе. Стало быть, специфические черты, возникшие во второй половине

XX в. – это черты не позднего капитализма, а скидывающего с себя буржуазные одежды нового строя. Это третье. Всего этого нельзя не заметить. А потому не просто так А.И. Колганов, соратник и единомышленник А.В. Бузгалина, заявил «об инволюции системы капиталистических производственных отношений в ее наиболее фундаментальных основаниях» /20, с. 81¹⁰. В ответ можно только добавить про дату этой инволюции. ■

¹⁰ Кстати, о самой статье А.И. Колганова. Вопреки высказанному в ней мнению, современные изменения в денежном хозяйстве вовсе не обусловлены процессами, происходящими в финансовом капитале. Это – проповедование вульгарной политэкономии, против которой борются А.В. Бузгалин, сам А.И. Колганов и все марксисты (в том числе и автор настоящего исследования). Указанные изменения обусловлены в общественном производстве и привели к изменениям в структуре затрат и соответственно стоимости. Изменения в финансовом капитале, шедшие параллельно, в конечном счете наложились на изменения в структуре затрат и стоимости, чтобы вместе создать иллюзию развития денежного хозяйства как следствия развития финансового капитала.

Литература

1. Акимов Н.И. От капитализма к капитализму. В 3-х т. Т. I. – Алматы, 2014.
2. Акимов Н.И. От капитализма к капитализму. В 3-х т. Т. II.
3. Акимов Н.И. От капитализма к капитализму. В 3-х т. Т. III.
4. Акимов Н.И. Политическая экономия современного способа производства. Кн. 1. – М., 2002.
5. Акимов Н.И. Социализирующийся капитализм (конспект монографии «От капитализма к капитализму» (в шести частях)). – Алматы, 2018.
6. Гайдар Е.Т. Долгое время Россия в мире: очерки экономической истории. – М., 2005.
7. Бузгалин А.В. Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. – 2018. – №2.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
9. Курс политической экономии. В 2-х т. Т. II. Социализм / Под ред. Н.А. Цаголова. – Изд. 3-е. – М., 1974.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25.
11. Коган А.М. Деньги, цена и теория трудовой стоимости. (Новая парадигма теории трудовой стоимости). – М., 1991.
12. Джонс Ч., Воллрат Д. Введение в теорию экономического роста. – М., 2018.
13. Теория капитала и экономического роста / Под ред. С.С. Дзарасова. – М., 2004.
14. Варга Е.С. Современный капитализм и экономические кризисы (избранные труды). – М., 1962.
15. Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. – М., 1991.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I.
17. Барро Р.Дж., Сала-и-Мартин Х. Экономический рост. – М., 2015.
18. Мэнкью Н.Г. Макроэкономика. – М., 1994.
19. Karl Marx's Economics. Critical Assessments. Vol. I. London; New York; Sidney, 1988. P. 265. Перевод по: Брагинский С.В., Певзнер Я.А. Политическая экономия: дискуссионные проблемы, пути обновления. – М., 1991. – С. 257.
20. Колганов А.И. Эволюция денег как момент эволюции финансового капитала // Вопросы экономики. – 2019. – №8.

References

1. Akimov N.I. From capitalism to capitalism. In 3 volumes T. I. - Almaty, 2014.
2. Akimov N.I. From capitalism to capitalism. In 3 volumes T. II.
3. Akimov N.I. From capitalism to capitalism. In 3 volumes T. III.
4. Akimov N.I. The political economy of the modern mode of production. Prince 1. - M., 2002.
5. Akimov N.I. Socializing capitalism (compendium of the monograph "From capitalism to capitalism" (in six parts)). - Almaty, 2018.
6. Gaidar E.T. For a long time, Russia in the world: essays on economic history. - M., 2005.
7. Buzgalin A.V. Late capitalism and its limits: the dialectics of productive forces and industrial relations (on the 200th anniversary of Karl Marx) // Issues of Political Economy. - 2018. - No. 2.
8. Marx K., Engels F. Soch. 2nd ed. T. 23.
9. The course of political economy. In 2 volumes T. II. Socialism / Ed. ON THE. Tsagolova. - Ed. 3rd - M., 1974.
10. Marx K., Engels F. Op. 2nd ed. T. 25.
11. Kogan A.M. Money, price and labor value theory. (A new paradigm of labor value theory). - M., 1991.
12. Jones C., Vollrat D. Introduction to the theory of economic growth. - M., 2018.
13. The theory of capital and economic growth / Ed. S.S. Dzarasova. - M., 2004.
14. Varga E.S. Modern capitalism and economic crises (selected works). - M., 1962.
15. Braginsky S.V., Pevzner Y.A. Political economy: debatable problems, ways of updating. - M., 1991.
16. Marx K., Engels F. Op. 2nd ed. T. 26. Part I.
17. Barro R.J., Sala-i-Martin H. Economic growth. - M., 2015.
18. Mankyu N.G. Macroeconomics. - M., 1994.
19. Karl Marx's Economics. Critical Assessments. Vol. I. London; New York; Sidney, 1988. P. 265. Translation by: Braginsky S.V., Pevzner Y.A. Political economy: debatable problems, ways of updating. - M., 1991. -- S. 257.
20. Kolganov A.I. The evolution of money as a moment of evolution of financial capital // Issues of Economics. - 2019. - No. 8.

Аңдатпа

Мақалада әлемнің дамыған экономикаларындағы қазіргі даму процестерін ұзақ мерзімді зерттеу нәтижелері келтірілген. Автор қазіргі дамудың жаңа теориялық көзқарасын жасады.